

Перовестник

Сборник произведений молодых авторов-
лауреатов литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева

Красноярск
2008

Издание осуществляется по инициативе некоммерческой организации
«Фонд имени В. П. Астафьева»

По инициативе В. П. Астафьева с 1994 года проводится конкурс на присуждение Литературных премий Фонда им. В. П. Астафьева в номинациях «Проза», «Поэзия», «Иной жанр», «Ранний дебют». Задача конкурса – выявление и поддержка наиболее талантливых молодых писателей, чья творческая деятельность уже имеет некоторые значимые результаты, получившие признание профессионального сообщества и общественного мнения.

Лучшие работы участников конкурса публикуются.

Вся информация о фонде и конкурсе: www.astafiev.ru

Данное издание осуществлено при поддержке агентства по реализации программ общественного развития и молодежных проектов администрации Красноярского края в рамках реализации Закона Красноярского края «О государственной молодежной политике в Красноярском крае».

Литературный редактор: Антон Нечаев

Корректурa: Т. М. Сергиенко, О. А. Пантищева

Идея оформления сборника произведений лауреатов литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева – Герман Абелев

Дизайн, верстка: рекламное ателье «Хорошо»
ул. Дубровинского, 110-613, тел.: (3912) 21-27-01, 21-31-65, 21-32-25
e-mail: horosho@rahorosho.ru
www.rahorosho.ru

Отпечатано: группа компаний «Платина», 2008
Красноярск, пр. Красноярский рабочий, 71д, тел.: (3912) 64-16-31, факс 64-16-27
e-mail: info@platinum.ru
www.platinum.ru

Маленькая звездочка на длинной цветоножке, белые, нежно пахнущие лепестки с розовинкой – это лесная ветреница – первовестница весны.

В. П. Астафьев, «Первовестник»

Оглавление

К читателям		7
<hr/>		
Лауреаты 2007 года		10
<hr/>		
Поэзия		10
<hr/>		
Рустам Карапетьян	Предчувствие иного	11
Владимир Пшеничный	Самая лучшая лошадь	14
Анастасия Ануфриева	Мы все у Бога на ладони	19
Диана Перфильева	Нежность прощальных минут	21
Проза и публицистика		22
<hr/>		
Наталья Скакун	Косенькая	23
Вячеслав Корнев	Энциклопедия современных вещей (фрагмент)	34
Василина Степанова	Енисейск – моя духовная родина (фрагмент)	58
Номинанты 2007 года		66
<hr/>		
Поэзия		66
<hr/>		
Валентина Гуркова	Таинственные тени	67
Дмитрий Коро	Всматриваться в каждого человека	69
Анжела Пынзару	Та часть	72
Алексей Евстратов	Бонус-трек	74
Светлана Зернес	Солдатская вдова	76
Анна Черкашина	Не такая	78
Елена Карева	Рифмы времени	81

Проза		83
<hr/>		
Александр Тюжин	Страдания на кухне	84
Елена Шуваева-Петросян	Шекспиру и не снилось	90
Андрей Минеев	Два рассказа	97
Анна Никольская-Эксели	Ангел-хранитель	102
Александр Бронский	Валентина	110
Валерия Олюнина	Поцелуй чужой старухи	115
Вячеслав Немышев	Мамочка и «красавчик»	121
Мария Скрыгина	Вечность и один день	130
Евгений Эдин	Абсолютный слух	140
Алексей Захаров	Колокола небесные	147
Лауреаты 1995–2005 годов		161
<hr/>		
Леонид Кудрявцев	Фэнтики	162
Владимир Титов	...И если я сейчас не опечален	165
Игорь Корниенко	Бомж, который верил в презумпцию невиновности	168
Антон Нечаев	Старик	176
Александр Силаев	Гуманная мизантропия (фрагмент)	178
Виктор Теплицкий	Предвестницы распада	198
Евгений Мамонтов	Лучший секс в моей жизни	201
Елена Сафронова	Дебют	205
Мосунова Дарья	Про краски, кисточки и...	212
<hr/>		
Дмитрий Румянцев	Два стихотворения	221

Астафьевский мемориал 223

Евгения Кузнецова В. П. Астафьев. Последний бастион 224

Владимир Мельник Русские судьбы: Виктор Астафьев – 229
работник одиннадцатого часа

Горизонты

Наталья Иванова «Знамя» – это знамя литературы» 237

Дина Рубина «Спасибо за сочувствие!» 242

Евгений Степанов «А если завтра у нас кончатся 247
силы?»

Ирина Машинская, Олег Вулф «У «Сторон света» есть своя 256
философия»

Евгений Попов «В литературе каждый 262
НАСТОЯЩИЙ занимает свое
место»

Дорогие друзья!

Мир вокруг нас – прежде всего люди. Мир до и после нас – тоже люди.

Ткань времени – человеческие судьбы. Но есть имена, которые служат ориентиром для других – и в свою эпоху, и после, уже для потомков. Имя Виктора Петровича Астафьева – как раз из таких имен. Писатель от Бога и от земли русской, сибирской, он писал – как чувствовал. И именно потому, наверное, помимо писательской биографии сложил биографию общественную – в тревогах о Сибири, о культуре, о молодежи. Виктор Петрович уделял особое внимание воспитанию и развитию молодежи, повышению ее культурного, духовного уровня. Делал он это без пафоса, очень искренне.

Основанный в 1994 году общественный фонд его имени был призван поддерживать молодые таланты в разных сферах искусства. Фонд стал любимым детищем Виктора Петровича: он всегда активно участвовал в определении лауреатов фонда, знакомился с работами претендентов – не только в литературной номинации, но и в номинациях «Театр», «Журналистика». И даже были учреждены специальные премии Виктор Петрович сам определял лауреатов – то девушек-библиотекарей, то музейщиц...

29 ноября 2001 года Виктора Петровича не стало. Но дело его живет: фонд по прежнему ежегодно вручает премии (теперь уже только литературные); со всей России на родину В. П. Астафьева съезжаются молодые прозаики и поэты, критики и драматурги, чтобы получить почетную награду, и поклониться могиле классика. И 2008 год не стал исключением. Из трехсот рукописей, пришедших на конкурс, экспертная комиссия по итогам 2007 года отобрала сначала около пятидесяти по всем номинациям, затем были составлены шорт-листы в номинациях «Проза» и «Поэзия». Шорт-листы были представлены учредителям, которые и выбрали лауреатов. С 2008 года при поддержке властных структур Красноярского края выходит сборник, который вы держите в руках – «Первостепень». Это название одного из рассказов Виктора Петровича, и по смыслу своему отражает главную нашу задачу – поддержать первый опыт, заметить первую удачу, подарить первый успех.

По итогам 2007 года лауреатами литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева стали: в номинации «Поэзия» Владимир Пшеничный (г. Томск) и Рустам Карапетьян (г. Красноярск), в номинации «Проза» Наталья Скаун (пос. Балахта Красноярского края), в номинации «Иные жанры» Вячеслав Корнев (г. Барнаул), в номинации «Ранний дебют» Анастасия Ануфриева (г. Томск) и Василина Степанова (г. Красноярск). Специальных дипломов «за особые успехи в литературном творчестве» удостоены Диана Перфильева (г. Красноярск) и Гана Шусткова (Чешская Республика). Мы

представляем вам произведения новых лауреатов, а также лучшие из работ номинантов.

Фонд имени В. П. Астафьева не забывает своих подопечных, следит за их достижениями. В 2007 году лауреат премии имени В. П. Астафьева критик Елена Сафронова (г. Рязань) стала лауреатом премии журнала «Урал»; лауреаты нашего фонда прозаики Вячеслав Миронов и Евгений Мамонтов выпустили новые книги в столичных издательствах; в московском журнале «Дети Ра» вышли стихотворения лауреатов нашего фонда Виктора Теплицкого, Татьяны Долгополовой, а также стихи Ильи Трубленко и Анжелы Пынзару – номинантов этого года... Произведения лауреатов прошлых лет нашего фонда, в большинстве своем уже известных писателей, вы также найдете в «Первостранике».

Мы всегда уделяли большое внимание не только творческому развитию молодых талантливых авторов, но и расширению их литературного кругозора. В нашем сборнике в разделе «Горизонты» вы сможете прочесть с известными российскими литераторами: Евгением Степановым, Натальей Ивановой, Диной Рубиной, Ириной Машинской и Олегом Вулфом (по материалам сайта Фонда Астафьева www.astafiev.ru).

И, конечно, главная цель всей работы фонда – это сам Виктор Петрович Астафьев, увековечивание памяти о нем, сохранение Астафьевских Смыслов... В разделе «Астафьевский мемориал» нашей книги помещены: работа известного литературоведа, профессора Владимира Мельника о Викторе Петровиче, и отрывок из книги Евгении Кузнецовой «Акулина в бизнесе, или Три жизни ...» – воспоминание о встречах с В. П. Астафьевым.

Самое важное, что не прерывается связь поколений, что молодые писатели по-прежнему высоко держат знамя отечественной словесности, успешно продолжая (уж простите за пафос) дело Пушкина и Есенина, Рубцова, Астафьева... И хотя уже более шести лет нет с нами Виктора Петровича, молодежь по-прежнему чувствует поддержку его великого имени...

«Как часто мы бросаемся высокими словами, не вдумываясь в них. Вот долдоним: дети – радость. Дети-счастье, дети – свет в окошке! Но – дети это еще и вечная мука наша. Вечная наша тревога. Дети – это наш суд на миру, наше зеркало, в котором совесть, ум, честность, опрятность нашу – все наголо видать. Дети могут нами закрыться, мы ими – никогда. И еще: какие бы они ни были большие, умные, сильные, они всегда нуждаются в нашей защите и помощи». В. П. Астафьев, «Царь-рыба»

Особая благодарность членам Экспертного совета премии, молодым литераторам Игорю Корниенко (г. Ангарск), Евгению Мамонтову (г. Владивосток), Дмитрию Румянцеву (г. Омск), Елене Сафроновой (г. Рязань), Юлии Старцевой (Ленинградская область), Владимиру Титову (г. Новосибирск), которые согласились помочь в определении лучших работ конкурса. Спасибо нашим постоянным спонсорам: компании «Балтика», ОАО «Красцветмет», ОАО «РУСАЛ».

Лауреаты 2007 года

Поэзия

Рустам Карапетьян

Родился в 1972 году в городе Красноярске. Окончил Красноярский госуниверситет (психолого-педагогический факультет). Публикации в журналах: «День и ночь», «Литературный МІХ» (г. Санкт-Петербург), «Пролог» (Москва), «Контр@банда» (Москва). Лауреат литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2007 года в номинации «Поэзия».

Предчувствие иного

* * *

Пусть земля тебе пухом,
Небеса тебе ветром,
За разорванным кругом,
Под раскидистым кедром,
В расплескавшейся песне,
Где такое простое.
Здесь тебе было тесно
Средь бетонных построек.
Здесь тебе было глухо,
И последним ответом –
Пусть земля тебе пухом,
Небеса тебе ветром.

* * *

Падал с небес, падал,
Путая все сроки.
Были ему рады
Губы, глаза, щеки.
Бело кружил венским,
Всё обещал сбыться.
Падало вниз сердце,
И до небес – птицей.
Так целовал сладко,
Так щекотал нервы.
Был он такой краткий.
И навсегда – первый.

* * *

А сумрачный зал на сцену
Таращит глазницы-ложи.
И каплями яд по венам,
Шерстинками дрожь по коже.
И словно стихи – нескладны,
То визгом, то глупым воем,
И ватно, ах, как же ватно
Молчание гробовое.

А мне бы слова, как стрелы,
Чтоб насмерть – в сердца и в души,
Чтоб вспыхнули – и сгорели,
Чтоб внутрь и чтоб наружу.
А после – какое после? –
Когда уже все пропали,
И солнце застыло возле
Окна, не решаясь дале,
И так невозможно больно,
И выдох पहले вдоха...

А зал отрыгнет довольно –
«Ну что же, совсем неплохо».

* * *

Случается – так накроет,
 Весь мир – кувырком, вверх дном.
 И – к стенам цветущей Трои.
 И – за золотым руном.
 Ведь как ни уютна заводь,
 А все-таки жизнь – поток.
 С востока летишь на запад,
 И с запада – на восток.
 Захлебываясь в погоне,
 В попытке сорвать звезду.
 А жизнь по твоей ладони
 Протачивает
 борозду.

Побег

Бьет железом: «Побег. По-бег».
 До рассвета, сквозь ночи век
 Бег последний. Бегут по следу,
 Чуя хватко, что близко где-то
 Человек бежит, человек –
 Стая лает утробно, глухо,
 Злобным обухом в спину, в ухо,
 На колени швыряет в снег.
 Не качнулось бы небо резко,
 Я бы, может, до перелеска
 Дотянул бы свой пьяный бег.
 Только – под ноги пули садят,
 Снег взрывая до черных ссадин,
 Ближе, ближе – зарылся в снег,
 Задохнувшись на миг от боли,
 Но последним рывком – на волю.
 В бег последний. В побег. В по-бег.

* * *

Словно черный пес провыл,
 Песья вотчина.
 В мокрых сумерках травы
 Сердце скорчено.

До сырой земли поклон
 И до вывиха.
 Режет время, как стекло,
 Вдохи-выдохи.
 Не вернуться, не уйти.
 Кашлем бешено:
 Ну, приди уже, приди
 Да утешь меня.
 Обними рукой своей,
 Мягким вереском.
 В мокрой сумрачной траве
 Сердце вдребезги.

* * *

Падает вниз рука,
 Воздух горяч и туг.
 Третий крик петуха.
 Как же темно вокруг.
 Каменной стеной
 Встала, стоит толпа.
 Выпито все вино,
 Съедены все хлеба.
 Ноги уносят прочь –
 Где-то ж остался свет.
 «Ты ли?..» – прошепчет ночь.
 С губ облетает: «Нет...»
 Дальше и нем, и глух,
 И безнадежно слеп.
 Что ж ты орешь, петух?
 Видишь – рассвет потух,
 Окаменел мой хлеб.

.....

О, как же душно, и как же людно.
Такая жажда, такая сушь.
Глазами жадно – эй, где там чудо?
Народу – зрелищ! Оркестр – туш!
Ну, выдай, клоун, свой вопль
ослиный!

Ударся больно, свались мешком!
О, как же тесно в моей пустыне,
Где каждый метит через ушко.
И каждый верит – проезд оплачен,
А остальное – до фонаря.
Но вот ребенок глядит и плачет.
А это значит, что все не зря.

.....
Слишком умные и приличные,
Точно знающие, как надо.
Но не дрогнет зерно горчичное
Под мохнатым тяжелым взглядом.
Не пьянели ни разу песнею
И по-глупому не чудили.
Доживете, поди, до пенсии.
Впрочем, вы еще и не жили.
Доживали, жевали, выжили.
Нынче мудрые ли, в законе ли.
Как сказать, чтобы вы услышали
И хотя бы немножко поняли?

* * *

Земли усталой замер плавный ход,
И в тот же миг всей тушей косолапо
Качнулось небо тучное вперед,
И Солнце, дрогнув, двинулось
на Запад.
Земля вздохнула, чуть прикрыв глаза,
От отдыха внезапного немея.
Смотри – Луна взошла. И кто сказал,
Что неверна система Птолемея?

* * *

Отряхнув от скушной пыли,
Расправляю с легкой болью
Я слежавшиеся крылья,
Чуть поеденные молью.
Расправляю, словно ворон,
Ослабевший в клетке узкой.
Глянет зеркало укором,
Мол, не те уже нагрузки.
Мол, куда в твои-то годы
Облакам дышать в загрибок,
Невзирая на погоду
И отсутствие прививок.
Прочь, изыди, бес стеклянный,
На твои плевать прогнозы,
Я взлечу над океаном
Самым белым альбатросом.
Облаков утрешь я мохом,
Чмокну солнышко неловко!..
.....
Молча прячу с горьким вздохом
Крылья в темную кладовку.

* * *

Вечер дышит в полусне,
И, вплетясь в деревьев лепет,
Ветер лижет с яблонь снег,
Лепестки на взгляды лепит.
Здесь лишь только и сейчас
Вечер дышит полусонно,
Словно с неба невесомо
Осыпает белым нас.
Это майская зима
Закружила бестолково.
Снежных яблонь аромат
И предчувствие иного.

Владимир Пшеничный

Родился в 1976 году в городе Томске. Окончил Томский политехнический университет, автор двух книг стихов: «Зернышко для голубя», «Бумажный Ангел»; участник Второго и Третьего форумов молодых писателей России (Москва, Липки). Публикации в журналах: «Новый мир», «Сибирские огни», «Октябрь», «День и ночь», «Начало века» и других. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2007 года в номинации «Поэзия».

Самая лучшая лошадь

* * *

я небо прочитал
как вопль
я мертв
и некому перечить
перечислять знамения
и даты
подсчитывать созвездия
и строки
завета
натягивать как тетиву
и ранить сердце
словом

* * *

дорога крутобокая
как каторга
кнутом хлестнет то розгою
а дорога

а колея уколота
иглой дождя
запнулась в небе звездочка
а коли я

и полетела искорка
лишь хвост блестел
расстрелянных не вынесло всех
поле тел

* * *

любовь

тебя здесь рынок
а меня
луна
раздавленная птичьей лапкой
на два осколка
их зажму в ладонях
и стану резать
нити рынкаи стану резать
нити рынка как цветы
и голову твою
венком украшу

* * *

мне снилась справедливость
не виданная на земле
и пьяный на коне
срывал покровы
ковры травы
горели
города шли на попятный
поздно
и непонятно как
от страха
и от нас
всем стадом вознеслись
коровы

* * *

я нить
я между вечностью
и болью
но вот гитарный рифф
меня смывает в море
и снова с лезвия
февраль
я собираюсь
пить
и снова
небо обратилось
в до
и соль земли
несолона
и полна чаша
небес
луна
вопрос
роса и
си

* * *

сладковатые сумерки
сочатся в окно
блеск
даль
и откровение
по пятам
кралась полночь
с треском расколото небо
как лед
блеск
даль
и откровение
все ближе
ближе
и вот у меня в руке
блеск
даль
и откровение

* * *

ты гол
ты голь
я сабля
в твоей руке
я буду горяча
и рьяна
раскрасим вместе
торжища
пасхальное яйцо
и чернь
с плеча
лицо боярина
дымится кровью
Русь Червонная
и рана

* * *

грязь больших городов
 хохот улиц
 и темень
 центральных проспектов
 где валялась
 поэзия геев
 все дороги посыпаны солью
 все деревья покрашены белым
 все цветы беззащитны
 и слепы
 кто же снова
 поднимет наверх
 это черное звездное небо

* * *

внимание
 все картины на выставке
 выполнены кровью художника

* * *

у меня была
 самая лучшая лошадь
 а впрочем
 что вы понимаете в лошадях
 она умела стоять на хвосте
 моя лошадь
 она была зеленая
 впрочем
 что вы понимаете в лошадях

* * *

остался кусочек неба
 осталось последнее дерево
 закрытая дверь в подъезде
 плохая защита от прибоя города
 равнодушного
 размывающего нас
 в разноликий песок
 ревущего

от тихого ужаса
 повседневности
 здесь пахнет жизнью
 люди за дверями
 одинокие
 не открывают незнакомым
 чужим
 мне

* * *

я хлопал с вами
 на суде
 ладони мои тоже красны

* * *

грязный картон
 грязный картон
 у меня ледяная душа
 и бетон
 там где сердце
 у всех
 людей разумных
 людей берущих
 за рыбу деньги
 за воду деньги
 за землю деньги
 за небо деньги

я золотой миллиард
 я богат и глобален
 и вот
 последний кусок Антарктиды
 тает
 в моей пластмассовой чашке

* * *

бабочки-однодневки
тоже
построили город
у бабочек-однодневок
тоже
была культура
и войны
и
из-за капли нектара
бабочки однодневки
до смерти душили
друг друга

* * *

прекрасное утро
сегодня
нам днем
обещают праздник
прекрасное утро
правда
рыбка моя издохла
прекрасное утро
но птица
снова разбилась
об окна
отразившие небо

* * *

красный конь
моей крови
не кован
летит дик
над городом
иноходью
я его еще ребенком
целовал в морду
у смерти вырвал хворого
вынянчил
выходил

копыта багровы
остры
бьет без промаха
все в висок
не узнан
неуздан
версты
времени сыплет в мешок
мне
дырява моя котомка
время льется
как молоко
луны
тропка на водах
ломка
ее сдует и ветерок
губ
Того
в чьих руках
мы птицы
из чьих рук
мы могли б
взлететь
но
чья там
дубина нам
в спицы
и кривая проклятая
смерть
наши крылья
еще не выросли
и ползем
в поту
и пыли
так просыпь же мне в кровь
о Господи
золотое зерно
любви

* * *

письмо тебе

вот синие буквы
их стая
киты
со страниц
уплывают
в открытое море
синее-синее небо
в медовый
и ледовитый рассвет
лови их
в холодной соленой воде
береги
они беззащитны
но если
ты к ним прикоснешься
почувствуешь
нежность
мою

* * *

Господи
скажи
сколько весит слеза
Господи
можно я буду Тебе иногда сниться
я слышал как
один ребенок сказал
так
Господи
цветы у Тебя получились лучше
чем люди
потому что цветны
их лица

Анастасия Ануфриева

Родилась в 1991 году. Участник Всесибирского семинара молодых литераторов (г. Томск, 2003), Шестого форума молодых писателей в Липках. Публикации в журналах «Сибирские Афины», «Огни Кузбасса», «Пролог», «День и ночь». Лауреат литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2007 года в номинации «Ранний дебют». Живет в Томске.

Мы все у Бога на ладони

* * *

Угрюмый милиционер
Глядит в бездонное пространство –
Приверженец вольтерианства
Он чужд системе здешних мер.

Его друзья живут зазря,
Пьют по утрам портвейн и пиво.
Ему так просто быть счастливым,
Но быть собой ему нельзя.

Спешит в подземный переход,
Где все течет поток народа,
И он заходит в эту воду,
И ищет брод, и ищет брод...

Но не находит брода он.
А с голубого небосклона
Глядит в звезду его погона
Звезда созвездья Орион.

* * *

Весна уходит. Плачут птицы.
Глаза у рыб полны слезами.
В бездонном космосе над нами
Слепое время мчится, мчится.

Весна уходит. Вот и все.
Мы этого не замечаем.
Мы лишь трехстишия читаем
Из ранней лирики Басе.

Лист лопуха росу уронит,
Гляди, его не оборви –
Мы все у Бога на ладони
Мы все у Бога на ладони
Идем по линии любви.

* * *

Осыпается штукатурка
с неба,
А вчера у кого-то сверху
протекало.
«За надежность водопровода
не ручаюсь», –
Говорил мне похмельный мастер.
Было лето.
А сегодня – ноябрь. Осень.
Серый полдень.
Этой осенью на потеху
много снега.

Одиссей возвратился. И волнам
немного

больно.

Даже вечности это трудно –
расставаться.

Он уйдет. Странник дома не может –
долго.

Он уйдет. И оставит царство –
Телемаху.

Ну а мне – только крошки
ржаного хлеба

И заржавленную монетку –
пять копеек.

Будет холодно и просторно –
там, под сердцем.

...Этой осенью отчего-то
много света.

* * *

Лучше было бы родиться
Вовсе – в немоте глубокой,
Не имеющей традиций,
Не имеющей истока.

Но, приятель невезучий,
Мы с тобою угодили
В наш Великий и Могучий,
И Прекрасный, и Обильный.

И теперь года проводим –
Ночь за ночью, том за томом,
В ожидании прихода
Удивительных фантомов.

Проявляются из мрака
Черно-белые фигуры:
Северянин в зимнем фраке
На лисицах черно-бурых,

Граф Толстой в наряде барском
И с гвоздикой в петлице,

Пушкин в ментике гусарском,
Бродский в пасмурной столице.

Что вы значите, фантомы?
Для чего вы здесь, ответьте?

Вы ошиблись или домом,
Или, может быть, столетьем.

...

Встанут, головой качают
И глядят с немым укором,
И молчат нестройным хором,
Ничего не отвечают...

* * *

Платон мне друг. Чем больше
в мире истин,
Тем проще жить поэтам и шутам,
Но тем сложнее оставаться чистым.

...Мы все равно заплатим по счетам –
Но не сейчас, мой друг. Возможно,
завтра,
А может – через сотни тысяч лет.

Синицы, журавли и космонавты
Летят на свет.

И мы живем. Ликуем и страдаем.
Творим и разрушаем красоту.
И ничего в себе не понимаем.
И ничего вокруг не понимаем.
И вовсе ничего не понимаем.
А птицы умирают на лету.

Какую боль нам новый день подарит –
И сам Господь не ведает ответ...

А мы на голубом воздушном шаре
Летим сквозь свет.

Диана Перфильева

Родилась в 1996 году в городе Красноярске. Учится по Брайлю в 4-м классе в школе для слепых и слабовидящих детей, посещает музыкальную школу. Обладатель специального диплома Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2007 года.

Нежность прощальных минут

Колечко

Сердечко пало,
Колечком стало.
Оно катилось
И удивилось,
Что есть
На свете такие
Люди, которых
Много, которых
Любят.
Которые от неудачи
В углу не стонут
И слез не прячут.

О лете

Лето наступило,
Солнышко взошло.
Очень, очень мило
К нам тепло пришло.
И в квартирах душных
Больше не сидим,
А на дачу едем
По горам седым.
Зеленеет травка,
Зеленеет луг,
И летает в небе
Быстрокрылый жук.

Милые лица

Песенка

Пеленой тумана
Скрыта вся поляна.
Предо мною Мана,
Домик на горе.
Скрипнула калитка,
И подруга Лидка
Мне открыла двери
В сонной тишине.

Припев:

Будут кружиться
Милые лица,
Нежность
Прощальных минут.
Я возвращаюсь
Снова из детства –
Дальние дали влекут.

А под утро ветер,
Солнце еле светит,
Мы уже не дети,
Любим мы других.
Я хочу, чтоб эти
Отголоски лета
Навсегда остались
В памяти моей...

Лауреаты 2007 года

Проза и публицистика

Наталья Скакун

Родилась в пос. Балахта Красноярского края. Училась на филологическом факультете КГУ. Работала в районной газете «Сельская новь», сотрудничала в региональном еженедельнике «Экран-информ». С 2005 года выпускала свою газету – «Околоток». В 2008 году в издательстве «Свиньин и сыновья» (г. Новосибирск) вышла книга рассказов «Дырки на карте». Лауреат литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2007 года в номинации «Проза».

Косенькая

На крышу Колясика понесло за черенком. Грабли надо было насадить. Колясик вполз в нутро чердака, подняв пыль, как ил со дна. Порылся в черенках, выбрал нижний, дернул. Вместе с черенком выскочила темная рамка. Снизу на Колясика глянуло полужнакомое выпуклое женское лицо. Один глаз словно косил. На месте младенца (Колясик сообразил, что здесь должен быть младенец) было бесформенное ржавое пятно. Колясик повертел бездетную икону, поколупал ржавчину. Черенок он сбросил. А икону прижал подмышкой. И так слез.

Жена осмотрела икону: один глаз явно косил, сына не было вовсе. Ржавчина предусмотрительно съела сына, не дожидаясь пока он вырастет и пострадает за грехи человеческие. А так... обыкновенная штамповка. Да еще и брак фабричный на одном глазу.

– Это чье? – спросила жена.

– Материно благословение, – брякнул Колясик, чтоб жена прочувствовала. А сам пошел грабли делать.

Женщина протерла икону тряпкой и поставила на шифоньер – вдруг и вправду благословение? Счастье им тогда будет с Колясиком. Они и так неплохо живут. Но не сравнить, конечно, с Райкой и Валентиной – Колясиновыми сестрами – за этими разве угонишься. У Валентины магазин. Себе иномарку купили, теперь сыну копят. А все плачется, что налоги большие. Ну а цены у нее? – ого! Вся деревня в тетрадке записана. В долгах, значит. А попросили занять на брус – отказала. Райка в школе работает. Зарплата огромная – тракторов накупили. Как огороды или покосы, к ним деньги – рекой. Выходит, кому и нужно благословение, так это Колясику. Он самый бедный. Тут все справедливо.

В субботу возле Колясикова дома (а дом второй с краю) притормозила машина. Машина дорогая, и человек из нее вышел городской. Колясик во дворе копался, размечал, где гряды класть. Городской спросил: «Свиньи есть?» Чего спрашивал? – видел же через загородку, что свиньи есть. Колясик молчал. Городской спросил: «Продадите?» Колясик сделал жест: «Выбирайте». Городской вытянул шею в сторону загородки. Свиньи не знали, что из-за забора смотрит на них смерть в джинсах и свитере – носились, как метеоры, демонстрируя отменное подсвиночье здоровье. Городской выбрал самого тощего. Эти городские всегда самых тощих выбирают. На диетах сидят. Колясик сказал, когда забирать мясо. И пошел за зятем Кузнецовым. За Райкиным мужем. Надо сказать, Колясиновы сестры, не сговариваясь, вышли замуж за Кузнецовых. Валентина за местного Кузнецова, а Раиса за чужого – с учебы привезла. Раньше сестер звали Колесничихи, а теперь Кузнечихи.

Они и похожи были, как близнецы, только с разницей в пять лет. Разминувшиеся близнецы.

Вдвоем с Райкиным мужем справились быстро. Подсвинка обработали в лучшем виде, уложили сбоку в пакеты (все по-городскому). Заказчик остался доволен, отсчитал Колясику деньги, открыл высланный целлофаном багажник. В этот багажник, как в гроб, уложил Колясик тушку. Зять Михаил сходил за бутылкой в магазин к Вальке. Дело это обмыли. Михаил позавидовал Колясику: живешь, мол, с краю – все к тебе за свиньями едут, везет. Колясик посопел и открыл зятю тайну: это все икона, мамино благословение. Кузнецов оглядел икону, спросил:

– А чего с глазом?

– От слез у нее, – пояснил Колясик и сам чуть не пустил слезу.

Когда провожал зятя, возле самой калитки наступил на мягкое. Поднял – бумажник. Открыл – деньги, много денег. Вернулись с зятем. Пересчитали. Оказалось без малого двенадцать тысяч. Значит, городской обронил. Зять отрицательно замотал головой, давая понять: будут спрашивать – не видел, не знаю. Какой мог быть разговор? Деньги никто не отдаст: что упало, то пропало. Колясик и Кузнецов посмотрели друг на друга, на икону. И принялись делить деньги. Колясик всегда был честным. Дал зятю две тысячи.

Утром примчалась сестра Райка. Колясик прикинулся мертвецки спящим. А Райка намеренно блажила на весь дом, несмотря на шиканье Колясиковой жены.

– Нам ваших денег не надо! – кричала Райка. – Сами заработаем. А просто не по справедливости. С чего это вам благословение?! Вам дом достался, вам всё. А мы будто не дети.

Пришлось Колясику встать. Сестра была в претензии. Сестра хотела свою часть материнского благословения.

– Икону пилить будем? – спросил Колясик.

– Сначала у вас постоит, потом у нас, и Вале тоже надо. В прошлом году мы мамину оградку красили, а в этот родительский день – Валя. Вас-то не дожدهшься.

Намек был понят. Колясик сдался. Решили так: сейчас Колясик купит брус на баню и передаст икону Раисе. У той сын будет поступать. После Райка отдаст икону Валентине – им машину покупать Сережке.

– Все одинаково дети, – подвела черту сестра.

Восстановив социальную справедливость, Райка успокоилась и села пить чай. На само благословение – на икону Райка взглянула мельком, но отметила, что глаз косою.

За деньгами городской не приезжал. Умные люди в городе – понимают, что без толку. Колясик купил бруса и не спеша взялся за баню.

Баня выходила царская. Главное, как с неба упала. Колястик смотрел на икону снисходительно, как кулак на доброго работника, который мало ест, но много пашет.

Тем временем икону торжественно перенесли к Раисе. Что делать дальше, Кузнецовы не знали. Решили, что икона сама сообразит, как устроить, чтобы Лешка поступил. Лешка хорошо учился – еще бы! – мать в школе работает. Хотел поступать на компьютерщика или на юриста. В школе было три компьютера, и один мать все время выпрашивала сыну домой. Лешка занимался целыми днями. Играл во все игры. Мать на цыпочках ходила под грохот и свист – все, что касалось компьютера, было для нее и умно, и свято. Лешка поехал в город весь в новом – спокойный и уверенный. Для большей надежности перед его носом помахали иконой. Скоро Лешка позвонил и успокоил – поступил, устраивается в общежитии. В тот же вечер за иконой пришла Валька – настал черед счастья для второй сестры. Икону торжественно обернули в чистое полотенце и с почестями отнесли в богатый Валентинин дом. На другой неделе Валентина поехала в город покупать старшему сыну машину. И в этот раз икона не подвела – машину пригнали такую, что вся деревня языки вывалила. И недорого. Валентина изможденно рассказывала, заводя глаза:

– Торговалась полдня. Такой жук, но сбросил. Понял, что люди знающие, не лохи деревенские. Я и нашу машину из зубов вырвала. Торговаться надо, кто не торгуется, тот всегда в убытках.

Колястик решал, на что в свой черед употребит икону, когда случилась беда. Валькину машину гаишники пробили по компьютеру, и оказалось, что она в угоне. «Мы не лохи деревенские», – тут же вспомнили языки Кузнечиного бахвальство. Валентина не вылезала из райцентра, а что толку? В угоне машина, хоть расшибись о бампер. Сын Сережка, понятно, матери претензию к носу предъявил. Обещала машину – выложи. Валентина схватилась за сердце, сын – за дверную ручку. Утешать Валентину пришли Колястик с женой и Рая с Михаилом. Валентина на них окрысилась – рады ведь, так чего ж пришли? И то верно – рады были, аж светились. Зло свое Валентина обратила на икону:

– Проклятье это, а не благословение. Забирайте, кто хочет.

Райка бросилась, опередив Колясика.

Ночью Колястик проснулся от долбежки в окно – горел его новый сруб. Сбежалось полдеревни – одни кое-как тушили, другие любовались. Брус Колясику хороший попался – горел отлично. Посудачили, отчего так вышло. Сошлись на том, что подростки дружили, курили, вот и пыхнуло. Соседи заключили: «Как пришло, так и ушло. На ворованные деньги счастья не купишь».

Колясик взбеленился:

– Ворованные?! Мои деньги. Копил полгода...

Да чего там. Мишка Кузнецов всем рассказал, что Колясик деньги стянул у городского, когда тот свинью покупал.

Вскоре к брату пришла Райка с иконой.

– Не надо мне! – рявкнул Колясик. – Чуть не сгорел из-за нее. Себе бери.

– И мне не надо, – взвизгнула Райка. – Лешка не поступил – наврал, чтоб дома не ругались. Ленка Зайкова видела его в городе. Так и в армию заберут.

Райка, зарыдав, ушла. Колясик швырнул икону на диван. Так она и валялась, потом смышленная Колясикова жена сунула икону в пакет и по пути в магазин тихонько оставила на лавочке бабки Таси – старушонки, живущей с сыном алкоголиком. Пошла было, да пакета пожалела – вернулась, забрала. Равнодушно глянула на нее косенькая икона. «Вот тебе благословение», – позлорадствовала Колясикова жена. От котят она избавлялась в точности так же.

Бабка Тася среди прочих млекопитающих была существом полусогнутым. Даже ходила она словно на четвереньках – так низко свешивались ее руки. Непропорционально большие лопасти. Сразу было видно – господь создавал бабку Тасю для тяжелой работы, потому снабдил большими руками, укладистой спиной и послушным характером. Бабка Тася жила в худой избе, носила на худом тельце худые тряпки и кормила худющего пьяницу-сына. Сын, впрочем, был похож на мать – такой же «четвероногий» и послушный. С пригнутого лица его тарасились вверх изумленные, чуть навывкат глаза. Не пей он, не было бы бабки Таси счастливее. Но Петуша пил. Петушей его звали с детства. Когда он был маленьким, как все дети не выговаривал «р». Спросили, как зовут, он и сказал Петуша вместо Петруша. Петуше было уже к сорока годам, а на вид – материн ровесник. Петуша батрачил, нанимали его охотно – Петуша брался за любые деньги. А потом Петуша запивал: пропивал свое и спускал следом материну пенсию. Потому Петушиным заработкам Тася не радовалась. Как таким без благословения? Икона стояла на лавке, поджидая, когда Тася выйдет погреть спину-столешницу. Бабка Тася выползла и села рядом. Так они и расположились: перпендикулярная бабка и косящая икона. Как две подружки. Слухов деревенских об иконе бабка Тася не слыхивала – она давно не вникала в жизнь. Появлению иконы на лавочке бабка Тася не удивилась, она не могла знать, как иконы распространяются по свету. Может, и так. Бабка Тася сгребла икону, занесла в дом. Она даже пустодонные ведра подбирала, а потом закрывала ими помидоры, приспособивая на выбитые днища осколки принесенных

с помойки стекло.

Сын бабки Таши в это время батрачил – копал погреб у Антошиных.

Антошины торговали спиртом, были отчаянными конкурентами Валентине Кузнечихе. Петуша копал третий день, его поили спиртом вместо завтрака и обеда. Потом сказали: иди – ничего не будет, ты все выпил. Петуша все-таки рассчитывал на деньги. Рублей триста еще причиталось, видит бог. Не мог Петуша весь погреб пропить. Петуша попросил сто рублей. Тут уж его прямо погнали. Петуша сел возле дома Антошиных. Думал, все-таки дадут немного денег, когда наторгуют. Не дождался и уснул.

Вдруг смотрит: к дому Антошиных подходит женщина – и не похоже, чтоб за спиртом. Незнакомая, а все ж будто где-то видел ее. Платок на голове, глаз косит. Спрашивает женщина ласково:

– Тебя не обидели, Петуша?

Петуше стыдно стало от ее голоса. Головой машет – нет. Женщина кивнула и зашла к Антошиным. Скоро у Антошиных завозились – свет во всех комнатах зажгли, будто не одна единственная женщина вошла, а семеро гостей издалека приехали. Тут сама Антошина на улицу выскочила и мимо Петуши под горку понеслась. На соседней улице сработала собачья сигнализация. Антошина, пыхтящая и красная, мигом прискакала обратно, за ней еле попевала фельдшерница, держа железный чемодан наотлет. Ноги у фельдшерницы нежные, мягкие. А чемодан углами до синяков бьет. Муж потом в претензии: «Кто лапает?» Обе в дом забежали. И опять Антошиха несется. Через три дома к Егорову. С ним – назад. Сосед машину Антошиных завел. Самого Антошина вынесли, как неживого, как мякиной набитого. Фельдшерница села рядом, а Антошина прыгнула вперед. Машина уркнула. Петуша глотнул из-под нее летней душистой пыли. Он так и сидел, привалившись к тесу. Еще подумал: «А женщина-то эта где? Домовничать осталась, раз все уехали». И опять вроде заснул. А, может, он и не просыпался, и ночная Антошинская беготня приснилась ему. И снова женский голос. Открыл Петуша глаза, а это уже Антошина кричит:

– Этим ничего не делается, добрым людям разные несчастья, а этим хоть бы хны – насосался и валяется. Чтоб вам всем передохнуть!!!

Петуша отполз на четвереньках и покатился кое-как домой.

С добрым человеком, то есть с Антошиным, точно несчастье случилось – удар (или, как сказали бабки в магазине, «несульт»). Два дня прошло, а Антошин в себя не приходит. Где-то болтается его душа, а в себя – ни ногой, не хочет. Частично лежит Антошин на кровати, а частично – неизвестно где. И оказывается, что отсутствующая часть – самая нужная. А целый, большой Антошин с руками и головой – ничто перед тем, что само по себе неизвестно что.

Деревенские дотошно обсуждали, почему Антошин свалился.

Кто-то предположил – выпил, мол, после бани. Другой сказал – от наклона. Но один писклый голос возразил – это все потому, что он Петуше денег не дал, а у бабки Таси теперь косая икона. А тут еще и Антошиху задергало – щека дрыг-дрыг, дрыг-дрыг. Начнет говорить, а щека дергается. Она уже молчит, а щека дергается. Словно собака беззвучно лает. Вот так она и стояла у дверей перед бабой Тасей. Щека дергается и рука с деньгами тоже. Бабка Тася ковыряться в нарыве запоздалого Антошихина раскаянья не стала, деньги приняла. Триста рублей.

Всего триста рублей надо было, чтобы Антошин очнулся. Он очнулся в тот же день, как жена его отнесла деньги бабке. Антошин пришел в себя и нашел в себе все, что и прежде: короткие, путаные мысли, мусор зависти, скопившийся по углам, нервы, замыкающие от зряшной вспыльчивости, вялое сердце, ворчливо тукающее.

Петуша блаженно запил. Бабе Тасе удалось спасти лишь шестьдесят рублей. На эти деньги она купила известки и белила теперь печь, с выпирающими по бокам артритными шишками кирпичей. Вошла Галя – соседка через четыре дома. Заохала, бросилась помогать. С чего бы? Сто лет не приходят, а тут вдруг такие добрые... Баба Тася шоркала кистью да шоркала. Галя отступилась, села на табурет и начала рассказывать про свою девчонку. Рассказ был путаный, да и Тася половины не могла разобрать из-за тугоухости. Но, наконец, сообразила, что у Галиной девчонки – беда. Беде было уже три месяца, а источник беды от всего открещивался. Галя долго ходила огородами, бабка Тася не успевала за этими петлями. Так и сказала: «Ничего, Галя, не разберу», – и развела своими лопастями.

– А чего тут понимать? – обиделась Галя. – Дай икону, пусть ту сволочь парализует.

– Не дам, – запротестовала кроткая Тася (как она могла отдать свою заступницу, если через нее получила 60 рублей).

– Тогда я здесь ее попрошу, – не сдавалась Галя.

Бабке Тасе было не жалко – проси, сколько влезет.

Галя подошла к иконе и громко сказала:

– Накажи, Божья Матерь, раба Владимира. Расшиби его, как Антошина.

Где она взяла про раба – бог весть. Но уж очень ей этот раб нравился. Этот раб обращал Вовку в полное ничтожество.

Бабка Тася не интересовалась, как там с Владимиром рабом. Она вообще ничем не интересовалась. А вот односельчане знали все до мельчайших подробностей. И с кем гуляла Галина дочка, и как Вовка Баринов от всего отказался. Как Галя искала машину, везти дочь в больницу, каким ручьем с той хлестануло, и на каком месяце случился выкидыш. И «эта кобыла через

три дня была на танцах, ни в одном глазу печали».

А Галя пришла к бабке Тасе с большим шматом сала и десятком яичек. Баба Тася так и не поняла, за что ей принесли богатые дары. Спросила бестолково:

– Так выгорело твоему Володьке, что ли?

– Оно так даже лучше, – сказала не бабке, а себе Галя. – Какая бы была у них жизнь? А моя еще родит от нормального мужика.

Не успела за Галей брякнуть калитка, как новая гостья прибежала. Эту бабка Тася совсем не узнала. А она и знакомиться не пожелала. Доложила коротко:

– Сына забрали вчера в армию. Больного.

Тут гостья достала пятьдесят рублей и пакет творога.

– Икону не дам, – испугалась бабка, – здесь проси.

Незнакомая мать больного новобранца прошла к иконе и громко, как глухой, сказала:

– Сына прошу вернуть. Прошу вернуть моего больного сердцем сына.

Сердцем больного. Прошу вернуть. Вот справка.

Гостья достала из кармана плюшевого халата справку, развернула ее и показала иконе. Потом вытащила розовую ленту кардиограммы и растянула зубцы перед косым ликом. Прочитала ли заступница справку, разобралась ли в кардиограмме, неизвестно, ведь глаз у нее косил.

Вскоре сын вернулся – заворотили на сборном пункте.

И попер народ к бабке Тасе. Несли и несли яйца, молоко, творог, муку, сахар, деньги, сало, даже водку Петуше. И все просили, просили. Как уж там матушка-заступница распорядилась, бабка Тася не знала. А слух шел такой: помогает, но по-своему. И, если разобраться, всегда устраивает к лучшему. Если жизни не будет мужу с женой, то и не сводит семью. Если помирать, то уж к одному концу скорей провожает. Всегда заступница оказывалась права. Следом за просительницами появились богомольные старушки – закурили свечки, натыкали за икону бумажных цветов, начали молиться по полдня. Заодно и домишко отмыли. Будто церковь образовалась в бабки Тасином домике. Чтоб не мешать людям, Тася все чаще сидела на лавочке, встречала просителей и всем кивала-кивала.

Однажды пришел Никифоров, фермер. Выгнал всех, сказал, что у него к бабке Тасе дело. Долго объяснял бабке Тасе про какую-то землю. Бабка Тася кивала согласно. Наконец, Никифоров сообразил, что бабка Тася глуха, как пень, и бестолкова, как он же. Вытащил тысячную бумажку, помахал у бабки перед носом, сказал, что надо в суд ехать: «Будешь, бабуля, моим адвокатом». Утром за бабкой пришла большая, черная, блестящая машина фермера. Никифоров усадил бабку Тасю с иконой на заднее сиденье и повез

далеко-далеко – в суд.

Перед судом он еще раз помахал у бабки под носом тысячной. Бабка Тася опять согласно кивнула. Бабка и икона уселись в коридоре – в красивом, блестящем коридоре, а фермер пошел за дверь. На бабку с иконой косились. И даже прямо над ухом кто-то сказал: «Темный народ». Но бабка высидела, не шелохнувшись. Никифоров вышел из зала весь мокрый, как из бани. Уселся рядом, отдышался. Достал тысячу рублей, отдал бабке Тасе – он выиграл суд. Потом бабка Тася и икона долго сидели в машине перед кафе – там Никифоров обмывал свою победу, вовлекая в это дело десятки проезжающих. Он и бабку с иконой звал, но они не пошли. Чего им там делать? Домой помчались быстро – счастливый и пьяный Никифоров то пел, то рассказывал бабке о перспективе. Машину швыряло поперек дороги. Бабка Тася несколько не боялась – с ней была матушка-заступница. Бабка Тася жалела матушку – сына у той ржа съела. Да и у самой Таси Петушу ржа доедала, пропадал человек. Баба Тася уже сколько раз матушку просила, чтобы Петуша пить перестал, но матушке виднее было – не принимала матушка никаких мер. Да вот еще вспомнила Тася, как к ней Колясикова жена приходила, просила заступницу разыскать пропавшего поросенка. И ведь нашелся, говорят. С тех пор жена Колясика смотрела на бабу Тасю неодобрительно, как на воровку. Баба Тася не знала еще, что Валентина Кузнечиха говорила на ее счет. Повезло, говорила, дуракам, а выгоды никакой поиметь не могут.

На Покров к бабе Тасе приехал поп. Вошел, сложившись вдвое, и в сложенном виде медленно перекрестился на икону. Начал расспрашивать, откуда взялась икона, чего сотворила. Бабушка Тася только головой махала: может, все может. Поп приехал за иконой – слух о чудесах дошел до епархии, так его откомандировали проверить и привезти икону. Вот этого баба Тася не ожидала, но и перечить не посмела. Поп, по ее понятиям, был иконой начальник, имел полное право икону забрать. Он и забрал безо всякого, правда, удовольствия. Икона была ржавая, глаз косил, никаких следов мирра. Женщина, перед приходом попа что-то горячо иконе нашептывавшая, только вскрикнула вслед: «Не забудь! Матушка!» Богомольные старушки воркотнули по-голубиному и побежали махать лапками вслед поповой машине. Пусто стало и тихо. Баба Тася уселась, глядя на место, где стояла икона. Заплакала-заплакала...

Вечером пришел пьяненький Петуша. Пьяненький, но заметил, что иконы нет. Мать развела веслами – поп увез. Петуша разволновался. Заходил по домику, всплескивая такими же, как у Таси, лопастями, хлопая ими по тощим ляжкам. Утром явилась первая просительница и устроила скандал – куда икону дели? Она наскакивала на Петушу, крича, что он пропил икону – всей деревни заступницу. Тася бестолково рассказывала про попа. Баба

плюнула: точно, дураки! Просители подходили.

Тася всем докладывала, как поп увез икону, одна из оставшихся богомолок кивала, подтверждая. Петуша все ходил, хлопая. Нашлась одна разумница, сказала: «Надо икону возвращать».

Батюшка удивился, увидев делегацию. Но спорить не стал – не поверил он в чудесную икону. Выдал без лишних слов, перекрестился, как положено. Когда машина отъехала от церкви, батюшка с завистью подумал: «Верят. А ведь никакого чуда не было. Никакого. И некрещеные все. Молиться даже не умеют».

Матушка вернулась домой: одним глазком привычно уставилась на дверь, другим – в окошко. В доме бабы Таси прошло совещание. Решали, оставлять ли икону бабе Тасе – вороне или перенести в более надежный дом. Все-таки оставили бабе Тасе, испугавшись, что в другом доме заступница может повести себя непредсказуемо. А тут помогает, чего еще надо? Но бабе Тасе строго наказали никому икону не давать. Хоть сам патриарх всей Руси за ней приди, хоть участковый даже. Петуша бил себя уже не в ляжки, а в грудь, утверждая, что он будет смотреть.

В ноябрьские забивали свиней. Над деревней, как над инквизиторским костром, висел запах паленой шкуры. Вороньем налетели скупщики – заготовители мяса. Окровавленными после забоя руками хозяева считали деньги. Петуша был нарасхват – помогал разделять свиней направо и налево. И Строеву он помогал. Все видели. У Строева он уже вечером палил. Вечером забили у Строева боровка. А ночью забили самого Строева – он один жил. Нашли его на другой день с проломленной топором головой. Соседка так кричала, что ее пришлось по щекам бить, чтоб успокоилась. Крови со Строева натекло пятнадцатилитровое ведро. Милиции и той тошно смотреть было. Осмотр произвели кое-как, кругом натоптав кровавыми следами. Потом опрашивать принялись. Кто последний видел убитого? Петуша. Долго утруждать себя товарищи не стали – забрали Петушу в райотдел. Петуша смотрел на наручники, оттянувшие его и без того длинные руки, как на инструмент, которым неизвестно, как орудовать. Лопата – понятное дело, вилы тоже, а тут – непонятно что. В недоумении прошел Петуша в узик.

– Как же так! – возопила деревня. – Да разве Петуша мог убить?! Да ведь столько народу за мясом понаехало, может, кто из приезжих? Чурки или цыгане.

Кашин, отсидевший в свое время за убийство, с цинизмом независимого эксперта изрек:

– Как начнут в ментовке дверями голову зажимать, во всем сознается. Разве я не сознался? Так я был мужик, а не дрищ.

Вся надежда была на икону. Фермер Никифоров, вспомнив свой удачный

арбитражный опыт, сказал:

– По такому важному делу икону надо туда везти, к тюрьме. Бабка со мной поедет.

– Одну ее отпускать нельзя, – заключила Галина, Тасина соседка, – икону отберут или прогонят. Я с ней. И мой поедет.

Зашевелились бабки-богомолки, заворковали: с ней, с ней!!!

10 ноября, как раз в день милиции, начальник РОВД из окна наблюдал демонстрацию: бабка с иконой и с нею человек с тридцать пять. Несколько машин, включая черный джип, стояли поодаль. Сверху сыпал снег, присаливая и без того солоно-скандальную картину. Председатель сельсовета, с утра позвонив начальнику, предупредил – выезжает деревня с волшебной иконой. Что, если Петуша не виноват, ждать можно всего: поноса, аварии, кирпича на голову, пожара, рака желудка. Председатель принялся, было, рассказывать случаи, но несусеверный начальник бросил трубку. Он смотрел в окно. Бабка с иконой стояла смирно буквой «г», мужики курили и отворачивали лица, женщины постукивали ногой об ногу. Снег валил. Так он облепит их, они сделаются круглыми и большими, как корявые снежные бабы, дорастут до второго этажа, до начальника, выдавят окно, ввалятся в кабинет. В сердце кольнуло, словно снизу сквозь стекло прилетела тоненькая ледяная стрелка – ж-жик. «Ждать можно всего. Ждать можно всего». Сейчас ему оформят подписку о невыезде. Лишь бы этот алкаш смог сам выйти, не свалился. Побои они снимать не будут.

Снег валил и чуть не свалил четвероногого Петушу с ног. Дрожащего Петушу окружили. Но баба Тася не выпускала икону. Только чуть дернулась в Петушину сторону, осыпав с себя немного снега. Сметливый Никифоров влил в Петушу стакан водки. Петушу вырвало фонтаном. Его утерли, почистили снегом, отвели в джип.

Начальник милиции смотрел из окна: забыли бабку с иконой, повели в джип, отряхнули снег с головы и спины, баба полотенцем вытерла иконе лицо, какая-то старуха перекрестила окошки отдела и поклонилась им низко. Он утонет на рыбалке в будущем июле. Выпадет из лодки. И камнем, камнем... Его похоронят с почестями и автоматным залпом. А Петуша бросит пить.

Вячеслав Корнев

По образованию историк, доцент кафедры философии Алтайского государственного университета. Редактор альманаха «Ликбез». Лауреат литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева по итогам 2007 года в номинации «Иные жанры – публицистика». Живет в Барнауле.

Энциклопедия современных вещей

фрагмент

Телевизор

У этого современного гаджета подчеркнута нейтральная внешность. В идеале – это плоский экран с минимумом кнопок (большинство функций управления спрятаны в дистанционном пульте). Отсюда можно заключить, что телевизор подобен рамке, инструментальной «оснастке» (термин М. Хайдеггера), он не является субстанциальным и целым явлением. Между тем, по Георгу Зиммелю, «характер вещи зависит в конечном счете от того, является она целым или частью» [1, с. 48]. Можно сказать, что если телевизор подчеркнута несамодостаточен (без электричества, антенны, телетрансляции и прочих внешних материй и процессов он обесценивается), не «определяется законом своей собственной сущности» [1, с. 48], то он не имеет «души», какой располагают более традиционные и самостоятельные вещи, как книга, картина, музыкальный инструмент. Между тем, телевизор претендует именно на то, чтобы полностью заменить всех своих названных конкурентов. Иллюзия такой возможности рано или поздно развеивается в моменты, когда, например, горит останкинская башня или просто выходит из строя электронная начинка (ситуация, сравнимая с поломкой винчестера, что превращает компьютер в бессмысленную грудку железа, а пользователя ставит на грань истерии). Это невротичное отношение к телевизору проявляется и тогда, когда телевидение идет с помехами. Недаром раньше, когда качество трансляции определялось ручной антенной и настройкой, в ходу была привычка бить по телевизору кулаком, «наказывая» его за неисполнительность.

Цвет телевизора обычно черный, что тоже подчеркивает в нем сугубую бездушную функциональность. Это сближает телевизор с такими однотонно темными или светлыми вещами, как холодильник, стиральная машина, сантехника и т. п. В «Системе вещей» Бодрийяр пишет, что «черное, белое и серое составляют... нулевую степень красочности» [2, с. 36]. А следовательно – и нулевую степень эстетичности, приметности, индивидуальности:

«Упрощенно-обтекаемые формы наших холодильников и других аппаратов, их облегченные материалы (пластмасса или синтетика) знаменуют собой, равно как и их «белизна», немаркированность присутствия этих предметов, глубокую исключенность из сознания связанной с ними ответственности и психически никогда не нейтральных телесных функций» [2, с. 38].

При этом, если тот же холодильник (как и другие, некогда безликие, предметы) нередко получает сегодня своеобразный дизайн и яркую окраску, телевизор остается все столь же нейтральным и замаскированным, как и десять, двадцать лет назад (пожалуй, телевизоры становятся даже более безликими, чем модели предыдущих поколений).

Парадоксально, что при всей этой посредственности, телевизор претендует на центральное место в интерьере и часто организует вокруг себя домашнее пространство. Может быть, правда, он несколько поумерил амбиции, когда в моду вошла привычка иметь по телевизору в каждой комнате и на кухне. С этого времени телящик перестал играть роль коммуникативного центра, а превратился в средство индивидуации.

Важно заметить, где находится телевизор: в типичном мещанском гнезде мы найдем его в центре расстановки, а у антисоциального героя Адриано Челентано из фильма «Укрощение строптивого (Il Bisbetico Domato) он пылится в чулане и используется как простая скамейка.

Кстати, в структуре старой консервативной семьи кнопка (пульт) управления телевизором символизировала скипетр и державу, легко указывающие на истинного главу семьи. Тот, кто решал, какие телепередачи будут сегодня смотреть все домочадцы, и был полным хозяином положения. Однажды я анализировал сон (запомнившийся человеку еще в глубоком детстве), в котором фигурировало настоящее чудовище, смотревшее спиной к наблюдателю пустой экран телевизора. Это недвусмысленный символ властного фамильного авторитета (важно, что телевизор ничего не показывал – это и возмущает всего больше, как говорится, ни себе, ни людям) сразу указал на конкретного родственника, деспотичного патриарха семейства.

В моем же собственном детстве телевизор был самым действенным средством поощрения и наказания (никогда не забуду, например, как меня лишили – за проблемы со школьной успеваемостью – просмотра «17 мгновений весны»). Кроме того, в одной душевной детской книге (помню даже автора – С. Соловейчик) я прочел как-то главу под названием: «Телевизор как средство тренировки пионерской воли». Автор объяснял, что включить телевизор может каждый, но вот выключить его в нужный момент способны далеко не все. Потому нет для пионеров лучшего средства закалить волю и характер.

Сейчас, конечно, ценность самого процесса обращения с телевизором изрядно нивелирована. Одно дело – вставать в 8 утра только для того, чтобы посмотреть одну-две (семиминутных!) серии мультфильма «Приключений капитана Врунгеля», или ждать целую неделю для того, чтобы в воскресенье получить новую порцию «Места встречи...». И совсем другое дело – закатать все тебя интересующее на DVD-болванки или в любой момент поста-

вить фильм на паузу.

Конечно, здесь я поневоле говорю о современном телевизоре и телевидении, но меньше всего сказывается в этом оппозиция детского и носталгического, с одной стороны, и взрослого, скептического, прагматического – с другой. Совершенно объективно то, что телевизор превратился из уникальной и ценной вещи (до сих пор помню, как мы бережно на санках везли домой наш первый телевизор) в самый заурядный и к тому же множественный элемент повседневного быта. Совершенно объективно то, что в качестве массового продукта телевизор утратил индивидуальный стиль, материал, имя (кто навскидку назовет марку своего телевизора? – а вот телевизор «Березку» или магнитофон «Комету» времен советской власти забыть невозможно).

Материал современного телевизора – пластик, неприятный на ощупь, ни теплый, ни холодный («да будь ты хоть холоден или горяч!»). Экран, который с незапамятных времен принято называть голубым (таковым он фактически не являлся и в старые времена) на деле неприятного болотно-серого цвета. Наверное, эпитет «голубой» можно считать своеобразной бессознательной компенсацией.

Кстати, пульт от телевизора символизирует еще одну бессознательную установку – эту вещь не принято брать в руки. Есть предметы из благородных материалов (красное дерево, драгметаллы, малахит, эбонит и т. п.), которые буквально просят, чтобы к ним прикоснулись. Даже компьютерная мышь изготавливается с тем расчетом, чтобы стимулировать чувство удовольствия от простого обращения с ней (в заметке Ю. Поповой «Телепупсик» упоминается об одном знакомом автора, который хвастался «какой-то продвинутой «мышкой», такой загадочно-полупрозрачной и мягкой на ощупь, «как будто всегда грудь любимой девушки трогаешь», говорил он» [3]). Не то с телевизором, который и цветом, и формой, и материалом как будто дистанцируется от пользователя.

Выходит, что телевизор не имеет ни тела, ни души, ни вида, ни запаха, ни вкуса. Об облике телевизора не рассказывают (разве что размерами могут похвастаться), как рассказывают взхлеб о формах или деталях автомобиля. Даже диван можно описать так, как, например, в рекламном тексте Wittmann: «Всегда сдержан и элегантен, спокоен и нетороплив. Всегда «с иголочки». Внимателен к деталям. На него работают лучшие умы и руки Европы. Харизматичен и неподражаем. Он знает себе цену». Риторические же рекламные тропы в случае с телевизором позиционируют его как супер-плоский, суперчерный, супербольшой и т. п. И это вынужденные тупость и речевое убожество, поскольку о телевизоре действительно нельзя сказать ничего существенного. У него нет имени, характера, смысла. Телевизор часто включается лишь для поддержки привычного уровня бытового

шума. Он используется как глушитель неприятной для обывателя (ибо наводит на мысли и сомнения) тишины.

Большинство телепередач вообще не требует не просто интеллекта или внимания, но и самого присутствия зрителя, поскольку изначально снабжены способами защиты от него, средствами автономного действия. Таковы функции закадрового смеха (телевизор, как остроумно заметил Славой Жижек, сам смеется собственным шуткам), SMS-голосования (с полностью подтасованными результатами), «интерактивной связи» (с заранее подобранными вопросами и ответами), специально подобранной в передаче тусовки (я называю ее «пушечным телемясом») и подставных же героев и т. п. В работе «Интерпассивность» С. Жижек показывает, что в таком защищенном от субъекта режиме функционируют почти все средства электронной информации.

*«Разве мы не являемся свидетелями «интерпассивности» в форме современного телевидения или рекламных щитов, которые на самом деле пассивно наслаждаются продукцией вместо нас? (Упаковки «Кока-колы», на которых написано «Ого! Вот это вкус!», упреждают реакцию идеального потребителя.) Еще один довольно странный феномен подводит нас к сути вопроса. Всякому страстному любителю видеотехники (каковым являюсь и я), маниакально записывающему сотни фильмов, прекрасно известно о прямом следствии обладания ею – в действительности вы смотрите меньше фильмов, чем в старые добрые времена простых телевизоров без видеомагнитофонов; у вас нет времени на телевидение, и, вместо того чтобы тратить на него вечер, вы просто записываете фильм на пленку и храните ее до будущего просмотра (на что, разумеется, никогда нет времени...). Хотя я почти не смотрю фильмы, само сознание того, что я люблю их и храню в своей коллекции, приносит мне глубокое удовлетворение, а иногда позволяет расслабиться и не отказать себе в удовольствии насладиться тонким искусством *far'niente* – словно видеомагнитофон смотрит их за меня, вместо меня» [4, с. 19 – 20].*

Устаревший или неисправный телевизор без сожаления выбрасывают. Ему нет «посмертного» применения в хозяйстве. Он не требует памяти или уважения к себе. Переставший показывать картинку или давать звук телевизор из полубытия становится чистым небытием. Если другим вышедшим из пригодности вещам могут как-то продлить жизнь (в советское время существовали целые издания, практикующие такие рекомендации по перепрофилированию или сохранению разных бытовых предметов), то телевизор может быть лишь инструментом, но никогда – объектом. По Брюно Латуру «объективность» – это способность вещей сопротивляться нашим действиям и знаниям о них, способность «возражать (to object) тому, что о

них сказано [5, с. 351]. Именно такой способности ни в каком смысле нет у телевизора, «при жизни» выступающего в качестве нейтрального и незаметного придатка к внешней технике промывания мозгов, а «после смерти» становящегося еще более пустой и ненужной вещью. И черт с ним, в самом деле! Кто бы его пожалел?!

Литература:

1. Зimmel Г. Рама картины. Эстетический опыт // Социология вещей. Сборник статей. М., 2006. С. 48–53.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001.
3. Попова Ю. Телепупсик // Вещь. 2003. № 3.
4. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб., 2005.
5. Латур Б. Когда вещи дают отпор // Социология вещей. Сборник статей. М., 2006. С. 342–362.

Пиво

Популярный в народной массе феноменально бесполезный напиток, обладающий вкусом, цветом и запахом мочи.

В наше время, когда первым признаком культового статуса вещи является ее функциональная бесполезность (принцип гаджета — безделушки, нелепицы, штуковины, игрушки для взрослых), пиво просто обречено на особый успех у населения. Если мой первый опыт курения был одновременно и последним (во 2-м классе школы я свернул здоровенную «баранью ногу», набил ее чаем, разок затянулся... и больше потребности в курении в жизни не испытывал), то знакомство с пивом проходило в пару-тройку этапов. Однажды, в возрасте 20 лет (вернувшись только что из армии и находясь в состоянии полной открытости новым жизненным веяниям) я выщедил несколько бутылок вместе со своим двоюродным братом. Взрослое общение и взрослые нормы потребления пива произвели на меня одинаково утомительное действие. При этом я искренне пытался постичь смысл непонятной мне перегонки по собственным внутренностям этого дурно выглядящего и пахнущего напитка, но не постиг... По сей день не постиг.

Смело отвергаю любые контраргументы, строящиеся на банальностях, типа «на вкус и цвет товарища нет» или «о вкусах не спорят». Еще как спорят, граждане. И вообще, после «Критики способности суждения» Иммануила Канта сводить проблему кулинарного хотя бы только вкуса к одному лишь субъективному восприятию наивно.

Критика вкуса, научение вкусу, передача вкуса – все это и на обывательском уровне самые обычные процедуры, демонстрирующие наличие рефлексивного элемента в любом, самом субъективном удовольствии. С пивом – которое нужно пить «правильно», в «правильном месте» и уж, конечно, «правильной марки» – именно такая ситуация. Первая дегустация нового продукта – редко носит позитивный характер. Первый в жизни глоток вина, сигаретная затяжка никакого наслаждения не дают. Напротив, некоторое время мы учимся преодолевать новые неприятные ощущения с помощью мифов о некой особой ценности продукта. Брутальность и независимость курящих взрослых, томность потягивающих алкогольный коктейль кинокрасавиц – вот что вытравляет в нас естественное отвращение к винному или сигаретному перегару. Так мы входим в мир травматичных взрослых желаний, наносящих очевидный ущерб здоровью, уму, полезному времени.

Но в чем секрет именно пивной страсти? Эффект пивопоглощения можно связать с лакановским принципом «объекта-причины желания» (objet a). Истинный объект наслаждения не может быть потреблен раз и навсегда. В предмете наслаждения всегда должен быть некий избыток, остаток, сопротивляющийся окончательному присвоению. В статье Славоя Жижека «Кока-кола как объект a» таким лаканианским методом дается объяснение другому удивительно бесполезному напитку:

«Нет ничего удивительного в том, что вначале кока появилась как лекарство; казалось, ее странный вкус не может доставить никакого удовольствия, по своему вкусу она не особенно приятна, малопривлекательна. Однако кока-кола как таковая, выливаясь за границы конкретной потребительской стоимости (которой обладают вода, пиво или вино, определенно утоляющие жажду и производящие желанный эффект удовлетворенного успокоения), действует как непосредственное воплощение “оно”, как превосходящее обычное удовольствие чистое прибавочное наслаждение, как таинственное, ускользающее X, за которым все мы оказываемся в навязчивом состоянии потребления товаров. Неожиданность заключается в том, что, поскольку кока-кола не удовлетворяет никакой конкретной потребности, мы пьем ее как нечто дополнительное, уже после того, как утолили насущную потребность каким-либо еще напитком. По-видимому, избыточный характер кока-колы и делает нашу жажду ненасыщаемой. Как заметил Жак-Ален Миллер, кола обладает парадоксальным свойством: чем больше ее пьешь, тем сильнее жажда, тем больше хочется ее пить, ощущать этот горьковато-сладкий вкус вопреки тому, что жажда не проходит».

Если загадка культового статуса кока-колы в ее неопределенном вкусе, то травматический избыток пива не только в качестве (тот же малоприятный тухловатый запах и вкус, компенсируемый в отечественной традиции пивораспития острым вкусом соленой воблы), но и в количестве. Обычный ритуал пивопотребления (измеряемый не рюмками, а целыми литрами) превращается в замкнутый цикл: стол – туалет – стол. Перегоняемое по желудочно-кишечному тракту пиво в организме надолго не задерживается, поэтому в ходе самой пошлой, уличной процедуры принятия пива, малокультурная особь мужского пола опорожняется «не отходя от кассы». Когда в «Призраке свободы» Луиса Бунюэля высмеивался замкнутый цикл буржуазного быта, то гиперболой последнего была сцена, где званые гости присаживались к столу прямо на унитазаы, спуская штаны, но продолжая при этом вести чинную беседу. В случае с ускоренным циклом пивоперегонки эта гипербола очень близка к реальности.

С невозможностью как следует напиться и набегаться сочетается в пивоалкоголизме еще и невозможность как следует опьянеть и одурманиться. Хотя нормальная работа памяти, быстрота восприятия, здравая речь и способность суждения, сила зрения, обоняние и эмоциональные реакции в целом нарушаются уже под влиянием первого же литра пива (исследования Э. Крепелина), но идеального для современного человека-овоща состояния полуамнезии добиться таким путем нельзя. Пивной хмель неустойчив, слабо ощутим, быстро выветривается, но тем самым он лучше всего играет роль вечно ускользающего «объекта причины желания». «Икс» пивного наслаждения дразнит как манящий в бессонницу сон.

Пивной паллиатив – т. е. среднее между сильнодействующим алкоголем и безалкогольными напитками – силен именно своей зыблемостью, слабостью. Не представляя собой видимой социальной и просто физиологической опасности (как та же водка), находясь в промежуточном положении в иерархии «серьезных» взрослых напитков, подкупая демпинговой ценой, пиво во всех отношениях выполняет функции некоего компромисса. Потому это идеальный напиток для несформировавшихся человеческих натур, для молодежи, для (извиняюсь перед лучшей половиной человечества) определенного типа женщин. Мой персональный полевой эксперимент показал, что на каждый десяток посетителей недорогих кафе и ресторанов приходится 5–7 женщин, приходящих обычно парочками и часами выцеживающих пинту-другую пива. Будучи осенью этого года в славном городе Томске, я запомнил особенно две вещи: переизбыток молодежи в центральных кварталах и невероятное количество потребляемого этой молодежью пива. Специально постоял минут 15 около популярного магазина «Верхний» и с удивлением увидел, как с точной математической регулярностью пивные бутылки оказывались у 9/10 выходящих, молодых, опять же, посетителей.

Вообще, лично мне безразлично, чем травится каждый отдельный современный мещанин, какую мифологию и какие мотивации он для этого использует. С отчужденностью нейтрального наблюдателя я отмечаю лишь некоторые статистические и феноменологические характеристики той или иной мании. Кока-кола, пиво, водка, сигареты, наркотики... – каждый сам выбирает методу достижения освобождающего от унылой реальности (ну и от здоровья заодно) травматического наслаждения. Пиво – так пиво, брюхо – так брюхо. Пивная анестезия рекомендуется тем, у кого не достает решимости, здоровья, ума, денег на более радикальные способы саморазрушения.

Женские туфли

Женские туфли – не просто обувь. Если мужские ботинки – это не самая неприметная часть гардероба (впрочем, женщина всегда бросит проницательный взгляд и на этот элемент мужского образа – стоит только вспомнить соответствующую сцену в фильме «Москва слезам не верит»), то элитные туфли на каблучках – автограф, символ женского мира. В эротических и порнографических фильмах лакированные «лодочки» обычно снимают последними или не снимают вовсе. Это означает, что туфля – символический двойник женщины, неотчуждаемый элемент ее тела. При этом функция туфель не ортопедическая, т.е. не усиливающая, как в случае с теми же мужскими ботинками, полезными, когда они не жмут, удобными для уверенной ходьбы, быстрого бега, пинков и ударов. В рекламных нарративах туфли, например, подаются как средство сделать ноги стройнее (вот обычный лейтмотив: «Туфли на высоком каблуке зрительно стройнят ноги... Каблук не должен быть заоблачно высоким, но, без сомнения, если вы хотите казаться выше и стройнее, без него никак не обойтись... Благодаря туфлям с открытым носком или сандалиям на каблуке или платформе икры и бедра кажутся стройнее, чем есть на самом деле»), но обычный для женских аксессуаров маскирующий и симулятивный эффект здесь не так важен. Женская туфля – это, скорее, приподнимающий над почвой повседневности трамплин, стартовая площадка нового статуса и самоощущения. Туфли отгрызают у природы недостающие сантиметры роста, но, что еще важнее, они являются своеобразной прослойкой между субъектом и реальностью. Не позволяя женщине полностью опуститься на поверхность земли, туфли позволяют чувствовать себя мифическим существом: богиней, эльфийкой, Русалочкой, Золушкой. Так же точно, как в балете, где для создания истинно женского образа нужно танцевать на носочках, едва касаясь пола, так и в первом же символическом акте научения азам женственности следует освоить легкое движение по самой грани бытия.

С прагматической точки зрения, нет ничего неудобнее туфель, сопоставимых по своей травматичности только с давними пыточными инструментами и процедурами женского мира: корсетами, эпиляцией, шейными кольцами и т. п. На раздолбанном асфальте, на снегу, при вождении автомобиля и во многих других ситуациях употребление обуви на длинных каблуках становится просто угрозой для здоровья. Однако искусство требует жертв. Справедливо, что выражением мужской натуры можно считать в лучшем случае – блестящие штилеты светского фата, а в худшем – разношенные кеды, грязные боты, тупейшего стиля кроссовки или увековеченные в «Заводном апельсине» Энтони Берджеса govnodavy. В то же время женское начало символизирует сочного тона эротично изогнутое чудо, к которому и прикоснуться иной раз боязно. Вот, например, феноменология мужского знакомства с этим миром из рассказа В. М. Шукшина («Сапожки»): «Не замолкли. Посмотрели, и все. Один только протянул руку – покажи. Сергей дал сапожок. Шофер (незнакомый) поскрипел хромом, пощелкал железным ногтем по подошве... И полез грязной лапой в белоснежную, нежную... внутрь сапожка. Сергей отнял сапожок» [1, с. 119].

Совершенно недвусмысленны в этом тексте сексуальные коннотации женского сапожка: «белый пушистый мирок», «полез грязной лапой в белоснежную, нежную... внутрь сапожка». Собственно о том же говорят и опытные модельеры, дизайнеры, один из которых – Мишель Перри – так интерпретирует загадку женских туфель:

«Все очень просто. Решающее значение играет форма колодки, а даже не высота каблука. Секрет – в изгибе колодки, а вместе с ней и стопы. Стопа управляет силуэтом женщины, почти как рычаг. Как только из плоского, обычного состояния стопы переходит в состояние наклона, центр тяжести перемещается – напрягаются икроножные мышцы, втягиваются и округляются ягодицы, спина выпрямляется из обычного сутулого крючка, грудь расправляется и выгибается вперед, посадка головы меняется, а главное – походка. Именно в этом и заключена сексуальность» [2, с. 8].

Этому признанию вторит другой известный дизайнер обуви Кристиан Лубутен:

«Если делаешь обувь с любовью, то получаются туфли на каблуках. В них заключена разница между мужчиной и женщиной. Только на каблуках женщина начинает использовать язык тела» [3, с. 7].

Впрочем, я не думаю, что главной задачей туфель на высоких каблуках является именно сексуальная манифестация (напрашиваются параллели с хрестоматийными означающими – красным платьем или глубоким декольте).

На мой взгляд, здесь важнее эффект психологической гиперкомпенса-

ции, связанный с прибавлением в росте, изменением осанки, положения относительно уровня земли и относительно других людей. Вставая на высокие каблуки, женщина прибавляет, прежде всего, в самооценке. И, кроме того, востребованность в качестве сексуального объекта для женщины зачастую имеет сугубо символическое значение. Высокие каблуки, короткая юбка, открытые вырезы в интересных местах – только в самом пошлом случае это выражает готовность женщины к сексуальным контактам. На деле – это лишь блестящая за бронированным стеклом драгоценность, знак того, что вам недоступно. Женская нарочитая сексуальность – это означающее статусного, а не полового обмена. Тем самым демонстрируется, что она имеет то, что было бы ценным и вожаемым для желания Другого, но ценность и существует лишь в поле дефицита, на расстоянии, в сфере невозможного.

Итак, женские туфли – это символический и психологический трамплин. Может быть, именно благодаря таким полумифическим технологиям, созданным еще в древности, женщина в целом превосходит мужчину по тонкости характера, чувству прекрасного и гибкости мышления.

Литература:

1. Шукшин В. М. Точка зрения. Рассказы, повести. Барнаул, 1979.
2. Федоровская Е. Приподнятое настроение // *Вещь*. 2002, № 10. С. 10–13.
3. Федоровская Е. Дамский угодник // *Вещь*. 2003. № 4. С. 7–9.

Женщина

«Женщины не существует» – написал Жак Лакан. Или, что почти то же самое: «Женщина – это одно из имен Отца». Лакан имел в виду, что все, что мы понимаем под женщиной, – это речевые тропы и культуороформы. Прекрасные дамы, воспеваемые трубадурами и мейстерзингерами, античные гетеры, соблазнявшие самых придирчивых интеллектуалов, красавицы галантного века, принимавшие кавалеров за утренним и вечерним туалетом, отдававшиеся мужчинам за понюшку табаку или за хорошо рифмованный мадригал, неприступные светские леди, начитанные и грустные русские барышни, роковые красотки нашего времени, голливудские дивы, наконец, умственные девушки за первой партой на филфаке АГУ – все это имена несуществующих вещей.

Женщина – это трансформер, который изобретательно и быстро перестраивается в зависимости от пертурбаций моды, времени года, кино, телевиде-

ния, но главное – в зависимости от проекции чужого взгляда. Симуляция образа, который оценит мужчина, – главный женский талант. Женщина в этом смысле – сугубо оптическое явление, зрительный эффект. Разумеется, в физическом смысле она существует, как любой объект, но если верно, что для каждой вещи быть – означает на что-то наткнуться, с чем-то иметь дело, то главное, с чем имеет дело женщина, – это мужчина. И первое, что дает ей понять, что она существует для мужчины, – это его заинтересованный взгляд. У нее все заточено под этот взгляд: фигура, походка, одежда. Женщина, как компьютер, просчитывает зрительный эффект каждого своего действия и каждого телесного элемента. Женские журналы полны очаровательными в своей наивности советами о том, как обмануть мужской взгляд и удлинить одно или укоротить другое. Каблуки или просто продольные полосочки на платье прибавляют рост, светлый купальник оттеняет загар, вставочки на плечах или паралон в лифчиках добавляют необходимое, корсеты утрамбовывают ненужное... А уж раскраска всех полезных частей тела – вообще особая статья. Несколько часов в день женщина тратит на то, чтобы завоевать три секунды рассеянного мужского внимания на улице или на работе.

Главный предмет женского арсенала – зеркало. Перед большим зеркалом она проводит добрую треть жизни, маленькое же зеркальце выполняет для нее роль основного навигационного прибора. Как субмарина, она плывет в волнах мужского внимания, а если направление этих потоков меняется – тут же поднимает перископ: что у нее не так? что привлекательного во встречной субмарине?

Рабочее состояние женщины – сканирование. В книге Аллана и Барбара Пиз «Язык взаимоотношений (Мужчина и женщина)» (<http://www.lover.ru>) фиксируются данные такого эксперимента:

«В комнате, где находится пятьдесят пар, женщине достаточно десяти минут, чтобы проанализировать взаимоотношения в каждой паре. Когда женщина входит в комнату, ее экстрасенсорные способности позволяют ей мгновенно определить, участники какой пары находятся в полной гармонии друг с другом, кто в ссоре, кто с кем хочет сойтись поближе и где располагаются женщины-соперницы или женщины, дружелюбно к ней настроенные. Когда в комнату входит мужчина, наши камеры показывают совершенно иное. Мужчина сканирует комнату, регистрируя входы и выходы: его атавистическое мышление оценивает возможные угрозы и пути отхода. Затем он ищет знакомые лица и лица потенциальных врагов, а затем сканирует общую географию места. Его логический ум регистрирует при этом, что здесь необходимо подправить или починить, например, разбитое стекло или перегоревшую лампочку. А женщина тем временем уже прошла по всем лицам и знает,

кто, что и как – кто есть кто, что есть что и как все присутствующие себя чувствуют».

Идеал современной женщины – модельная внешность, открывающая ей все желаемые перспективы. Ради достижения нужного формата фигуры женщина способна отказаться даже от сладкого, хотя внутренняя борьба ее против искушений желудка достойна эпических красок. Но что такое вознесенная на вершину ценностей женщина-модель? Это многократно перекрашенная телесная болванка, заготовка, на поверхности которой умелый дизайнер наносит свои авторские знаки. Модели, называемые также вешалками, отбираются по принципу минимальной оригинальности и не случайно все подряд (уже будучи отработанным материалом) выскакивают замуж за футболистов.

Ад для женщины начинается тогда, когда ее внешность начинает выходить из-под контроля, и тогда она либо превращается в запаренную жизнью тетку, либо кончает жизнь самоубийством (более распространенный вариант – психологическое самоубийство).

Самое жуткое зрелище представляет собой женщина, давно проскочившая рубежный возраст, но по инерции еще занимающаяся ритуальной шпаклевкой лица, дренажем фигуры и т. п. Для меня лично нет ничего омерзительнее, чем молодящаяся и все еще играющая в невесту Пугачиха – по 10-балльной шкале вульгарности и тупости ей, без сомнения, можно дать высший балл.

Впрочем, можно сказать, что именно с этого рокового момента физического регресса женщина получает шанс стать чем-то другим – не знаю только, лучше или хуже самой себя.

Женское сознание – это центральный пульт обработки телесных данных. Женщина ежесекундно перерабатывает миллионы байт информации, которые предоставляют ей тончайшие нервные датчики. Ее сознание, как незримый оператор сложной машины, включает и выключает типы походки, интонации, жестикуляции и т. п., моментально перестраиваясь в зависимости от числа и качества находящихся рядом мужчин (и конкурирующих женщин). При малейших признаках гендерного интереса из мозгового центра на периферию поступают четкие команды: расслабиться, оживиться, засмеяться, подтянуться, выпятить грудь, томно вздохнуть, кокетливо посмотреть, пройти «от бедра», небрежно откинуть волосы, продемонстрировать маникюр...

Женское мышление – это вызов здравому смыслу. Вот, например, предварительное описание женской логики в одной из немногих специализированных монографий на тему:

«Приведем несколько простых правил частного характера, при помо-

щи которых можно во многих важных случаях узнать, кто окажется прав в споре, основанном на женской логике.

Утверждение, оставшееся без возражения, является доказанным.

Не играет роли, по каким причинам возражения не последовало. Например, если высказать подряд с большой скоростью 5–10 суждений, то можно с уверенностью сказать, что некоторые из них останутся без ответа. Если за суждением следует оскорбление, то отвечают большей частью на оскорбление, а не на суждение, которое становится доказанным, если только ответное оскорбление не сильнее исходного. Отсюда ясно, что сила применяемых аргументов должна возрастать. Оставить свое высказывание без ответа можно, вовремя выбежав из комнаты или на худой конец зажав уши. Последний жест должен быть сделан достаточно четко. Если вы, скажем, предварительно заткнете уши ватой, то ваша собеседница будет считать, что ее аргументы до вас дошли и остались без ответа. И в споре права будет она».

(Беклемишев Д. В. Заметки о женской логике. <http://www.ark.ru/ins/zapoved/zapoved/logika.html>)

Для мужчины спорить с женщиной – интеллектуальной смерти подобно. Спокойный разговор на отвлеченные темы (например, о только что просмотренном фильме, при условии что он женщине не понравился, но чем – она толком не объясняет) превращается в нервный диспут, затем срывается на крик, а заканчивается выяснением совершенно иных вопросов, например: почему ты такой злой? или, почему ты меня не любишь?

Любая начальная и при том самая абстрактная тема диалога превращается таким образом в вопрос жизни и смерти (или, что одно и то же – любви и ненависти).

Но вот какой вопрос рано или поздно встает на повестку дня: а эта сугубо мужская, даже сексистская оценка женского образа жизни – насколько она правомочна? Если судить о женском сознании не с колокольни завышенных мужских амбиций и вечных басен про особую предрасположенность мужчины к творчеству, духовности, философии и т. п., но с позиций сугубо прагматических соображений, например, понимая все женские ухищрения как способ решения некоей задачи. Задачи банальной, но для мужчины не менее ценной: добиться любви другого, ощутить блаженство и счастье в этом любовном или дружеском союзе, построить свой удачный жизненный проект... Разве эти вещи мужчина может заменить чистой наукой, политикой, карьерой? Напротив, и мужчина и женщина идут к одной цели – к предельной реализации своего личного бытия – но в первом случае цель достигается путем выигранных войн, революций в науке и искусстве, мировых катаклизмов и т.п., а во втором случае – путем локальных, но не менее

эффективных побед на любовном, семейном, психологическом, даже кулинарном фронтах. Если высчитать КПД, энергозатратность того и другого вариантов, то стратегию женской самореализации можно считать куда более рациональной, экономичной и оправданной. Мужчине, для того чтобы завоевать женщину, требуется иногда разрушить полмира (есть такая метафора в голливудских боевиках – главный герой, спасая девушку, разносит в щепки целые городские кварталы и даже небольшие обитаемые планеты) или хотя бы исписать кучу бумаги, искромсать глыбы мрамора. Женщине, для того чтобы подчинить себе мужчину, требуется часто всего лишь тщательно откалиброванный взгляд, вздох, жест.

Или взять еще раз овнешневленное женское сознание, мышление, построенное на тщательном сборе и анализе телесных показателей. Как ни странно, но для решения конкретной проблемы, например, для проверки истинных намерений, чувств и мыслей собеседника такое мышление даст сто очков форы всей мужской логике и психологии. В той же упомянутой книге Аллана и Барбара Пиз «Язык взаимоотношений» читаем:

«Наше исследование, посвященное языку тела – произвольной мимике и жестуляции – при общении лицом к лицу, показало, что восприятие послания идет за счет бессловесных сигналов на 60-80 %, за счет тональности – на 20-30 %. Оставшиеся 7-10 % информации воспринимаются из самих слов. Великолепная восприимчивость женщины дает ей возможность подхватывать и анализировать информацию, а способность мозга быстро обмениваться информацией между полушариями позволяет мгновенно сопоставлять и расшифровывать словесные, визуальные и все прочие сигналы. Вот почему мужчинам очень трудно лгать женщине, стоя лицом к лицу. Но, и это известно большинству женщин, лгать мужчине, глядя ему в лицо, довольно легко, поскольку он не обладает достаточной чувствительностью, чтобы распознать несоответствие между информацией, содержащейся в устной речи и в прочих сигналах».

Аналогично и с женской логикой, вызывающей постоянный мужской скепсис. Штука в том, что если понимать логику не просто в качестве теоретической игрушки, но в виде некоего полезного для познания инструмента, то непоследовательная и ненаучная женская логика вновь окажется куда более эффективной. Для мужчины важно выяснить, чем плох или хорош тот же, например, только что просмотренный фильм. Для женщины же важно понять и этот фильм, и все другие мелочи лишь на фоне более серьезных вопросов – вопросов об истине их взаимных с мужчиной отношений. И в самом деле – так ли важно восторжествовать в этом частном споре (а такие победы часто даются мужчине за счет серьезных психологических

просчетов и поражений), как понять экзистенциальную ценность все той же любви, на обсуждение характера которой все время перескакивает женщина. Да черт с ним с Триером или Линчем, если на карту поставлены чувства этих двоих конкретных людей, один из которых продолжает слепо отстаивать свою исключительно теоретическую позицию, другой же (точнее – другая) переставляет весь диспут на почву самых прагматических, но и самых жизненно важных интересов. Только потеряв (и часто именно за счет своей фантастической нечуткости и умственной слепоты) любимую женщину, мужчина понимает, сколь мала стоимость всех его любимых игрушек: кино, литературы, музыки, равно как и машины, карьеры, толстого бумажника...

Так что в вопросах серьезного экзистенциального значения, в проблемах, по-настоящему открытых мужской философией лишь в XX веке, женщина разбирается вполне эффективно и компетентно, но при этом без всякой помпы и многотрудных логических обоснований. Эту моментальную способность женщины улавливать экзистенциальную или психологическую истину часто называют женской интуицией.

Однако это, скорее, как в названии работы Николая Лосского, «интеллектуальная интуиция» – продукт высокоточной настройки ума и чувств. Женская интуиция – это кратчайший и часто безошибочный путь к той же самой цели, к которой мужской интеллект приходит методом долгих побочных рассуждений и избыточных логических звеньев.

А вообще, женская вселенная непознаваема. Пытаясь сконструировать внутреннюю империю женщины, мужчина всегда создает еще один фантом, еще одно имя Отца. Все это напоминает множественные карикатурные образы женщин в кино и литературе, или для большего гротеска: женские роли, играемые мужчинами. Еще один вопрос, приходящий на ум в этой связи: почему сами женщины так мало сделали для того, чтобы очертить координаты их собственного ментального мира? Как философская задача эта проблема возникает лишь в середине XX века в феминистской критике и литературе. Да и там долгое время женская субъективность понимается методом от обратного – от отрицания мужских психологических установок.

Но и этот вопрос можно вернуть бумерангом: а нужно ли это женщине в принципе? Вот эти вечные мужские проблемы с самоидентификацией, душевные кризисы, самокопания – они от силы или от слабости? Помните, Гегель определял Абсолют через состояния полного спокойствия и самодовления. Значит обратная тенденция – установка на постоянное психологическое беспокойство и непрекращающиеся попытки что-то доказать другому (а уж как мужчина озабочен демонстрацией своей исключительности и ценности в глазах женщины!) – это проявление очевидной шаткости,

уязвимости мужского ума. В том же коммерческом американском кино мы видим мужчин, в прах повергающих врагов и пришельцев, презирающих опасности и смерть, непобедимых в любой схватке, свободно парящих над землей, превосходящих физической силой Геракла, а умом – Платона... Сравните все это с повседневным типом тупого американского потребителя, с вырождающимся современным видом мужчины, и станет ясно, что такие образы – результат психологической гиперкомпенсации. Несостоятельность мужского мира, разваливающегося на глазах, уничтожающего самое себя – именно она и порождает конвейерные фантазмы «мачо», «супермена», «героя боевика» и т. п.

Так что зачем женщине вообще что-то доказывать мужчине? На сегодняшний день ему гораздо важнее доказать свою ценность и необходимость.

Красота

Что такое красота? – ответить на этот вопрос и не стать пошляком практически невозможно. В голову сразу лезут штампы типа: «красота спасет мир» или «красота – это страшная сила». Ощущаешь себя школьником, в которого неожиданно целится указкой строгая училка:

– Ну как, Слава, скажи нам, любезный, что такое красота!

– Это э-э-э... Как сказать-то... м-м-м...

– Довольно мычать. Садись, «два».

Присел. Задумался. Замкнуло мозговые извилины, волосы электризуются от предельного напряжения. Бесполезно. Нет, на уровне шестого чувства, в счастливом озарении опознания истинно прекрасного – все абсолютно ясно. Перепутать прекрасное и безобразное невозможно. Точно так же, как добро и зло, взятые не в качестве социальных фетишей, а в виде сердечных предпочтений. Иначе говоря, терминологически выразить добро я не рискну, но когда по отношению ко мне поступают несправедливо – это чувствуешь ясно. Похожим образом блаженный Августин задумался некогда на тему сущности времени:

«Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» (Августин Аврелий. Исповедь. Книга 11).

С красотой еще проблематичнее. Красота реальна и эфемерна, объективна и субъективна, чувственна и рациональна, статична и динамична... Шаг в сторону от прекрасного объекта – красота улетучивается (подойти поближе к картинам Веласкеса, Гойи или импрессионистов – и целое распадет-

ся на цветные точки, эффект красоты пропадет, изображение превратится в грубую холстину с размазанной по ней краской). Взять хотя бы самое популярное воплощение красоты – образ прекрасной женщины. Лично я всегда противопоставляю в этом случае красоту смазливости. Есть истинная грация, очарование, прелесть мимолетного взгляда, улыбки, полуоборота лица, походки, жеста... Все это формализации не поддается, и как только превращается в прием, привычку, технику, становится кокетством, смазливостью, пошлостью. Нарисованное на себе второе лицо, втиснутая в барбиобразный формат фигура, скопированная у Шэрон Стоун манера держаться – это, конечно, простительно, но не прекрасно.

Отсюда можно было бы, кстати, заключить, что красота – это естественность («простота – есть необходимое условие прекрасного», – как сказал Л. Н. Толстой), но это новая ловушка. Ведь данное от природы тело, как и прекрасный ландшафт, – это лишь вещь среди вещей. Вне нашей оценки, вне акта преподнесения себя и распознавания в качестве прекрасного красота лица или фигуры никак не очевидна.

Самая привлекательная из нынешних красавиц ощущала бы себя уродкой в любую иную эпоху. Достаточно вспомнить предметы первобытного культа – изваяния «палеолитических Венер». Это огромные каменные бабищи, напоминающие мешки с картошкой, с безразмерными грудями и животами. Впрочем, античные красавицы и прекрасные дамы Средневековья произвели бы не менее шокирующий эффект на современного мужчину. А как вам дородные женские идеалы Кустодиева или Рубенса? То-то. Иначе говоря, и натуральности, неделанности эстетического объекта («самой природы совершенство» – ха-ха!) доверять нельзя. Георг Вильгельм Фридрих Гегель категорично высказался в том роде, что даже вздорная шутка по своему эстетическому статусу неизмеримо выше звезд, солнца, ревущих водопадов, величественных гор. Ибо красота, по Гегелю, может родиться лишь на почве духа, не облагороженный же человеческим умом и руками объект прекрасным быть не может:

«Формально говоря, какая-нибудь жалкая выдумка, пришедшая в голову человеку, выше любого создания природы, ибо во всякой фантазии присутствует все же нечто духовное, присутствует свобода» (Гегель. Эстетика).

Еще две с половиной тысячи лет назад произошел знаменательный спор о сущности прекрасного, вели который Сократ и софист Гиппий (см. диалог Платона «Гиппий Большой»). При этом первый притворялся скромным учеником, второй изрекал учительские истины. Тщеславный Гиппий без смущения точно «определял» красоту, но при деятельном участии Сократа всякий раз попадал впросак и наконец сел в глубокую и заслуженную лужу.

На сакраментальный вопрос о том, что есть прекрасное, Гиппий первым делом отвечает:

– Знай твердо, Сократ, если уж надо говорить правду: прекрасное – это прекрасная девушка.

– Прекрасный и славный ответ, Гиппий, клянусь собакой! – с иронией соглашается коварный собеседник, но тут же уточняет: – А может ли быть прекрасное в то же самое время безобразным?

– Конечно нет, – заглывает наживку Гиппий.

– Пусть будет так, – продолжает Сократ. – Но разве тебе неизвестно изречение Гераклита: «Из обезьян прекраснейшая безобразна, если сравнить ее с человеческим родом?» И прекраснейший горшок безобразен, если сравнить его с девичьим родом. Не так ли, Гиппий?

– Конечно, Сократ, ты правильно ответил.

– Слушай дальше. Если станут сравнивать девичий род с родом богов, не случится ли с первым того же, что случилось с горшками, когда их стали сравнивать с девушками? Не покажется ли прекраснейшая девушка безобразной? Ведь мы признаем, Гиппий, что самая прекрасная девушка безобразна по сравнению с родом богов.

Помимо этого Сократ подбрасывает Гиппию еще целую серию загадок. Спрашивается: чем именно красивы прекрасная девушка, прекрасная кобылица, прекрасная лира, прекрасный горшок и т. п., если ни в форме, ни в содержании у этих вещей нет ничего общего? Ведь если все белые вещи белы своей белизной, то и прекрасные предметы должны быть чем-то общим прекрасны. Гиппий какое-то время еще барахтается, пытаясь ухватиться за другие версии: прекрасное – это золото, поскольку все, созданное из него, прекрасно, прекрасно подходящее (т. е. красиво то, что именно для этой вещи пригодно), прекрасно – полезное удовольствие... Самая убийственная гипотеза Гиппия следующая:

– Итак, я утверждаю, что всегда и везде прекраснее всего для каждого мужа быть богатым, здоровым, пользоваться почетом у эллинов, а достигнув старости и устроив своим родителям, когда они умрут, прекрасные похороны, быть прекрасно и пышно погребенным своими детьми.

Любопытно, что, высмеив последовательно все подобные филистерские воззрения на прекрасное, сам Сократ уклоняется от положительного ответа на роковой вопрос. Финальным аккордом диалога становится обращение к старой греческой поговорке «прекрасное – трудно». Так завершается первый серьезный анализ феномена красоты в европейской культуре. Из него видно, что с некоторой уверенностью можно судить лишь о том, что прекрасным не является, и аргументированно отрицать точные «научные определения» красоты. Но показательно, что мудрое неведение Сократа

оказалось не столь поучительным для всей следующей истории, сколь самоуверенные нелепости Гиппия.

В фильме «Доживем до понедельника» есть одна ироничная сцена, которую мало кто помнит. В кадре фрагмент телепередачи, которую ведет уверенный в себе вальяжный технократ. Рассказывая о том, что на нынешнем этапе НТР музыку с успехом могут писать электронные композиторы, он замечает:

– Найдутся, вероятно, телезрители, которые скажут: машина не способна испытывать человеческие эмоции, а они-то и составляют душу музыки. Но, во-первых, надо точно определить, что же такое человеческая эмоция, душа и сам человек...

В этот момент сидящая у экрана пожилая женщина с искренним изумлением спрашивает:

– Неужели определит?

Вот я с таким же юмором и удивлением воспринимаю очередную попытку наколоть на философскую булавку феномен души, любви, красоты, истины.

Самые безвредные из таких определений – те, что научно обосновывают невозможность научного понимания прекрасного:

«Красота эстетического объекта есть невербализуемое отображение или выражение неких глубинных сущностных закономерностей универсума, бытия, явленное реципиенту в соответствующих визуальной, аудио или процессуальной организации, структуре, конструкции, форме эстетического объекта» (Лексикон неоклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. М., 2003).

Что до моего личного вкуса, то я предпочитаю парадоксальные и даже хулиганские (как, например, известное высказывание отца сюрреализма Лотреамона: «прекрасно, как случайная встреча швейной машинки и зонтика на операционном столе») представления о красоте. Так, прекрасное у Платона А. Ф. Лосев характеризует как «экстатический ум и умственный экстаз». А один из самых ярких мыслителей XX века Теодор Адорно отмечает связь красоты с такими, вроде бы, далекими от нее вещами, как ужас, безобразное, смерть:

«Фраза Ницше о том, что все хорошее в свое время было дурным, мысль Шеллинга об ужасном как начале всех вещей – все это давно было известно искусству. Красота – это не платонически чистое начало, а результат отторжения того, что некогда внушало страх, что лишь ретроспективно становится безобразным, как бы отвергая его... Сродство всякой красоты со смертью основано на идее чистой формы, которая делает искусство обязанностью всего многообразия живого, которое замирает в нем. Прекрасное не только

говорит как вагнеровская валькирия с Сигмундом, представшая перед ним как посланник смерти, оно в самом себе, как процесс, уподобляется смерти. Путь к интеграции художественного произведения, составляющей единое целое с его автономией, есть смерть моментов в целом» (Адорно Т. Эстетическая теория. М., 2000).

А вообще есть, как обычно, и неповторимый русский путь осмысления красоты. Незабвенный Василий Васильевич Розанов, подбирая самые простые слова, объясняет:

«Много есть прекрасного в России, 17 октября, конституция, как спит Иван Павлыч. Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невск.). Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника – разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери» (В. В. Розанов. Опавшие листья. Короб первый).

Каковы критерии определения красоты?

Как видно, проблема упирается в сами критерии выбора и определения прекрасного. Ощущение того, что другой, очевидно, не прав в своем одностороннем представлении о красоте, при полной невозможности это мое чувство выразить и внятно сопернику возразить – это своеобразный нулевой меридиан, точка отсчета в системе эстетических координат. Иммануил Кант одним из условий оценочного суждения о прекрасном считал принцип своеобразного «понимания без понятий»: «Прекрасно – это то, что без понятий представляется как объект всеобщего благорасположения». Например, лично я без специальных знаний о музыке четко знаю, как должно начинаться и заканчиваться симфоническое произведение. Я не могу объяснить, почему это так, а не иначе, но при нарушении невербализуемого закона построения музыки (равно как и композиции книги, фильма, стихотворения) понимаю это четко. Кроме того, речь идет именно о всеобщем благорасположении без понятий. Иначе говоря, вопреки обывательским мнениям о субъективности эстетического вкуса («о вкусах не спорят» – как утверждает народная мудрость), я всегда требую признать нравящееся персонально мне объектом всечеловеческой ценности. У меня, кстати, давно сформировалась такая привычка: я не могу смотреть истинно хороший фильм в одиночестве. Если картина мне действительно нравится, я обязательно усажу с собой рядом приятеля, с тем чтобы ценность данного произведения обязательно была признана кем-то другим. Иначе меня, что называется, давит жаба, не могу поклоняться прекрасным вещам в одиночестве. Пусть целый мир признает,

что это красиво!

Другой кантовский критерий отношения к прекрасному – бескорыстность моего благорасположения. Говоря проще, красота – это то, что принципиально невозможно (и принципиально не хочется) потребить. Подлинная красота держит на дистанции. Такова и красота женского тела, которое особенно привлекательно на некотором удалении, под покровом хотя бы нескольких лоскутков одежды или в туманной дымке, затемнении, как на картинах старых мастеров. Полная функциональная обнаженность, анатомические подробности тела – это уже не искусство, а медицина или порнография. На этом основании можно вывести за грань эстетического вкуса кулинарные, скажем, произведения. Личная корысть и сугубо физиологическое удовольствие – это уже что-то иное. Красоту не съедают.

Также отвергну претензии на эстетическую ценность со стороны дизайнеров, рекламистов, стилистов, самонадеянно полагающих, что произведения такого рода являются почти что предметами искусства. По Канту, третьим безусловным критерием возможности суждения о прекрасном является принцип целесообразности без цели.

По большому счету все шедевры искусства – подлинные безделушки, которые никак не приспособить в народном хозяйстве. И напротив, красиво рекламируемые продукты – это лишь красиво замаскированная корысть. Фестивали рекламы повышают уровень самоуважения рекламистов, но и только. Потому безусловно соглашусь с Хосе Ортегой-и-Гассетом, который резюмирует это так:

«Я не хочу сказать, что декор или художественная промышленность вовсе лишены красоты. Я только говорю, что их красота — это не сама красота, это полезность, лакированная красотой, это вода с несколькими вакхическими каплями. А в результате современный человек привыкает не просить у красоты эмоций более сильных, нежели те, что вызывает промышленное искусство, и если бы он был искреннее, то признался бы, что эстетическое наслаждение ничем не отличается от удовольствия, которое доставляют ему изящные и хорошо расставленные вещи» (Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры).

Таким образом, я могу судить о вещах как о прекрасных именно тогда, когда расположен к ним без корысти, когда понимаю ценность красоты без точных понятий, когда требую признания этой ценности другими. Все это, разумеется, только вход в лабиринт, но лучше – скажу в качестве дельного совета – понимать, что именно ты не понимаешь в красивом, нежели полагать, что прекрасное можно позитивно определить, купить, потребить.

Кто решает, что такое красота?

Еще один щекотливый вопрос, прямо связанный с предыдущими, касается силы и статуса любого суждения о прекрасном. Кто именно получает права авторитетно судить о прекрасном? Почему к моему персональному мнению мало кто прислушивается, тогда как благоглупость какого-нибудь выжившего из ума критика воспринимается как непогрешимая истина? И вообще непонятно: стал ли он таким авторитетным критиком потому, что изрекал раньше действительно важные мысли, или же значение особой ценности этих мыслей было задним числом оправдано авторитетом? Это напоминает старую проблему «курицы или яйца»: как красивое становится красивым, что было раньше – талант или оценка, смелый прорыв гения или констатация того, что этот прорыв осуществлен.

В 1917 г. французский авангардист Марсель Дюшан выставил в художественном салоне обычный уличный писсуар и обозначил его в качестве самого современного и радикального произведения искусства под названием «Фонтан». Борис Гройс в лекции 1997 г. задается вопросом о том, стал ли этот писсуар произведением искусства, так сказать, автоматически, после объявления его таковым, а кроме того: стал ли им сразу или впоследствии, и что было бы, если бы писсуар выставил не Дюшан, а кто-нибудь другой.

Отсюда и возникает очевидная трудность суждения о прекрасном:

«Искусство есть перформативный акт, когда я указываю на какой-то объект и говорю: это есть произведение искусства. Я не должен в дальнейшем обосновывать это утверждение, объяснять его либо интерпретировать это произведение искусства каким-то таким образом, чтобы доказать, что это действительно является произведением искусства. На самом деле это произведение искусства становится произведением искусства благодаря тому, что я это сказал. То есть писсуар не был произведением искусства до того, как Дюшан сказал об этом, и стал таковым после» (Гройс Б. Что такое современное искусство // Митин журнал. 1997. № 54).

Неприятность этой проблемы в том, говорит далее Б. Гройс, что неизбежно возникает вопрос о субъекте, имеющем право на оценочные высказывания:

«Если ты царь или первосвященник, то у тебя есть возможность сакрализовать какой-то объект или провозгласить город столицей. Но Дюшан не был ни царем, ни первосвященником, он даже не был признанным художником. Он стал признанным художником именно потому, что выставил писсуар, а не наоборот».

Распутать этот узел так же сложно, как и разобраться со статусами подлинных и неподлинных художников. Кто из нас не ловил себя на мысли

(завистливо поглядывая, например, на «Черный квадрат» Малевича) о том, что и я, дескать, мог бы точно так же. Но в чем состоит тогда фора таланта перед посредственностью? Почему он признанный гений, а я, нарисовавший, например, красный ромб, нет? Утешением здесь может служить лишь то, что статус гения чаще всего присваивается посмертно. Сама смерть автора является обычно маркером ценности его произведений. Ведь если произведение иллюзорно, то смерть в высшей степени настоящая. Стоило умереть Курту Кобейну, Джону Леннону, Виктору Цою, и оценки их творчества резко пошли вверх.

Так что не отчаивайтесь раньше времени, граждане. Сочиняйте песни, стихи, пишите картины и музыку, снимайте фильмы – в наше время, когда уродство легко становится красотой, ужасное – смешным, реклама – искусством («Мир кончится не прекрасной книгой, но прекрасной рекламой для небес или для ада» – сказал сюрреалист Адре Бретон), возможно поистине все. По крайней мере посмертно мы все имеем шанс быть признанными гениями. Примеры Кафки, Ван Гога, Эда Вуда и многих прочих вдохновляют.

Василина Степанова

Родилась в 1992 году, окончила Литературный лицей, печаталась в журнале «День и ночь». Лауреат литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева по итогам 2007 года в номинации «Ранний дебют».

Енисейск – моя духовная родина

фрагмент

Иконопись

Помню, как мы, совсем еще малыши, нашли в реке необычный, золотистый камень, какой-то хрупкий, но в то же время – твердый. Сейчас кажется, что он был кристаллического строения, но точно этого уже никто не вспомнит... Тогда мы уже побывали в иконописной мастерской, выслушали рассказ о том, как пишутся иконы, побывали в гостях у иконописца – Надежды Михайловны. Мы, дети (да и взрослые), ее очень полюбили. И решили подарить ей «золотую» краску, сделанную из найденного камня. Дети ведь не умеют говорить, что любят, благодарить словами... Сказано – сделано. Мы впятером сидим посреди дороги (машины в Енисейске тогда ходили очень редко, а возле нашего дома – и вообще) и долбим наш «золотой» камень каким-то обыкновенным булыжником.

Опыта в практических делах у нас не было – и ничего под камень мы не подстелили, а взрослые в наши дела и игры не вмешивались. Самый старший из нас – Димка (тогда он казался мне таким большим и сильным, а по-настоящему – пацаненок лет семи-восьми) старательно стучит по камню, а мы выбираем песчинки из дорожной пыли... Камень нашел Димка, и поэтому именно он его долбит. Потом он устает... и мы все по очереди стучим, крошим. Добытое «золото» опустили в консервную банку. Получилось ничтожно мало (в пыли растеряли больше половины). Что же делать? Изобретательные дети, то есть мы, натолкли кирпича и высыпали туда же, он, разумеется, закрыл все золото. Но нас это несколько не огорчило. Мы подарили каменно-кирпичный порошок прямо в консервной банке и твердо знали, что нашим «золотом» будут покрывать иконы...

Надежда Михайловна не раз принимала нас с бабушкой у себя, когда мы приезжали в Енисейск... Одно из воспоминаний – вечер. Где-то одиннадцать. Я – на лежанке, за печкой... засыпаю... ноги – к печке. Так теплее. А рядом, в соседней комнате, Надежда Михайловна читает молитвы... Когда она пишет иконы, мы стараемся быть как можно тише, не мешать... Ей тяжело их писать: на ней сказываются все проблемы, неприятности тех людей, для которых она пишет... В момент письма устанавливается связь между иконописцем и тем, для кого пишут... Помню, когда она писала нам икону, мы часто молились за нее, а когда встретились, она смогла нам точно назвать время наших молитв... У иконописца больше искушений, поэтому они держат себя в большой строгости.

Соблюдают все посты, много молятся, а когда пишут иконы, кажется, совсем не спят... Я засыпала – она молилась, просыпалась – опять слышала молитвы.

К Надежде Михайловне часто кто-то приезжал: кто учиться писать иконы, кого благословлял к ней на жительство отец Геннадий...

Ира

Из всех временных жильцов Надежды Михайловны я запомнила только одну девочку (или девушку) Иру. Помнится, ей было лет 19, а может, я и ошибаюсь. Она у Надежды Михайловны и жила, и училась... Мы тогда уже нашли людей, которые сдавали дом за весьма символическую цену. Хотя жили мы и в другом месте, но я часто забегала в этот двухэтажный домик... хоть и маленькая была, но понимала – работа. Они писали, а я им вслух жития святых читала. Тогда я впервые и нашла свою святую – мученицу-отроковицу Василиссу. А через год Надежда Михайловна написала мне икону Святой Василиссы.

С Ирой мы постоянно вместе были, уж не знаю, что нас связывало: мне – 7, ей – 19. Совсем разные, но времени мы вместе проводили много. И я ее очень полюбила, привыкла к ней, как к старшей сестре. Каждый день после обеда забегала за ней; если Ира была свободна – мы гуляли, играли в мячик, я рассказывала ей какие-то свои, детские секреты... А если они еще не закончили работать – терпеливо ждала, читала жития... Потом пила с ними чай, и мы с Ирой шли гулять.

А потом к Надежде Михайловне приехали другие люди. И Ира жила у нас. Мы с ней и моей бабушкой шили из лоскутков большого медведя, он до сих пор живет у нас; по очереди мыли посуду.

Кончалось лето. Уехали мы из Енисейска. Сначала Ира. Потом – мы. Она тоже живет где-то в Красноярске, но я сама, конечно, не могла ее найти, а бабушке было некогда. Я часто Иру вспоминала. А однажды она пришла к нам в гости! Как я радовалась! А потом опять... потеряли мы друг друга. Но все равно Енисейск мне напоминает и ее.

Вообще в городе, а тем более в таком городке, как Енисейск, люди – самое важное. В Енисейске все друг друга знают. И это меня всегда удивляло и радовало. После делового, бегущего Красноярска, спокойная тишина Енисейска, доброта людей была... ну, как сказка! В которую я всегда стремилась попасть.

С хором

Первый раз «в сказку» я попала (приехала) с хором. Мы разместились в двух домах. Один – дом отца Николая (когда он уехал, в доме «поселилась» иконописная мастерская, а сейчас там живет псаломщица Светлана с тремя маленькими детьми) казался мне очень большим. Запомнились в доме почему-то лишь оранжево-коричневые полы и два длинных стола, за которыми ел весь хор. А во дворе – двухэтажный сарайчик, вымытый и занятый нами под игры. Мы любили просто там сидеть, разговаривать, как будто в своем доме... «Домик» очищали мы, первая партия детей, приехавшая на три дня раньше всех остальных со своими родителями, на «разведку».

Сколько нас было? Маринка, Сима, Катя, Димка и я. Опять пятеро! Мы, кстати, все дружили, хоть Маринка и была старше меня на 6 лет. Нам было весело, мы придумывали какие-то свои игры... Помню, как чистили домик. Димка (единственный мальчик) и Маринка (как самая старшая) таскали лавочки. Или лавочку? В общем, занимались «тяжелой физической работой».

Симка подметала. Катя чего-то там убирала. А я, как самая младшая, вытирала пыль. Причем тряпку я почему-то мочила в каком-то чайнике. Видимо, другой посуды мы не нашли. Наконец все убрано. Сидим на втором этаже. Там дверь – прямо со второго этажа во двор, а лестницы нет. Лавочку поставили прямо около выхода. Помню, все щелкали семечки. А мне бабушка почему-то не разрешала, тогда мы все дружно начистили семечки. И ели чищенные уже все вместе! Родители волновались, что мы выпадем из этого окошка-выхода. И, когда приехал весь хор, чей-то папа, по-моему, Илюшкин, дядя Олег, прибил доски поперек входа.

Хор приехал на «Ракете». Мы ходили встречать: тетя Таня и тетя Ира, и нас, детей, пятеро. По дороге Симка упала и разодрала колени и локоть. Тетя Таня (ее и Маринкина мама) и Катя (лучшая Симины подруга) повели ее домой. Мы, заметно поредевшие, встретили хор. Пошли домой, на обратном пути встретили перебинтованную Симку и Катю.

Хор поселился в доме отца Николая. А мы той же компанией только с еще несколькими малышами жили наискосок от них. В двух маленьких домишках. Савва, Сенька, Ульянка с родителями – в одном домике. А в нашем на веранде – Полинка с мамой и тетя Таня, а в комнате – Сима, Марина и мы с бабушкой. Помню вечер, родителей нет, наверное, где-то у костра разговаривают. Мы с Симкой лежим на моей кровати, а Маринка – на их. В комнату залетел большой комар. Мы называли их малярийными. Маринка их очень боялась, думала, что они разносят малярию. Она спряталась под плед, а мы с Симой хохотали и пугали ее.

Говорили, что он на нее сел и сейчас цапнет. Наконец ей надоело бояться. Она тоже залезла к нам на кровать. Мы спрятались под пледом с головой и рассказывали страшные истории. Потом пришли родители, разогнали по кроватям, выключили свет и ушли. А нам было еще интереснее! В темноте рассказывать страшилки, да еще и с долей риска – могут родители прийти – это ведь так здорово!

Были у нас, конечно, и небольшие ссоры. Однажды Симка с Катей заупрямились – не стали мыть посуду, не помню почему.

А у нас было строгое дежурство. И мы с Митькой, младшим братом Кати, мыли не в свою очередь. Нам было очень обидно, ужасно не хотелось мыть посуду, но еще меньше мы хотели, чтобы все переругались, – поэтому и мыли. Лица у нас тогда, наверное, были очень «надутые», но все кончилось миром: девочки извинились и дежурили три раза подряд!

Днем мы любили лежать на наваленных под продолжение крыши досках. Там всегда тенок. Рядом с крышей проходили провода. Однажды я зачем-то за них взялась, чем перепугала всех окружающих, а сама ничего не почувствовала... даже странно!

Мы той же «первой» компанией любили играть больше всего. У нас были свои многосерийные игры. В брошенных щенков – самая любимая. В нее мы играли года три. Проигрывая разные сюжеты. От путешествия на плоту во время потопа до смерти. И не надоело! Играли мы и в огород. Так называли мы ту игру, хотя ничего и не садили, а просто запускали кого-то в огород. В заборе много дырок, и оставшиеся игроки должны были не выпустить «запертого» из огорода. Звучит смешно, а играть было весело!

Как-то во время игры я сильно разбила колени, и девчонки на руках отнесли меня в наш домик, где попутно стали играть в больницу. Помню, Маринка заливала мне ногу перекисью и боялась, что мне больно, больше меня. А я тоже боялась, но не медицины, а того, что придет тетя Таня и наругает за то, что мы сидим на ее кровати, хотя она ни разу на нас не ругалась.

Помню, как в наш маленький домик мы с Димкой возили воду из колонки. Мы всегда ходили вдвоем. И толкали тележку с какой-то емкостью под воду. Было тяжело, но мы не признавались в этом никому.

Вечерами во дворе дома отца Николая разводили костер. Пекли картошку, прыгали через огонь, пока не видят взрослые. Включали музыку и танцевали. Устраивали шествие вокруг костра, воткнув зеленые ветки в одежду и волосы... Я боялась, когда много народу, хоть и нашего, но сидеть, забившись в уголок, мне не давали. Маринка и Настя брали меня за руки и кружили, а потом, когда водили хоровод, поставили меня между собой...

За что я им до сих пор и благодарна – так бы испуганно и просидела все

три недели в уголке. А благодаря им – перестала бояться и, наоборот, стала заводилой. Во всех играх, делах... Один раз разожгли такой костер, что прибежали соседи с ведрами – тушить пожар!

По утрам мы ходили на спортплощадку. И вместо зарядки соревновались, кто больше простоит «березкой», больше подтянется... Чаше всего побеждали Симка и Катя.

Днем были у нас концерты, а когда их не было – ездили на Кемь (речку), ходили купаться на Косу, маленькое озерцо.

Коса

Кстати, Косу для хора открыла я. Ушла гулять с соседскими ребятами, а они собрались купаться. Чтобы до Косы дойти, надо сначала по Енисею немного, она как бы на островке. Там брод есть и течение медленное... но мне не разрешали купаться без взрослых, поэтому через Енисей я не пошла. А ребята ушли, сказав: «Окунемся и назад. Жди!» Ну, я ждала. Какая-то девушка оставила мне коляску с малышом – такое можно только в Енисейске! – стою, жду. Уже и за малышом пришли. Жду-жду... надоело. Решила домой идти. А город-то незнакомый! Бежала, сколько помнила. А дальше – куда? Я (пятилетняя) не растерялась. Дорогу от Успенского собора до дома – знала. А вот, что храм – Успенский – нет. Спрашиваю у прохожих: «А как дойти до храма? Белый такой, красивый». Вывели меня к храму, обрадовалась я! И домой скорее! А там меня и не хватились! Гулять с ребятами меня отпускали, а их-то еще нет! Потом мы любили ходить на Косу всем хором. Однажды нас застигла там гроза, и мы, опять-таки впятером, бегали домой за плащами для всего хора, пока все пережидали под навесом.

Монастырское озеро

Ездили мы и на Монастырское озеро. Видели землянки, в которых жили монахи. Сначала здесь жили два брата-монаха, а потом образовался монашеский скит. Их убили во времена церковных репрессий, зарубили в землянках, где монахи молились, и бросили тела в озеро. Тело одного брата не тонуло. Но стоило лишь подплыть к нему убийцам – оно ушло на дно. С тех пор вода в озере – красная от крови невинно убиенных. А само озеро несколько лет не замерзало. И это в наши, сибирские морозы!

Выслушав это предание, пошли купаться. Вода и правда была красноватая. А дно – мягкое и песчаное, как монашеские рясы. Это звучит спокойно – «как монашеские рясы», а когда я встала на дно и посмотрела на воду, то просто вылетела в ужасе на берег, да и не я одна.

Действительно страшно было. Как же так? Жили люди, молились, славили Бога, радовались чему-то, а потом... Из-за каких-то злых людей раз – и нет их.

Мы купались, но при малейшем движении воды замирала и билась душа. Пожалуй, тогда ко мне впервые пришло понимание смерти.

Смерть

В Енисейске я еще несколько раз задумывалась о смерти. Мы проходили мимо храма. С бабушкой, Димкой и его мамой – тетей Мариной. Они зашли в храм. А я услышала знакомую мелодию – такое мы пели в храме. Я присоединилась к пению. Вскоре меня заметили поющие бабушки. Они поставили мне табуреточку, чтобы я была вровень со всеми. Я оказалась у изголовья гроба. Так я впервые увидела мертвого человека. Сначала был просто... нет, не страх, скорее... неожиданность. Шок. Не ожидала. Потом я еще пела вместе со всеми, когда испуганная бабушка нашла и увела меня. Она думала, что мне страшно. А мне было не страшно, а... светло и печально. Меня не пугала возможность смерти. Я не верила в нее. Да и рано было бы.

А второй раз... было страшно. В храме стоял гроб. Три дня. Как и положено. Мы увидели его вечером перед похоронами. Эта бабушка жила при храме. Угощала неделю назад нас конфетами, а сейчас... Ее уже нет. Мы верили, что она уже в раю. Но где это? Непонятно и страшно. Мы смотрели на гроб. И молчали. Еще долго молчали, выйдя из храма.

Успенский собор

Гроб стоял в Успенском соборе. Том самом – «белом, красивом храме». Там мы пели и концертную программу, и отслужили несколько литургий. Запомнились рассказы батюшки об иконах и о чудесах, происходивших у них. Все рассказы помнятся смутно, отрывками. Но один случай запомнился очень четко. Мы с хором пришли в храм, но не на службу. Зачем – не помню. В храме, кроме нас, никого не было. День был сумрачный, серый. В храме тоже был полумрак: свечи не горели. Мне, чтобы рассмотреть иконы, приходилось задираť голову высоко-высоко. На потолке я увидела свет. Такое пятно из света, кругло-овальной формы. Я была... не знаю, как сказать. Здесь были и испуг, и трепет, и восторг, и, конечно, удивление, когда я показывала на него, а никто не видел. Этот свет был... сам по себе. Это не отражение солнца, а само светящееся изнутри. То чудо всегда вспоминается с тихой радостью.

Отец Геннадий

Настоятель Успенского собора – отец Геннадий. Никогда я еще не встречала батюшку, столь горячо любимого всем приходом, такого доброго, мудрого, терпеливого. Впервые в Енисейске я попала на его «воскресные» беседы. После утренней литургии в воскресенье все собираются в большой комнате рядом с крестильней, отец Геннадий читает что-нибудь из Библии или Евангелия, а потом раскрывает смысл... Но это не лекции, а именно беседы – и все, кто хотят, задают вопросы, говорят и даже спорят иногда.

Первый раз была я на такой беседе в 5 лет... Тогда речь зашла о Страшном суде, я все внимательно слушала и рисовала... Рисовала Страшный суд и распятие... Но страшного на рисунках не было – так искренне я верила, что все всегда хорошее и светлое, что даже черти получились у меня не страшными, а глупыми и смешными.

Храмы

В Енисейске много храмов: Успенский собор, мужской и женский монастыри... Бывала я, конечно, во всех. В мужском монастыре ведет службу отец Себастьян. Люди приезжают к нему из разных городов на отчитку.

И все паломники стараются попасть к нему на службу. Побывала я и в женском монастыре. И узнала, что настоятель там – отец Александр. А ведь он был духовником нашего хора. Было это давно, но мы до сих пор вспоминаем о нем с любовью и благодарностью! Как он рассказывал нам, малышам, о Боге! Как умел заинтересовать!

Бывала я на службах во всех этих храмах, но Успенский собор остался самым родным. За многочисленные приезды я познакомилась почти со всем приходом. И теперь, когда приезжаю, чувствую себя как дома, в своей семье...

Номинанты 2007 года

Поэзия

Валентина Гуркова

Печаталась в журнале «День и ночь», участник творческого объединения «Аллея». Живет в Красноярске.

Таинственные тени

Лунный транс

Успокоил ночь лунный транс,
Унаследовал след от тени,
Эти игры прельщают нас,
Поколениям трут колени.

Танцем жухлой бесцветной мглы,
Под ногами шуршащей мышью
Загулялся, и вот, увы,
Дождь теряется в луже с тишью...

Бледно-глянцевый лунный свет
Заливает сомнением чашу,
Что краями сошла на нет,
А бочком подпирает чашу...

Леса здесь и в помине нет,
Разыгрался твой ум пропащий –
В этом старой луны секрет,
Иллюзорной, ненастоящей...

* * *

Таинственные тени
И свечи по углам.
Романтика движений
Присуща паукам.
Прикосновенье шторы
Я боялась потерять образы.

К потоку из дверей.
Чернеют коридоры
От плотности теней.
Переизбыток боли
И призрачных надежд,
Причуд и паранойи
Обычен для невежд.
Присущие страданья
Тем, кто ложится спать,
Здесь, в комнате незнанья,
Тем, кто не хочет знать.

* * *

Я боялась терять людей.
Я боялась терять себя.
Я боялась терять вообще.

Я боялась остаться одна.
Я боялась упасть с потолка.
Я боялась причинить боль.

Я боялась не быть.
Я боялась не жить.
Я боялась не родиться.

Я боялась править образами.
Я боялась, что образы будут править
мною.

Я боялась не узнать тебя.
 Я боялась не быть узнанной тобой.
 Я боялась разминуться.

—————
 Я потеряла все.
 Я умерла во сне.
 Мне больше нечего бояться.

* * *

На жизнь
 Трезвого
 Взгляда
 Не надо.
 Ножи
 В салате.
 Рядом
 Кто-то
 В палате
 С белыми
 Стенами
 Стонет.
 Станет
 Рассказывать
 Разные
 Сказки,
 Былины.
 О том, что
 Снаружи
 Жизнь –
 Малина.
 Опять ножи...
 Шаг –
 Перерезана
 Пуговина.

* * *

Никто не знает,
 Куда уходят смски,
 Не дошедшие до адресата.
 Никто не знает,
 Почему течет кран,
 Как его ни закрывай,
 И почему вполне хорошие люди
 Уходят в адвокаты,
 А без тебя на земле не строится рай...

* * *

Заболела. Чихание. Ломка.
 Пропадаю. Глазами на запад.
 Западает зеленая кнопка.
 Полсвечи. Парафиновый запах...
 Турникет. Как лошадка в загоне.
 Заражая всецелой любовью,
 Бред руки в топке судеб утонет,
 Посыпая зажившее солью...
 Под эмоции пряча биенье
 Сердца зверя. Попался? Бывает...
 Слой души, что зовется «нетленьем»,
 Просто в вечности тихо растает.

Дмитрий Коро

Родился в 1976 году в городе Норильске Красноярского края. Учился в Томском политехническом университете, в Литературном институте им. А. М. Горького. Печатался в журналах «Сталкер» (Лос-Анджелес), «Книжные новине» (Белград), «День и ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Вавилон» (Москва), «Каменный мост» (Томск) и других. Шорт-листер премии Фонда имени В. П. Астафьева в номинации «Поэзия» по итогам 2004 года. Живет в Томске.

Всмотриваться в каждого человека

* * *

Ребенок вошел в дом
И я снова научился ходить на
четвереньках
Пускать мыльные пузыри восторга
Задавать гениально-глупые вопросы
Нелепо приплясывать вскидывая
руки и мотая головой
Пить вздох любой новый запах
Быть собой
Невзирая на себя

Ребенок вошел в дом

* * *

Не хотел начинать курить
Теперь будет чем погреться
промоглой осенью на остановке

Не хотел начинать снова выявлять
содержание спирта в жидкости
Теперь зимний холод не страшен

Не хотел терять мысли о тебе

И теперь мне никак не согреться

* * *

Сгорела яичница
три острова превратились в уголь
вместе с круглым океаном

Как хочется любить эту жизнь
хочется любить эту жизнь
любить эту жизнь
эту жизнь
жизнь
жизнь
ь

Поездка

Мыслимое ли дело –
взойти по ступенькам в поезд,
чтоб кинуть в чужой строфе...

Не проще ли вывести велосипед
и на третью скорость победно
поставить ногу
в обрезанном галифе?

* * *

Даже радио грустит,
время крутит лопасти
усталые,
стук-постук, да скрип-поскрип,
время выжмет из горсти
воды талые...

Все, чего я не достиг,
на зубах песком хрустит
и щебенкою.
Я – еврей средь палестин
с кожей тонкою.

Хочется себя простить
и, напившись гадости,
брык – вповалочку...
В сон входя, услышу скрип:
вечных перьев властелин
ставит галочку.

* * *

Всмотриваться в каждого человека,
ловить улыбки (я люблю улыбки),
пытаться различить неясные слова,
которые у каждого на сердце.

Глаза искать похожие на то,
как если б бабочка к цветку
цветка летела,
и вся поляна радостных цветов
следила, ахая, за призрачным
движеньем.

Глаза такие, сердца глубина,
улыбка светлая – встречаются нечасто,
но если уж нашел, то это – как медаль,
кусочек олова, а все-таки приятно...

* * *

Памяти Ю. Левитанского

...Что-то летает, да, что-то витает
и мимолетно все дыры латает –
веткой оливы, клавиром несмелым,
клевером сладким, виолкой фасадной,
капелькой смоквы, птенцом неумелым...

Что-то кружится, да, что-то клубится
и норовит непременно сбыться:
берегом блеклым, былинкой бумажной –
вьется, мелькает, курится на лицах,
трепетно дышит... Ах, как это важно,

как это сладко и как терпковато,
словно «сегодня» – растущее «завтра»,
словно за нитью – и тень Ариадны,
слово светляк, промелькнувший куда-то
мимо ржавеющей тени ограды.

...Что это было? И что это будет:
кто шевельнется, неслышно разбудит,
где остановится птичье паренье,
если для каждой из множества судеб
ветра дыханье – как откровенье...

* * *

А земля внутри теплая
даже зимой
под снегом смерзшимся комьями
под коркой постылого льда
под тоннами тонн холода мрака беды

Так и во мне
где-то в глубине
теплится душа

О чем моллю? Чего ловлю?
Я уподоблен кораблю,
что в первый раз на курсе новом.

Вечный двигатель
Вечный огонь
Вечный

В ладонях новые рубцы –
ну что ж, посмотрим... Эй, гребцы,
нам – за руном серебрословым!

* * *

Схема московского метрополитена
напоминает молекулу радуги
распластанную на срезе города
под дулом макро-скопа

Вижу
как по дифракционным венам
снуют микроорганизмы деловитости

Проза
Лепрозорий
Поэзии

Сонет № 10

Перекроили мне ладони...
Перекривили линий слом,
судьба развернута углом,
где был пустырь – пасутся кони.
Где плыл тунец – кукушка стонет,
и звезды – в небе голубом,
и я, как в море волнолом:
ломлю, ловлю мольбу в бетоне.

Анжела Пынзару

Училась в Литературном институте имени А. М. Горького, живет в Красноярске.

Та часть

* * *

не знаю для чего живу
не знаю для чего храню
тебя в уме
когда считаю с кем была
один и два и ты в уме
как фотография в альбоме
(твоей-то у меня и нету)
как год рожденья дочерей
чтоб не забыть
себе напоминаю часто
будь спок я не забыла
ты в уме

* * *

В `осемнадцать я слыла волчицей
и нездешние имела зубы белым
белым становился путь от
моего соска до его еще несмелых губ
(убывающим кормила молоком
Черной Луны)

в

36 не хотелось мужчин
глядела на них как на
средство передвижения типа
авто а я больше всего любила
ходить пешком к

40 становлюсь змеей сказалась
Венера в Деве и разъезжание
на метро по Москве когда
долго-долго ползешь у корней
кое-что отнимается и в верхах

* * *

мама
как сладко быть богом сейчас
валяться вот так распятым
в церковной лавке и кровь
сгустившаяся на запястьях
как браслеты кораллы
напоминают мне о дне
когда висел мама поцелуй
мне запястье погладь
там наверное кольца
как у срубленной ели
овивают кисть руки
посчитай мне отсюда не видно
сколько их там представь я
столько раз мог бы быть
женат так сказал на рынке
в Иерусалиме помнишь тот
хиромант приторговывал
бы ладаном смирной как
мама

Домохозяйка о литературе

все эти дамы еж такие дуры
я говорю о западноевропейской литературе
они женились суицидальные параноидальные
и эта Плат в рубашке как корова и столько
раз бросалась с этажей ты лучше на диету
сядь да похудей а Дулитл ведь он не к ней же
плыл а от нее как Одиссей и что там было с этой
Пенелопой один-то сын неужто больше не давала
и этот Рильке со своей туда же этот Элиот опять корабль
и сумасшедший дом для Виф готов и еж
пора купить кровать
а мне и на полу с тобою ничего клево
честное слово клево

* * *

нет более печали
и радости не жди
останься и молись
в степи с осенним ветром
чтобы забыли помнили ругали
и если что не так прости
прости я не хотела
и Иссык-Кулем вслед мне
помаша

* * *

ты видел сегодня небо?
как капуста червона
в овощной лавке азербайджанца

* * *

А.
куст к кусту
звезда к звезде
и мы с тобой
как два придурка
к реке к тайге
к земле к звезде

* * *

А.
та часть меня которая молчит
и стонет по ночам от непогоды
та часть любви твоей
ко мне благословит
потом и небо и рябины полой воды

та часть что знать не знает
кто есть мы
о повседневность рифмы
спотыкаясь
живет и дышит будто только что из
рая
от нас от сущих нищих убегая

Алексей Евстратов

Родился в 1974 году. Учился на филологическом факультете Пермского государственного университета. Работал грузчиком, санитаром в психиатрической клинике, сторожем. С 1993 года – в сфере рекламы и PR.

Автор нескольких сборников стихов. Публикации в журналах «Пролог», на сайтах «Точка зрения» и «Сетевая словесность». Живет в Перми.

Бонус-трек

Прощай

Вот и кончилась Россия –
та страна немывтая,
где таможенники бухие,
и в которой биты нам
по пути работа – дом
пригождались без мяча...
Вот и кончилась Россия –
за бугром теперича!

*Белый пес с кровавой мордой,
белый с красною губой...*

Я теперь уже не гордый!
только, знаешь, нет работы.
– Нет работы?!
– Что ты, что ты! Не пугают
повороты!

Не пугают дикие
янки разноликие: индусня, арабы,
турки,
понтовитые все чурки
(те еще засранцы!)
хрен знает как американцы.

*Пес бежит, не разбирая
троп-дорожек в кущах рая...*

– Рая?! Сладенький шалом!
– Таки здравствуйте, Абром!

Первый день

Здравствуй, грязная свобода
от немывтой Родины!
Ты нас встретила у входа
потною уродиной,
толстой теткой в мятых шортах,

Щас бы водки!
Водка – все, что
есть от Родины с собой!

Через два месяца

Сникерсы, уикерсы,
на закуску – каперсы
к полбутылке вискаря
(водка дорогая, бля!)
Сложен ты для изучения,
клятый «ангельский» язык!

Вроде был не из последних,
а сюда приехал – сник.
Ты ли выручишь с похмелья,
сленг дешевых видаков?

– Come on, russian!
Quickly, hey you!!!
– Да пошел ты на fuck off...
Щас бы водки!
Водка – все, что
есть от Родины с собой!

К стратегическим допущен
и ответственным трудам
(мыть посуду; клево? – плющит!)
мельком брошу взгляд на дам –
блин, да разве ж это бабы!
отвернуться и сблегнуть –
краше каждой блядь в канаве
из колхоза «Светлый путь»!

О блядах – ты знаешь, сколько?
Елки, я б за столько сам!
Ну загнул, конечно.

Только знаешь, сколько наших там?
Я знаком с одной с Урала
и с одной из-под Твери.
Знаешь, как обидно стало?

Ну, а в общем... все достало.
Снятся в розовых кристаллах
с алой грудью снегири.

*Белый пес с горящим оком,
белый дух во тьме ночной
бдит тебя в краю далеком,
но не ждет тебя с собой.*

Позже

Ты не ждешь? Какая жалость!
Веткой льдистою звеня,
все сбылось, что начерталось.
В подворотне умер я:
пьяный негр, дерьмо, потомок
недоношенных рабов –
хлесь пером! Больничка, кома...
Будь готов! – Уже готов.

*Пес ты, пес, светло горящий
в дальних весах, темных чащах,
над могильною плитой...
Как же мы теперь с тобой?
И ответил поздно званный
белый пес с кровавой раной,
пес ответил: «Ерунда.
Только жаль, что не в России».
Я, вздохнув, ответил: «Да...»
И мы оба закурили.*

Светлана Зернес

Родилась в 1978 году. Шорт-листер премии Фонда им. В. П. Астафьева в номинации «Поэзия» по итогам 2007 года. Живет в городе Энгельс Саратовской области.

Солдатская вдова

Солдатская вдова

То не реченька
Разливается,
Не рябинушку
Серый ветер гнет –
Плачет вдовушка,
Убивается,
Слезы горькие
Дни и ночи льет.

Где ты, милый мой,
Невернувшийся?
Где земля тебя
Поупрятала?
Ты проснись, проснись,
Непроснувшийся!
Ты приди ко мне,
Я жена твоя!

Мне и день не мил,
Мне и ночь страшна,
Камнем горяшко
Навалилося.
Нет прощенья мне,
Пред тобой грешна –
Неусердно, знать,
Я молилася.

Оттого сложил
Буйну голову,
Замели снега
Колыбель твою.
Хоть словечком бы
Перемолвиться,
Постоять чуток
Над могилою.

Хоть одним глазком
Поглядеть бы мне,
Если б встать ты мог –
То разрыла бы.
Хорошо ль лежать?
Да тепло ль тебе,
Да удобно ли,
Да не сыро ли?

Не навек с тобой
Я прощалася,
Думы темные
От себя гнала.
Неприкаянною
Осталась я,
Не спасла тебя,
Не уберегла.

Ты зови-зови –
Не докличешься,
Слезы лей – не лей –
Не доплачешься...

Дождю

Не стучи... Все равно не пушу,
Чтоб еще безнадежней не стало.
Я одна полчаса погрузу,
А тебе и пол-осени мало.

Ты успеешь еще рассказать
Про земные свои неудачи.
Если вместе нам день коротать,
То давай помолчим и поплачем.

Анна Черкашина

Родилась на Дальнем Востоке, в городе Долинске в 1982 году. Окончила СибГТУ.

Участник Всероссийского семинара молодых литераторов «Очарованные словом» (Красноярск, 2005 г.). Победитель одного из красноярских состязаний по поэтическому слэму (Красноярск, 2008 г.) Живет в Красноярске.

Не такая

* * *

Мое имя теперь бессмысленно,
Я не слышу больше ни звука,
Ни стука, ни скрипа, ни истины...
Я взрываю мосты и мысленно
Возвращаюсь ко взглядам,
Звонкам, пустякам... Мистика...
Ты меня превышаешь численно
В этих маленьких пригоршнях
счастья
В сотни, тысячи междометий...
Но я – палач. А ты – висельник.
Или лучше пятый распятый
За правду, ложь, молчание – плети...
А это Я тебя из камня высекла!
Жница, жрица, убийца...
Сваяла, вылепила – пылиться!

Молча

Полон рот золота.
Целься, целься камнем в лицо!
Поворот голода.
Сглотну – желудок озолочу.
Как удар молота,
Сжимает приторное кольцо
Ласковым холодом,

Дышит в затылок врачу
Доброму солодом
С хмелем. Кидай камнем в лицо!
Как удар молота
Вскользь по кости, по плечу...
Полон рот золота.
Молчу...

Гений

В искривленном
Внутричерепном пространстве
Мозговых извилин
Живет гений.
Его сморщенное кулакоподобное
Лицо похоже на урюк
И полно опечаток.
Если забыть про гения,
Он сохнет в труху.
А если раскормить
Его, то можно сшить
Впоследствии
Пару отличных перчаток.

Трамвай

Я вовсе не такая.
Я не жду трамвая.
Я и есть трамвай.
Для тебя, безголового, неопасный...
Но, как бы скуки
Ради, подставляешь руки,
Давай, мол, отрезай –
Дотянусь кульями.
Плевать на красный,
Что сердцевинной арбузной
Недоступный, вкусный...
Трамвай-желание. Загадай
Чего попроще.
Бесплатный для каждого
Проезд, к примеру. Как сон
Быстрорастворимый, псом
Дворовым разбуженный: самка-трамвай.
Ужас. Так почему же
тебе
не страшно?

* * *

Стыдно за не к месту
Прорастающую нежность,
Как гостю стыдно за дырявые носки.
Он, как психиатр, предельно вежлив.
Политкорректен, как короткие гудки.
Хватаю за шиворот.
Да пошел ты!
Потом за запястья. Там же темно, снег...
Закусывая губу, гляжу волком.
Только б
Не начать извиняться... Нет.
А как хочется!
За голодающих детей в Африке.

За то, что воскресла зима.

За что угодно!

Чай холодный, невкусные вафельки...
Лампочкой Ильича буду я, пока тьма
Таращится в форточку. Самим, хочешь,
Буду картавым Буддой пролетариата?
Только не ставь точку. И многоточий.
Вообще никаких знаков препинания не надо...
Жизнескрижаль уже засижена мухами:
Каждая норовит увенчать смысл точкой.
Будто смыслее так. И краткость как будто бы
Богу сестра.

А я, так, между прочим,

Со своей перезревающей нежностью...
Она вымывается, как из стариков кальций!
А гость уже поставил точку с небрежностью,
И теперь, дурак, пытается затереть пальцем!

Елена Карева

Публиковалась в «Новом журнале», журнале «Крепцатик» (Германия). Живет в городе Тольятти.

Рифмы времени

* * *

Все это рифмы времени, взгляни:
оно рифмует или белый стих
нам преподносит в стиле дежавю;
слова на музыку, живущую внутри
у Вечности, не достигая сих
пределов: кто-то жил, и я живу.

* * *

Я ничего не чувствую, мой свет,
когда моих твои персты
касаются; я понимаю: нет, –
не для меня на свет родился ты.

Как будто луч рассеянный, едва
задев осенние цветы,
твоя улыбка на мои слова
смягчает резкие черты,

и молодая бирюза очей
являет больше, чем укор немой.
И вижу я: огонь горит ничей,
цветет цветок лазоревый, не мой.

* * *

N. В.
гуляя в дантовом лесу –
имея дантову свободу, –
ты смотришь в прошлое как в воду
и прозреваешь бирюзу

небес... гуляя не спеша,
ты говоришь душе-Елене:
какой оттенок, *nota bene*, –
но о своем молчит душа.

Маскарад

1. Ты смотришь в небо, холодея, –
а с неба хлещет серебро, –
и превращаешься в идею,
ведушую твоё перо,

из-под которого, густея,
цветные сумерки текут,
как шарф Петрушки-лицедея,
в толпе сквозящий там и тут;

однако, так давно, однако...
что даже след его простыл.
И хлещет серебро из мрака
в каналы, полные чернил.

2. Мы не в Венеции; не дожи;
к чему весь этот маскарад?
Здесь глад и черный мор, и все же
все в масках – царь и конокрад.

И город в маске – в паутине,
в каких-то призрачных лесах.
Входящие в ворота ныне
все со слезами на глазах.

И я сама? Без промедленья
мне отвечает пустота:
ты – голос автора и тленья.
Я здесь, за кадром. Но не та.

Он сам не свой: разбиты храмы,
разграблены его дворцы.
Бежали шелковые дамы
и пажи их во все концы

земли – в Венецию, – и моря –
внимая пению наяд.
Какой позор. Какое горе...
Какой блистательный наряд.

3. Они участвовать устали
в воздушной кружевной возне,
и по стеклу с оттенком стали
сползают тихо, как во сне,

в котором принц из новой сказки
принцессе, продающей сны,
несет ажурные подвязки,
перчатки редкой белизны,

чулки, шарфы, балетки, пачки –
минуя балерин Дега, –
не замечая, что у прачки
в хрустальной туфельке нога.

4. Как лестницу винтовую
мы убегали от зимы
и от самих себя с тобою
и убежали. Где же мы?

Живописав твои портреты,
истратив чистые листы,
бессчетно вопрошая: где ты? –
я озираюсь: где же ты?

Номинанты 2007 года

Проза

Александр Тюжин

Родился в 1985 году в городе Оренбурге. Окончил Училище культуры по специальности «руководитель театрального коллектива», в 2006 году переехал в Москву, поступив во ВГИК на сценарный факультет, в 2007 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького на заочное отделение.

Страдания на кухне

От Тяплыгина ушла жена.

Утром он проснулся позже обычного. Было воскресенье, и можно было поваляться. Долго и с наслаждением потягиваясь, Тяплыгин обнаружил, что жены рядом не было. «Наверняка в ванной», – подумал он и не стал беспокоиться. Еще раз потянувшись, он нехотя сполз с кровати (так было уютно и тепло в ней), подошел к зеркалу, недовольно пощупал свое порядком уже оттопыренное пузо, почесал затылок, скривил кислую и противную мину («Ну и рожа» – пронеслось у него в голове), напряг мускулы, потрогал левую руку, затем правую, еще раз скривился, присел, встал, повернулся боком, другим, потрогал трехдневную щетину.

– Надо бы того, – начал он, но не договорил, поскольку услышал шум в другой комнате и замер.

«Жена», – подумал Тяплыгин, но шум не повторился. «Показалось», – решил он и подошел к окну. Когда он распахнул шторы, в комнату ворвался подозрительно яркий свет. Тяплыгин отметил это про себя, но, впрочем, улыбнулся солнцу и новому дню. Все-таки это было воскресенье – выходной. Подойдя еще раз к зеркалу, Тяплыгин поправил семейные трусы в полосочку и быстро натянул на ноги трико, влез в поношенные, но еще живые тапочки с небольшой, но заметной дыркой сбоку на одном из них, нацепил белую майку с глубоким вырезом и надписью «Сочи 2014», нарисованной им самим ярко-красным детским фломастером. Надпись была неплоха (почерк у Тяплыгина отменный!) и носила в себе глубокий оттенок патриотизма. Патриотом Тяплыгин не был, но надпись ему нравилась. Заправив кровать, он вышел из комнаты.

На удивление Тяплыгина ванная оказалась пуста. Жены в ней не было. «Значит, на кухне», – осенило его, куда он тут же и отправился. Должно заметить, что Николай (а звали Тяплыгина именно так) реагировал столь эмоционально на отсутствие жены не потому, что любил ее безмерно и возвышенно, вовсе нет. Он хотел лишний раз напомнить своей любезной, что на завтрак был бы несказанно рад съесть аппетитных блинчиков со сметанкой. Конечно, он уже говорил ей об этом, и не раз, но женщины так устроены, что склонны к рассеянности и забывчивости, да и никогда не бывает вредным напомнить о своем желании, тем более что вчера жена как-то сухо прореагировала на это его пожелание. И вот, готовя про себя искрометную фразу, Тяплыгин вошел в кухню, и, о ужас, комната также была безлюдна.

Беглым взглядом Николай осмотрел кухню. На столе лежала записка. В мгновение Тяплыгин оказался перед столом, спустя еще одно мгновение он уже проглатывал ровные ряды букв.

«Блины на плите, сметана в холодильнике, кофе не забудь подогреть. Я ушла...»

Глаза Тяплыгина округлились и стали походить на две 5-рублевые монеты. Ноги его подкосились, руки размякли, и он плюхнулся на пол.

– Ушла... – как гром среди ясного неба прогремело откуда-то сверху.

– Ушла, – повторил с пола Тяплыгин. – Ушла? Как ушла? Куда? А я?

Но ответа не последовало. Еще какое-то время Николай подождал неизвестно чего, затем встал и подошел к плите. Полная сковорода блинов. Ах, как ждал он этих блинчиков, полночи проворочался в кровати, предвкушая свидание с ними.

– Ну и пусть ушла, зато блинчики остались! – пропел Тяплыгин, потер довольно руки и достал из холодильника банку деревенской сметаны. Кофе подогревать он не стал. Так налил в кружку и разложил свой пир на столе.

– Ну-с, приступим! – сказал он, погладив себя по брюху и положив полотенце на колени. Блин оказался волшебным, чудный, аппетитный, ароматный, дышащий свежестью блин, за ним еще один и еще. Кофе горчил, но это не могло испортить положительного впечатления о завтраке. Поедая очередной блин, Тяплыгин представил руки, заботливо их приготовившие, а за ними и всю жену. Блин остался недоеденным. Николай отхлебнул из кружки, скривился и задумался. Жена ушла, но вот печалиться этому или радоваться, Тяплыгин не знал. Что делать? О, этот извечный вопрос, сколькими русскими устами он уже был произнесен, сколько светлых умов ломали над ним голову, теперь пришла очередь Николая. Нужно было решать, нельзя было сидеть вот так и равнодушно поесть завтрак. В конце концов это было нетактично, негуманно, можно сказать. И тогда Тяплыгин стал перебирать в голове все заслуги и недочеты семейной жизни. Первое, что пришло ему на ум, было спокойствие, долгожданное спокойствие и тишина. Никаких криков, причитаний, жужжания пылесоса, телефонных разговоров, скандалов, обид. Ничего. Один лишь телевизор и ноги на подушке прямо в тапочках (мечта детства!). Красота!

– Ура! – чуть было не вскричал Николай, но осекся.

– Но ведь это все-таки жена, вторая половина. Двенадцать лет уже вместе, привыкли друг к другу, – прозвучал весомый аргумент где-то в районе левого полушария.

– Вот именно, что привычка, – продолжил размышления Тяплыгин. – Старая, никчемная привычка. А с такими прощаться нужно и чем скорее, тем лучше. Нужно начинать новую жизнь, пока еще не поздно, мне всего-то 35. – произнеся это, Николай приосанился, гордо расправил плечи, он поискал взглядом зеркало, но на кухне не было зеркала. Бежать в коридор, где стояло трюмо, он не решился – побоялся спугнуть такую свежую и смелую мысль.

– А жена, что жена? Не беда – новую найду, раз в двести лучше! Найду ли? – усомнился он, но тут же себя успокоил: – Я-то и не найду? – и пузо втянул. Найдет, мол.

– «Так-то оно так, но я же люблю свою жену. Или любил? И любил, и люблю. 3 года за нее боролся, ухаживал, на свидания водил, мороженое покупал. Мороженое... – На этом слове Тяплыгину неожиданно захотелось мороженого, ледяного сладчайшего пломбира, только что из морозилки и непременно с вишенкой сверху. Он бы, наверное, продал душу дьяволу или хотя бы заплатил три червонца, а то и четыре, за это чрезвычайное лакомство. – Мороженое... – повторил Николай и причмокнул. – И она меня любила, носки штопала, мусор сама выкидывала, бегемотиком называла и «мужчинка мой», футбол даже иногда со мной смотрела, правда болела все больше за «Динамо». – На Тяплыгина нахлынули воспоминания, он замолчал на некоторое время и в задумчивости проглотил блин, совершенно того не заметив.

– А теща, – неожиданно воскликнул Николай, – я больше никогда не увижу эту... эту... эту... – он так и не смог подобрать нужного слова, – эту... – повторил он еще раз, – больше не нужно называть ее мамой. Была бы она моей матерью, я бы повесился. Но фигу, – заулыбался Николай. – Прощай, мамочка, вместе со всеми советами, недовольствами и этой просто невообразимо ужасной огуречной маской на ночь. «Чтобы кожа была как попа у младенца», – передразнил он ее интонации, – интересно, до или после того, как он обделается? Судя по результатам – после! – И Тяплыгин начал скакать по комнате, приплясывая задорно, забавно, по-юношески. После танца еще один блин разместился в его желудке. Жена Николая хорошо готовила, вкусно, с фантазией, часто баловала его деликатесами. Но он почему-то вспомнил другой случай.

Это было сразу после свадьбы. В радостных чувствах Тяплыгин возвращался домой. Спешил, торопился человек, со всех ног бежал. Дома ждала молодая жена, а главное, вкусный обед, который она ему обещала. Весь день тогда Николай не ел ничего, не пошел с товарищами в столовую – готовился. Домой он добрался предельно быстро, также наспех обнял жену, поцеловал, едва коснувшись ее губ, и напрямик на кухню. Обед был неважный. Суп оказался пересолен, мясо подгорело и было жестким, как ботинок, к салату Тяплыгин не притронулся. Ему стало горько тогда. Жене можно простить многое, но вот неумение готовить... К счастью, она научилась это делать, и довольно скоро. Но это воспоминание надолго осело в памяти Николая.

Больше месяца еще он ел в столовой, в забегах, у друзей – где угодно, но только НЕ дома. Тогда они чуть не расстались. Но теперь Тяплыгин настолько привык к стряпне своей ненаглядной, что мог есть только дома и только ЕЕ обеды, ужины и завтраки.

– Ерунда, – успокоил сам себя Николай, – зато теперь можно будет снять это дурацкое обручальное кольцо. – И взгляд его вперился в небольшой золотой обруч, прочно и неподвижно сидящий на безымянном пальце его правой руки. Больше колец Тяплыгин не носил, он бы с радостью избавился и от этого, но ничего поделаться было нельзя – традиция. «Это не кольцо на пальце, это настоящий хомут на шее», – обычно изрекал Николай, жалуясь товарищам на тяготы семейной жизни, те понимающе кивали головами и невольно прикрывали свои ладони. – Всю жизнь ты мне испоганило, – Вскрикнул Тяплыгин, обращаясь к кольцу, и тут же осекся, испугавшись собственного крика. – Но ничего, теперь я с тобой поквитаюсь. – И чтобы успокоить нервную систему, Николай проглотил еще один блин, обильно намазанный сметаной. Причмокнул, успокоился.

– Это что же, мне теперь одному убираться? Стирать себе? – продолжил логическую цепочку плюсов и минусов Тяплыгин. Эта перспектива его печалила. – Конечно, можно нанять домработницу, но это дорого. – Точной суммы Николай не знал, он никогда не интересовался этим вопросом. Но точно знал, что из его зарплаты еще один оклад для человека, прибирающего его дом, организовать ну никак нельзя. – В конце концов можно делать это самому. Не так уж это и страшно. Что я, полы, что ли, не помою? – И в доказательство этого Тяплыгин взял в руки воображаемую тряпку, согнулся пополам и стал водить по полу этой самой воображаемой тряпкой. Через 10 секунд на лице его появились первые капельки пота. Но Николай не унимался, он продолжал эксперимент. Еще через 15 секунд Тяплыгин стал тяжело дышать, лицо его покраснело, сосуды расширились. Через 7 секунд он остановился и выпрямился, сделав это путем невероятных усилий. Тяплыгин рухнул на стул и допил горький холодный кофе одним глотком.

– Уф, – сделал он глубокий выдох, кровь в его жилах неслась с невероятной скоростью, он даже чувствовал пульс, резко давивший на виски, – надо бы того, – повторил фразу Николай уже второй раз за день, – худеть. Хотя жене нравилось мое пузо. Солидно я с ним выгляжу.

И Тяплыгин представил себя в костюме. Настоящий деловой человек. Бизнесмен, а лучше депутат какой-нибудь или министр. Возле него закружились молодые сексуальные девушки. Все они были готовы отдаться Николаю, у каждой в глазах было написано: «Тяплыгин, я – твоя, возьми меня!» Длинноногие обворожительные блондинки (Николай любил блондинок, но жена у него была брюнеткой).

И как только он вспомнил про цвет волос жены среди толпы красавиц, пожирающих его глазами, оказалась и сама она – обладательница этих самых волос, запах которых будет жить в Тяплыгине всегда, и почему-то Николай выбрал именно ее – свою жену, то бишь. Все-таки она была неплоха – миниатюрная,

симпатичная, не дура набитая (а это немаловажно!), была в ней некая грация и привлекательность, и груди. Не большие, не маленькие, а в самый раз и правильной формы, не то что у жены Лемишева, да и сама она, жена Лемишева, была так себе, кривоногая, нафуфыренная дылда. Конечно, было нехорошо так отзываться о жене друга, но и сам Лемишев не раз упоминал о том, что завидует Тяплыгину, что его супруга нравится ему больше своей. И Тяплыгин возгордился своей очаровательной.

– Все-таки она у меня ничего! – отметил он про себя. И в подтверждение своих слов съел еще 4 блина. – Вкуснота! И хозяйственная она у меня, – продолжал перечислять Николай. В который раз он обвел комнату взглядом. Повсюду царил порядок. – Но семейные отношения – это ведь не только хорошо организованный быт, а мы с ней часто ссоримся, не понимаем друг друга. У нее постоянно болит голова, если не голова, то ПМС, если не ПМС, то просто нет настроения, а ведь мне ласки хочется, ласки и заботы. А так я буду не обделен ими, а главное, что свободен. Никаких обязательств. Любили друг друга, поцелуй на прощание, «до встречи» и домой. – Свобода много стоила для Тяплыгина, неопределимо много. – И никаких колец! Долой кольца! – возгласил он и трясущимися руками начал расхомутовывать себя. Теперь он уже не сомневался, как реагировать на уход жены. – Свобоооода! – радостно вылетело из его уст. И как только он бросил на стол уже ненужное ему и оттого поблекшее обручальное кольцо и отметил это дело последним, одиноко лежащим на тарелке блином, замок входной двери зашуршал волнительно и неожиданно, и вскоре в квартиру вошла жена Тяплыгина. В руках у нее было по большому пакету. Она захлопнула дверь, звук щелкнувшего замка прогремел как выстрел, как смертельный приговор, вернувший Тяплыгина в суровую, только что отвергнутую им действительность. Жена, улыбаясь, смотрела на мужа.

– Коль, чего стоишь? Помоги мне, не видишь – сумки тяжелые, – известила она Тяплыгина. Он подошел к ней, забрал пакеты, потащил на кухню, стараясь не подавать виду, нацепил кольцо обратно. – На улице-то как хорошо! Настоящее лето! Коль, может сходим куда-нибудь вечером? Так давно не гуляли с тобой. Я сейчас такую кофточку видела, вот бы мне такую. Может, осилим? Что там у нас с финансами? Надо пересчитать, – верещала жена, Николай практически не слушал ее, он был занят своими мыслями: «Как же так получилось? Не приснилось же», – вертелось у него в голове.

– Ну, как блины? Понравилась? А кофе разогревал? – Тяплыгин машинально качал головой. – А еще... а еще... а еще... – разносился по комнате голос жены Тяплыгина...

На полу лежала записка. На обратной ее стороне было написано: «...в магазин. Вернусь через час. Не скучай без меня, бегемотик».

Елена Шуваева-Петросян

Родилась в Волгоградской области, публиковалась в различных армянских и российских журналах и газетах, член Международного союза писателей «Новый Современник». Живет в Армении.

Шекспиру и не снилось...

Колечко

Кольцо из белого золота, подаренное мужем не так давно, невыносимо жгло безымянный палец. Нушик нервничала. Нвер* ей однозначно нравилась – сапфиры вперемежку с циркончиками игриво поблескивали в лучах солнца. Но красный раздраженный ободок на пальце беспокоил все больше и больше. Женщина уже надевала колечко без особого удовольствия, но ради того, чтобы не расстроить мужа и ловить восторженные, окрашенные легкой завистью взгляды мамаш одноклассников ее сына.

В тот день коварное кольцо на пальце смотрелось особенно прекрасно и причиняло особую боль. Сын Арсен, восьмилетний мальчишка-сорванец, которого Ануш каждый день встречала из школы, невыносимо крепко сжимал материнскую ладонку, вызывая еще большую болезненность. «Наверное, двойку получил», – думалось Нушик.

Глядя на дорогу сквозь длинные ресницы, Нушик почувствовала некое подобие полета – необъяснимая сила бережно приподняла женщину, перенесла через весь Ереван, рассекая вереницы дней и недель... Пелена... Головокружение... Тошнота...

Удивлению ее не было предела, когда она, очутившись на Вернисаже**, увидела, как Геворг, стоя у прилавка с золотыми украшениями, присматривается и приценивается к изделиям. И вот – он держит в руках колечко... из белого золота... инкрустированное сапфирчиками и циркончиками... Кольцо не для нее... Нушик, не желая сама того, слушала его мысли: «Маринэ понравится...Сегодня она меня не прогонит...»

– Шестнадцатый? – уточнил размер муж. Продавец утвердительно кивнул. Геворг рассчитался.

То-то же она, Нушик, обладательница чуть большего безымянного пальчика, диву давалась, когда муж неожиданно преподнес ей колечко явно не по размеру. Оправдала это рассеянностью, которая с увеличением годовых колец их брака все усугублялась и усугублялась.

Она проводила печальным взглядом Геворга: ошастливленный покупкой и мыслями о предстоящей вечером встрече, он легкой походкой ушел в раннюю весну ереванских улиц, нашептывая незнакомое Нушик имя... Он превратился в едва заметную точку, которую она стерла взмахом своих роскошных ресниц.

Невыносимо долгий вечер и нескончаемая ночь ожидания: Геворг при-

шел на рассвете, расстроенный. Его состояние Нушик опять «оправдала» неурядицами на работе... Переодевшись и позавтракав, сообщил, что идет вновь в офис. Ануш около двери сочувственно прижалась к мужу: он так много работает, что практически не бывает дома. Пригласила его посеребрянные виски, расправила воротничок пахнущей свежестью сорочки.

– Ах да, – спохватился Геворг, – у меня для тебя подарок!

Суетливо покопавшись дрожащими руками в борсетке, он достал красную коробочку, открыл... Нушик восторженно всплеснула руками:

– Вай, Геворг-джан!!!

Муж с натянутой, резиновой улыбкой поставил коробочку на столик в коридоре. И ушел...

Женщина, как в тумане, уловила момент соскальзывания кольца с пальца под давлением ладони Арсена. Она могла одним легким движением остановить это мгновение, но не остановила. Колечко, как в замедленном кадре, завальсировало, холодно поблескивая в солнечных лучах, и, звякнув об асфальт, осталось лежать.

В душе свербило и пело одновременно:

«Не жалею, не зову, не плачу,

Все пройдет, как с белых яблонь дым...»

Нушик чувствовала, что кончилась весна, но впереди – лето, знойное, горячее ереванское лето. ЕЕ ЛЕТО!

* Подарок (арм.).

** Место торговли картинами, ювелирными изделиями, поделками и пр. в Ереване.

Шекспиру и не снилось...

Случившееся, о котором пойдет речь, имело место в городе розового туфа – Ереване. Сейчас город не совсем розовый – пористый камень за многие годы вобрал в себя столько пыли, что цвет основательно изменился. И лишь иногда, когда какой-нибудь владелец офиса из неизвестных народу побуждений решит помыть здание снаружи, нет, кусочек здания, включающий в себя два-три окна его офиса, оставляя несколько жилых этажей выше немывыми, люди вспоминают рассказы почившего поколения, как некогда выглядел этот самый город розового туфа.

Когда-то Армения была крепко, казалось, неразрывно связана культурными, в частности, литературными отношениями с Россией – армянские писатели часто бывали в Москве, московские – в Ереване. Поездки не ограничивались, конечно, столицами. Много путешествовали писатели по русским лугам-просторам и армянским горам-взгорьям. Именно таким ветром занесло в армянский край одну известнейшую московскую поэтессу, нет, Поэтессу. Немножко манерную, но безгранично добрую и даже несколько наивную. Женщина прибыла с мужем, у которого были свои культурные дела в Ереване и из-за которых в один день он оставил жену в одиночестве в ресторане, собиравшем в своих стенах талантливых и не очень, и даже совсем без таланта писателей, поэтов, художников, музыкантов. Поэтесса заказала графинчик водочки и, отдавшись своим мыслям, принялась за раппитие.

В этот день и час за соседним столиком сидел писатель и драматург, нет, Писатель и Драматург, которого уже окрестили прижизненным классиком армянской литературы, и тоже пил в одиночестве водку. Разгоняя спиртные пары, Писатель, как и Поэтесса, простой, добрый и наивный, вдруг увидел именитую даму. Подошел! Представился! Пусть лично они и не были знакомы, но имена друг друга очень хорошо знали. Завязалась беседа. Графинчик водки сменялся другим, тот, в свою очередь, последующим. Когда окружающая обстановка уже намозолила глаза, Писатель пригласил Поэтессу к себе домой. Нет-нет, не из-за вожаделенных помыслов, а так... по-дружески. Он, конечно, не отрицал чарующую красоту Поэтессы, но, даже находясь в изрядном подпитии, осознавал и немалую разницу в возрасте, и возможные последствия... Пригласил, чтобы продолжить водочную трапезу, но в домашней обстановке. Сколько длилась эта трапеза, уже никто и не сможет сказать, да и не было свидетелей тому, но Писатель и Поэтесса повалились вальтом на диван и захрапели.

Жена Писателя обычно возвращалась с работы часам к семи, и этот день

не стал исключением. Она привыкла к «подаркам» мужа, но такого нахальства бедная женщина не ожидала.

Не знаю, пили ли они после этого втроем чай или кофе, беседовали или нет... Не знаю... Но Писатель до сих пор сохранил дружеские чувства по отношению к Поэтессе, хотя уже литературные связи между Арменией и Россией стали призрачными, он часто вспоминает о Ней. Желю же свою возлюбил пуще прежнего, так как наконец-то понял силу ее любви. Но что самое интересное – после увиденной женской схватки всерьез увлекся собачьими боями.

А имена героев не называю, потому что все трое живы-здоровы, Писатель и Поэтесса не утратили творческого вдохновения, пишут, радуют своих читателей и получают награды за заслуги от властителей своих государств. Ну и слава богу!

Человеческая жизнь

Она, легкая, призрачная, сидела рядом с Ним, понуриг голову. Озорной ветерок обнимал ее, проходил сквозь нее, но она была неподвижна, как марево над спящим озером. Она сидела рядом с Ним... Оплакивала ли?! Может... Ей было жаль покидать Его, было трудно прощаться с этой мучительной, но дорогой жизнью...

Самой обычной грязной весной в самое обычное воскресенье самая обычная скорая помощь подъехала к зданиям № 15 и № 17 по улице N. Из машины выбежало несколько мужчин в белых и не совсем белых халатах, оглядевшись по сторонам, вытащили из скорой сверток внушительных размеров. Один из медбратьев постелил под раскидистым лысым деревом куски картона – отходы ближайшего магазина, куда и сбросили «подарок». Машина резко сорвалась с места, куски липкой грязи разлетелись по сторонам, и скрылась в Небытие.

Она сидела рядом с Ним и листала летопись жизни...

Детство, юность – это самое нежное счастье... Женщина ласково обнимает хрупкого мальчика с огромными сливовыми глазами. Подходит мужчина, отец, берет ребенка и подбрасывает в воздух. Алик смеется, заливается как колокольчик. Мать и отец тоже смеются. Самые яркие впечатления жизни!

Первый прыщик на носу и первая любовь. Застенчивые взгляды из-под длинных черных ресниц. Робкое молчание и кусание губ.

Зрелость... Женитьба на школьной красавице, первенец, красный и пишущий, за ним второй... Дальше Карабах, кровавые слезы потерь, сила духа и соль на губах: «За родную землю!»

Потом смерть после ада... Именно Смерть (когда на глазах умирают друзья, один за другим, как солдатики, но не в детской игре, а ты один остаешься...) Терзания совести азатамартика*: «Почему именно Я?» Подросшие дети – огоньки в мрачном окне. Кажется, ожил, сыновья радовали успехами в институте... Потом гнездо опустело: уехали мальчики российскую столицу покорять... И началось... «Катись ты к чертовой бабушке, – визги жены. – Достало твое самолечение «психологических травм». Сумка с жалким тряпьишком и бутылка полетели вослед Алику. Жена поставила железную дверь с новыми замками и – Good bye, Armenia! – скрылась в неизвестном направлении... Хотя... почему в неизвестном?! Она всегда мечтала пожить за границей – семья мешала, а сейчас...

Тяжела жизнь бомжа, особенно зимой в неотапливаемом городе. Вот в Москве – это другое дело, там вокзалы, подъезды и мать-теплотрасса – спасение. Спал бывший азатамартик в ледяной сказке парков, где и отморозил ноги... Около семи месяцев находился в Ожоговом центре после ампутации ног, а потом его перевели в другую больницу, на его место кинули еще одного калеку... Другой больницей называлась скамейка возле больницы, так как свободных мест не оказалось. Просидел-прополулежал Алик на оной немало выматывающих часов, тело болело от несостоятельности, кости ныли от холода, душа стонала от мучительной ненужности... К вечеру одна из медсестер, нежное существо, сжалилась – разрешила погреться и подремать в коридоре больницы, даже чашечку обжигающего кофе с булочкой принесла. Да хранит ее Бог! Он прижался к батарее, к горячей, восхитительно горячей батарее, в полудреме цитируя любимого Коллинза: «Человеческая жизнь есть нечто вроде мишени, в которую несчастье стреляет беспрестанно и всегда попадает в цель...». «Видать, так на судьбе мне писано», – мысли путались, но уснул он с ощущением всепроникающего света. Для человека, истерзанного, изгрызанного несчастьем, даже капелька счастья – огромное море. Он умел ценить эти мгновения... и улыбался во сне.

Утром Алика отправили в дом престарелых, но и там не оказалось свободных мест. Сказали: «Ждите, пока кто-нибудь помрет...». Цинизм слов когтями резанул по сердцу. Смысл спорил с рассудком. «...Есть правда, которая, падая на голову человека, как камень, убивает в нем желание жить...»** Он не хотел больше жить...

Азатамартика оставили на скамье... ждать чьей-то смерти... Воробьи чирикали, склевывая шелуху от семечек, первые невинные лучики солнца лизали пожухлую прошлогоднюю листву. Когда мы одиноки, бедны и нуждаемся в помощи, то становимся никому не нужными.

Алик дремал, когда подъехала машина скорой помощи. Наскоро погрузили... Куда теперь?!

– В больницу. Куда ж еще тебя, уroda... – прогремел мужик в белом халате с огромными волосатыми руками мясника-головореза.

А правильно ли, сударь, Вы выбрали свое предназначение?! Правильно-правильно... А вообще, не твое собачье дело... Тонкая игла ворвалась в вену...

Самой обычной грязной весной в самое обычное воскресенье самая обычная скорая помощь подъехала к зданиям № 15 и № 17 по улице N. Из машины выбежало несколько мужчин в белых и не совсем белых халатах, оглядевшись по сторонам, вытащили из скорой сверток внушительных размеров. Один из медбратьев постелил под раскидистым лысым деревом куски картона – отходы ближайшего магазина, куда и сбросили «подарок».

Через какое-то время «подарок» зашевелился, что-то прохрипел и затих... Навсегда...

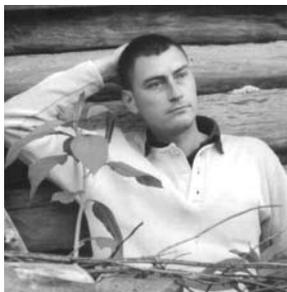
Она, легкая, призрачная, сидела рядом с Ним, понутив голову. Озорной ветерок обнимал ее, проходил сквозь нее, но она была неподвижна, как марионетка над спящим озером. Она сидела рядом с Ним. Она – Его Святая Душа...

В город ворвалась ночь. «...Луна освещала мертвые трупы. Нет слов для такого избытка смерти. Дурные звезды стоят над этим домом. Мир никогда не наступит»***.

* Борец за свободу (арм.).

** Горький М., Еще о черте.

*** Грасс Г., Встреча в Тельгте.

Андрей Минеев

Окончил Тольяттинский политехнический институт, Высшие литературные курсы (Москва). Шорт-листер премии премии Фонда им. В. П. Астафьева по итогам 2007 года в номинации «Проза».

Два рассказа

Прилив

Рано утром мы вышли вчетвером из старого дома. Мы были одеты по-походному, за спиной у каждого висел рюкзак. Было тихо, в Горнозаводске все еще спали. Мы прошли по раскачивающемуся под нами подвесному мосту через узкую мутную речку. Шутя и смеясь, оказались на окраине поселка и пошли через сопки к берегу океана. Блестели на солнце узкие рельсы, проложенные полвека назад японцами. Чернели пустые норы заброшенных угольных шахт.

Моя мать родилась и выросла на Сахалине. Она уехала отсюда в Тольятти сразу после окончания школы. Спустя двадцать лет мы идем по острову. Она, ее младший брат, его жена и я. Мне в этот момент тринадцать лет.

Высокие сопки, непроходимой стеной поросшие тонким бамбуком. У их подножия идет разбитая дорога. Дальше узкой полосой тянется песчаный пляж. На сером крупном морском песке лежат свернутыми кучами выброшенные волнами бесконечные ленты морской капусты. Она отвратительно воняет...

Мы собираем дрова, разводим костер, ставим на огонь большой котел с водой. Дядя Вова в высоких сапогах начинает бродить в воде вдоль берега и собирать медлительных полусонных крабов. Когда он после высыпал их в кипящую воду, они, вызвав мой восторг, стали высоко выпрыгивать оттуда и быстро боком бежать к воде. Придавленные крышкой и грузом, они сильно колотились и царапались в бурлящем котле.

Потом мама и дядя Вова достали самогонку, которую ночью гнали в бане. Его молодая жена кореянка тетя Валя, у которой двое маленьких детей, бегала и играла со мной, словно моя ровесница. Мы вместе решили подняться на сопку. На полпути она устала и села на каменной плите, обхватив руками колени. Я полез до самого верха. Взобравшись, я повернулся, и у меня захватило дух. Меня качнул сильный ветер. Он парусом надувал мою куртку. Я не представлял, как высоко я залез. По всему крутому склону под резкими порывами ветра с оглушительным треском ложился тростник.

Затянутое тучами небо. Вокруг сколько хватает взгляда безбрежный бездонный Тихий океан. Пенятся барашки волн. Далеко на горизонте виднеется лишь необитаемый скалистый остров Монерон, что толща темной холодной соленой воды. Эта красота страшна. Она подавляет, весь наполняешься благоговейным трепетом и восхищенным ужасом перед той силой, которой создано это. Ты стоишь словно в центре мира. Далеко внизу наш костер лишь огонек какой-то. А вокруг колышется мощь и громадина, вселенское бездо-

ные и безвременье. И вниз, и вверх проваливаются неизмеримые пропасти. И из этих бездн временами с ветром доносятся то плач, то протяжный тоскливый крик, то грозный рев...

Потом я долго спускался вниз. Спускаться было гораздо труднее, я больно падал. Подойдя к костру, я увидел в котле большую кучу сваренных крабов. Рядом на песке лежал ворох красных пластмассовых опустошенных панцирей. Возле жаркого, высоко взвивавшегося костра с самодовольным видом восседал на троне, сложенном из рюкзаков, мой захмелевший дядя. Огромный шахтер, грубый, сильный, пропахший рыбой и табаком, с медным лицом, с волосатыми руками. Я вспомнил затерянную в бесконечном мире ничтожную черную точку возле едва заметного огонька...

Потом мы гуляли с тетей Валей по пляжу. Издали мы увидели что-то странное и большое, лежащее на берегу. Мы подошли ближе. Это лежала слегка зарытая в песок нерпа. Серая грязная туша. Затвердевшая кожа покрыта жесткими волосами. Она лежала на животе, уткнувшись плоской мордой в песок. Толстая верхняя губа усажена щетинистыми усами. Мне почему-то особенно запомнилась короткая лапа, висевшая на боку. Пальцы на ней соединялись перепонками, а на самих пальцах росли ногти.

Тетя Валя подсунула под нее палку, и мы на удивление легко перевернули ее. Она была наполовину пустой внутри. В ее брюхе зияла огромная дыра, вся заполненная белыми червями. Это был словно большой котел с перловой кашей. Только вся эта каша шевелилась.

Начинался прилив. Холодная темная вода быстро наползала на песчаный берег. Валявшаяся на песке капуста разбухла и плавала в воде. Из океана доносился слабый детский плач. Потом, словно выдох из самых глубин, по берегу прокатилось глухое рычание: rrr-r-r-x-xx-xxx... Ударила волна, осыпав нас брызгами.

Лес

Огромное старое кладбище. Я словно вошел в темный и страшный лес. В самые дикие заброшенные места. Здесь мрачно и тихо. Высокие деревья. Над ними палит солнце. Но сюда оно не проникает. Спрятавшись в густых кустах, шелкал соловей. Присев на низкую скамейку, я слушал его витиеватую мелодию. Это был старый соловей, песня которого всегда красивее и выразительнее, чем у молодого. Железные ограды здесь стоят вплотную, между ними не протиснешься. Поеденные ржавчиной памятники в шелухе осыпающейся краски с мутными фотографиями. Я поднялся, соловей насто-роженно затих. Стало слышно, как потрескивают толстые стволы деревьев.

Лежали большие круглые белые камни. Мох. Тухлая вода, покрытая листьями, в огромном чане. Мусорная куча. Возле стен буйно росла и цвела

черемуха. Белые цветки, свисающие густыми поникшими кистями, шевеля крупными овальными листьями. Цветки распространяли аромат содержащегося в них горького миндального масла.

Иногда вдруг встречались открытые, залитые ярким светом поляны, весело усеянные синими васильками. Иногда наоборот словно становится еще гуще и теснее. Совсем темно. Могилы накрыты клетками. Кажется, что гроб так и зарыли на дне клетки. Половина ее торчит из земли. На калитке висит тяжелый замок.

Я зашел внутрь колумбария. Это похоже на развалины заброшенного и поглощенного зарослями древнего города. Потрескавшиеся асфальтовые дорожки с проросшими цветами. Высокие серые стены без крыши. Низкие арки. Стул стоит посередине длинной галереи. В стенах в маленьких нишах плотно стоят урны с прахом, похожие на спортивные кубки. На маленьких полочках высохли цветы в потемневших стеклянных банках. Тихо. Никого. Лишь редко мелькнет где-то чья-то фигура. Или послышатся чьи-то шаги. Или только шорох...

Подойдя к крану, повернул вентиль. Тонкой струей потекла вода. Нагнувшись, подставил затылок под струю холодной воды. Потом ополоснул лицо.

Я вышел по тропинке в чистую ухоженную часть кладбища, где много могил старших и высших офицеров. С красавицами-женами, как правило, значительно пережившими своих героических мужей. Они так и стоят. Огромный памятник ему, умершему от ран в 50-х, и рядом прижался скромный памятник ей, умершей спустя лет тридцать...

На могиле полного лысого добродушного мужчины в генеральском мундире с яркой еврейской фамилией прочел трогательную надпись: «Вечная память любимому – мужу Левушке от подруги жизни – жены». Рядом одиозного вида молодой мужчина с резкой русской фамилией стоит вполборота, в белой рубашке и черном галстуке, убежденно и прямо смотрит. Снова поразительная надпись: «Слава герою, сгоревшему в радости борьбы за Коммунизм!» Пройдя немного, я снова свернул в темную часть старого кладбища.

С громким раздраженным карканьем взлетела стая ворон. Я остановился у гладкой надгробной плиты. Из надписи следовало, что Екатерина Петровна Александрова скончалась 18 октября 1866 года. Было указано, что при этом «житія ея было 27 летъ». И в этой же могиле вместе с ней «лежат отроки Боря и Миша». Я постоял у этой могилы, держась за кованые прутья. Из-под ног быстро пробежала под плиту серая мышка. Рядом стоял огромный, в человеческий рост, отполированный черный блестящий камень, на котором значилось, что «подъ симъ камнемъ погребено тѣло раба Божія Максима Ва-

сильича».

Я медленно задумчиво шел по тропинке. С шеи на спину под рубашкой стекали холодные капли. За густыми кустами я услышал тихие голоса. Положив лопаты, два могильщика в испачканной одежде сели покурить.

Я отпрянул от ямы и быстро пошел прочь. Мимо проносились надписи на могилах. Мне казалось, я слышу их голоса.

Чья-то отчаянная мольба, высеченная на купеческом могильном камне длинными готическими буквами, похожая на крик:

«Господи! Не суди мя по грехамъ моимъ, но суди мя по милосердию твоему!»

Чье-то печальное недоумение, философская меланхолия на черной плите без имени и даты:

«Мы уходим из этой жизни, не зная ни начала ее, ни смысла, ни конца...»

Чей-то вздорный каприз под большой фотографией смеющейся девушки в белом платье и шляпе:

«Не смей плакать!

Не смей меня будить!»

Анна Никольская-Эксели

Родилась в 1979 году в Барнауле. Окончила гуманитарный факультет Алтайского государственного технического университета, Московскую международную школу дизайна, стажировалась в Великобритании. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Алтай», «Новая литература», «Мир фантастики» и других. Лауреат премии «Издано на Алтае» в номинации «Лучшая детская книга», номинант Демидовской премии в области литературы, призер II Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Толстого.

Ангел-хранитель

*«Ты – мой ангел-
хранитель,
Как я – твой,
Даже знает спаситель:
Я с тобой...»*

Солла

Распахнутая дверь впустила в сторожку морозное утро.
«Снек» аккуратными загогулинами вывела Настя и протянула тетрадный листок дедушке.

Снег шел всю ночь, прощаясь с осенью, наряжая невесту-тайгу в бальное платье. Суровые исполины-кедры и те оделись в белые фраки. Тайга светилась снежным очарованием. Даже железная дорога – Транссибирская магистраль – всегда по-деловому серьезная, казалось, была рада гостю с небес.

Вдалеке застучало железное эхо поезда.

– Закрой, простудишься, – проворчал дед.

Строг был дед Василий, да и за внучку тревожился.

Ноги у Насти с рождения не двигались – детский паралич. Родители, жившие в районном центре, долго мучились, а через три года отдали дитя-инвалида в интернат. «Там лучше: профессиональный уход, воспитатели...» Не сразу Василий узнал о поступке дочери – виделись редко, не сложились...

Всю жизнь верой и правдой служил он путевым обходчиком. Дело свое уважал. А пенсия пришла, списали старика, как ржавый вагон, – перевели на запасную ветку. Провели ее в сороковые – для подсобных работ, когда рубили тоннель в твердыне Уральских гор. Тяжелые годы: магистраль загружали военными эшелонами, доставка продовольствия из Центральной России была затруднена. А после войны о ветке забыли...

Но дед не роптал. Недаром Черствяком прозвали – не плакал, даже когда жена умерла, Мария. Маша...

Остался совсем один – до ближайшей деревни три километра. Когда узнал, что внучка при живых родителях осиротела, первый раз за пятнадцать лет в район выбрался. Приехал к дочери; не совестить – в глаза посмотреть.

– Не лезь в нашу семью, – сказала, – ты в своей тайге совсем одичал, жизни не знаешь. Представляешь, сколько денег на одни только лекарства уходит? Как в прорву! А Витька мой второй месяц не просыхает! – заплакала.

Дед не спорил: поехал в интернат и забрал внучку. Намучился, правда:

пока документы выправил, пока согласие родителей получил. По чиновничьим кабинетам тоже побегал... Но дед Василий – настырный: увез-таки Настю в тайгу. Ей тогда уже шесть с половиной было. А говорить не умела.

Замкнутая немая девочка сторонилась сурового старика. Но тот был терпелив. В крохотной сторожке лишь с самым необходимым – печью, столом с двумя лавками да репродукцией Врубеля на беленой стенке – обустроил для Насти настоящий дворец! Сам сделал кровать с порожком – во французском кино видел, понравилось – да так, чтобы Насте удобно взбираться было, сам смастерил игрушки с запахом кедра, сам сшил беличью шубку на зиму. А еще усовершенствовал инвалидное кресло, чтобы не трясло внучку, и возил Настю в тайгу.

Своей величавостью, кажущейся неприступностью тайга пугала девочку. Но шло время, и они привыкли друг к другу – подружились.

Настя училась понимать деревья, различать по голосу лесных птиц, узнавать по следу таежного зверя. Летом собирали костянику, рыжики; осенью – бруснику, грузди, кедровые шишки; зимой подкармливали лосей солью. А весной из сугробов проклевывались новорожденные подснежники...

Иногда брал дедушка Настю в обход. По насыпи поднимал коляску, на руках внучку – нелегко взбираться старику. А потом брел вдоль путей, зорким глазом ощупывая шпалы и рельсы, постукивая молоточком. Делал это по привычке – поезда давно не ходили здесь...

Настя ехала впереди, озираясь нетерпеливо, торопясь увидеть деревню. Развилка; повернули на главную ветку; спустились в неглубокий овраг; а вот и скала, от которой до деревни рукой подать...

Тоннель.

Он казался ей чудищем, монстром из страшилок, что рассказывали друг другу ночью интернатские дети. В лунном сумраке видела Настя, как кривятся их бледные лица, превращаясь в злобные неузнаваемые маски. Шепот троллей, тонкие завывания ведьм, гортанный рык драконов неслись из темных углов, оглушая, сковывая по рукам и ногам. Бежать, спрятаться, раствориться, исчезнуть – лишь бы подальше отсюда! Спасаясь, натягивала на голову одеяло, и спальню оглашал дружный хохот...

Тоннель стал для нее драконом. Вот он разинул бездонную пасть и ждет, когда Настя войдет в нее, чтобы сжевать, проглотить, съесть! Каждый раз девочка останавливалась в десятке метров от тоннеля, и ни дедовы уговоры, ни объяснения не могли совладать с притаившимся на дне души страхом. А как ей хотелось в деревню! Посмотреть телят, индюков, а еще там недавно поставили карусель. Но ступить в пасть дракона было невозможно.

Постепенно Настя привязывалась к деду. Полюбила его твердый шаг, резкий голос, изъеденное временем лицо, пристальную грусть в глазах. Сердце,

привыкшее к равнодушию приторно-добрых воспитателей, живо отозвалось на ненавязчивую заботу нелюдимого старика. Не знала Настя, как это: быть кому-то нужной, не умела приласкаться. Говорить – и того не могла, а иногда так хотелось ответить...

Как-то дед с внучкой коротали вечер за книжкой. За окошком скулила вьюга, а в доме уютно пощелкивала печка. Настя любила, когда дедушка читал вслух. Многого еще не понимала, но, забравшись в домик из нагретого одеяла, здорово было слушать, как трескучим голосом деда рычал то Михаил Потапыч, то серый волк, то зверь, хранящий аленький цветочек! Лишь черные глазенки сверкали из ватного убежища, по привычке разглядывая картинку, что висела напротив.

Дед Василий покосился на внучку: не спит? Нет. В который раз глазееет на «Ангела».

– Нравится? – отложил в сторону книгу. – Знаешь, кто это?

Настя поджала подбородок: «нет».

– Ангел. Ангел-хранитель.

– А... ан... – повторила девочка, тыча пальчиком в репродукцию.

«Ангел с кадиллом и свечой». Акварельные одежды, черные струи волос, тонкая свеча в руке – пламень любви человека к Господу и грустный, точно усталый, взгляд.

Такой, как у дедушки...

– Красивый?

Кивок: «да!»

– А знаешь, кто такой ангел-хранитель? Нет?

Дед видел: картина влечет к себе девочку. Задумался.

Всю жизнь был убежденным коммунистом, членом партии. А жена – верующая. Иконы в доме держать нельзя было, вот Мария картину и приспособила... Все, что есть у него от Маши – остальное дочь забрала.

А под старость, как жену схоронил, поверил... Не то чтобы в церковь ходил, нет, молитвы и той не знал. Но верил по-своему: есть там Кто-то...

– Ангел – тот, кто хранит нас, – пояснил.

Настя замерла – ждала продолжения.

– Вот заболел человек, и доктора помочь не могут, а он, глядишь, выздоровел. Думаешь, сам собой? Нет, брат, ангел пособил. Потому что человек хороший, рано ему помирать. Он еще не все добро, что на роду у него, исполнил. Так-то... – дед вздохнул. Марию вспомнил.

Настя растопырила ладошки – замахала ручонками.

– Что? Крылья? – догадался дедушка. – Так ведь ангел на небе живет, в раю. Куда ему без крыльев! Он – тот же человек, – дед посмотрел на картину, – добрый только. Умер и стал ангелом. Все там будем, – перекрестился.

Настя сморщила личико, что на ее языке означало: «плохо», «плохой».

– А плохой человек – прямиком в ад. Ну да про это я тебе в другой раз расскажу, спи. Поздно.

На следующий день дед Василий обновил раму лаком, достал из сарайки укутанное паутиной стекло, что держал про запас, протер бережно и вставил под него репродукцию.

Отпраздновали Настины восемь лет, и решил дед: пора учиться, к школе готовиться. Боялся Василий теперь одиночества, но знал: иначе нельзя. Это он – отшельник по доброй воле – сам выбрал тайгу, предпочтя ее людям. А девочке нужно к сверстникам, да и здоровье у нее... Не дай Господь, случится с ней что, вокруг на три километра – ни души. Один только почтальон, Николай Архипыч, раз в месяц навещался. Пенсию привозил по доброте душевной, заодно старинного друга навещал, чтобы совсем не одичал.

...Или с ним, Василием, что случится – тоже уже не мальчик.

Приятеля-то и попросил дед Василий привести из района детские книжки, азбуку – на что пенсии хватит.

– Начнем урок, – надвинул на нос старенькие очки. Больше для важности, зрение у деда было отменное – молодому бы такое! Торжественно окинул взглядом разложенные на столе книжки, тетради, карандаши – все на месте.

Настя подперла личико кулачками, закусила от нетерпения губу.

Придвинув тетрадь, дед тронул кончик карандаша: наточен? и заскрипел по бумаге, высунув от усердия язык. Ни дать ни взять – старательный школяр-отличник.

– Известна тебе эта буква?

Настя лукаво прищурилась: ведь знает, что неизвестна, а спрашивает!

– То-то! Это А. Первая буква алфавита. Какие мы слова на букву А знаем? Автодрезина, антидетонатор, автомашинист, антифриз... – увлекшись, стал перечислять дедушка.

– А... Ан!.. – воскликнула девочка.

– Правильно, ангел, – похвалил дедушка. – Теперь попробуй сама. Две палочки косые, перекала-аина... Во-от... Молоде-ец...

Так день за днем учил дедушка Настю писать буквы, складывать их в слова, читать. Про себя... И удивлялся: на лету схватывает внука! Гордился. Общаться стало легче. Если Настя хотела сказать что-то, брала бумагу и писала: «кушать», «спать», «харашо», «красива», «дедушка»... Писала, как слышала. А иногда во время занятий дед улавливал, как, выводя: «Мама

мыла раму», Настя тихонько повторяла за карандашом: «Ма... мы... ра...», и седые ресницы старика дрожали. Теперь он со страхом вспоминал время, что жил один. Как долго тянулись унылые зимние вечера, когда за окном лишь тайга и вьюга. Думал: хорошо вдвоем!

Тихо радовался, видя, как оживает внучка, как оттаивает ее сердчишко. А она забывала прошлое: серые стены интерната, скучающих воспитательниц, тетю с заплаканным лицом, что изредка навещала, – воспоминания стирались, вытесняясь тихим счастьем с бабушкой. Настя уже всю хозяйничала: готовила, убиралась, шустря по дому, словно не в инвалидном кресле, а ножками. Сердце бабушки щемило от радости... и жалости к внучке. Щемило все чаще.

Однажды утром он не встал. Лежал на остывшей за ночь печи, не в силах шевельнуться – тело тянуло, скрючивало. Думал лишь: час-другой, и дом замерзнет. Весна в тайгу не стеснялась опаздывать. И еще: пенсия – через две недели... А ведь Николай Архипыч предлагал ехать в райцентр, обследоваться. Кусал губы от беспомощности. И злости на самого себя. Ведь он, старый дурак, поставил под угрозу не только собственную жизнь – черт с ней. Жизнь внучки! Попытался подняться – вялое, обмякшее тело не слушалось. Как чужое.

– Де? – беспокойное личико – Настя переползла с кровати на кресло.
 – Ничего, Настюша, сейчас встану, – старик напрягся что было мочи.
 В глазах потемнело... ангел на стене поплыл... дед погрузился во мрак.

Когда дед Василий очнулся, в доме было тепло. Уютно гудела печка, кто-то заботливо укрыл его одеялом. Пахло бульоном.

«Николай!» – отлегло от сердца. Теперь все будет в порядке.

«Поеш суп», – с тетрадкой в руках перед ним сидела довольная Настя.

– А где Николай Архипыч? – бабушка крикнул, приподнялся на локте.
 Слава богу, отпустило чуток.

«Маслиница».

Вспомнил: теперь Николай только к Масленице обещался.

«Балит?» – Настя прижала ладошку к груди.

Дед кивнул, прислушиваясь к своему телу.

«Отлежусь сегодня, а завтра в деревню», – подумал.

Но бабушка больше не подымался. Не помогли и капли, что прописал когда-то доктор из поликлиники. Болело сердце, но больше душа – за Настюшу. Казнил себя...

А потом он только бредил. Громко, жутко – все Марию звал.

Чувствовало маленькое сердчишко, как страдает большое, и изо всех сил старалось помочь. Настя укутывала бабушку, пыталась кормить, вливала

в рот капли, трясла, звала.

И молилась. На картину Врубеля, как когда-то ее бабушка: «Ангел-хранитель, роденький, помоги деду! Он хороший. Он добрый. Ему умирать рано!»

Ангел не слышал. Все так же печально смотрел он на девочку, а дедушка... Дедушка умирал.

За окном припекало солнце, заставляя тихонько плакать сосульки на крыше. Настя отворила дверь и легко скатилась с горки-порожка, что смастерил для нее дедушка. Надо было спешить – весенний день-обманщик недолог.

Три километра по рельсам до деревни. Она посмотрела вверх. Крутой подъем насыпи не осилить. Придется ехать вдоль ветки. По кочкам и лужам. Но ничего, коляска у Насти что надо – дед поработал!

Она торопилась. Ручонки в промокших варежках без устали крутили колеса. Снег таял, грязными ручьями сбегая по насыпи, превращаясь в серую кашу, затрудняя движение. Думала об одном: успеть! Успеть спасти дедушку.

Устала – руки не слушались, но остановиться и передохнуть не смела. Слишком быстро исчезало за кряжем гор красно солнце.

Развилка; и тяжелое дыхание паровоза вдали. А с ним – чувство облегчения: рядом люди. Они не знают о Насте, о ее беде. Они в купе, им уютно и тепло, они беседуют с попутчиками, чаевничают. Но они рядом, и лишь за это Настя им благодарна. Поезд промчался мимо, на мгновение осветив окнами дорогу.

Тоннель.

Сердчишко ринулось вниз. Душой болея за дедушку, забыла о том, что между ним и спасением – бездна. Настя смотрела в зияющую черноту тоннеля и видела хищное чрево чудовища. А деревня совсем близко. И в руках у Насти – жизнь дедушки. Вспомнилось вдруг, как читал дед Василий про цветочек аленький. Та Настенька тоже боялась зверя, но победила страх, и оказался зверь царевичем заколдованным...

Стиснула зубы, зажмурилась, крутанула колеса: «Будь что будет!» Еще никогда не была так близко – почувствовала зловоние, стужу. Вот сейчас, сейчас она умрет, он проглотит ее...

Но этого не произошло. Стало лишь холодно, как зимой. В первый раз ехала Настя по тоннелю и сама не верила в то, что смогла. Смогла! Какое-то необъяснимое веселье обуяло девочку: теперь ей все по плечу! Дедушка выздоровеет и будет гордиться ею!

Что-то блеснуло вдали, точно кусок расплавленного металла. Настя подъехала ближе. Вода! Черная, зловещая, неприступная.

Посередине тоннеля зияло озеро. Коварный снег спустился с гор, чтоб умереть в низине. Вода была не властна над поездами – их выручала насыпь. Но девочке вода отрезала единственный путь к спасению.

Настя стояла у края: не проедет, слишком глубоко...

Где же ты, ангел? Не хочешь помочь, дай хоть крылья! Перелечу воду – теперь я все смогу!

Вдалеке гулко загрохотал поезд: поспешай, Настя!

Она не думала – сняла варежки, нащупала карандашик, достала из кармана листок, вывела несколько букв.

Прыжок!

Упала на насыпь. Далекий гром товарняка заглушил боль. Только бы успеть – следующего поезда она не дождется – слишком страшно! Карабкалась вверх, в кровь обдирая ладошки, злясь на никчемные ноги. Нужно было успеть, необходимо. Ради дедушки. Блеснули в свете фар рельсы. Ради дедушки. Машинист заметил светлое пятно. Слишком поздно. Что было сил, ударил по тормозам.

Ради дедушки!..

Ночью к сторожке подъехал газик. Предчувствие Николая Архипыча не обмануло: нашел Василия на полу, у дверей. Прощупал пульс – живой.

Дед лежал под капельницей неделю – врачи были бессильны. А на девятый день очнулся и неожиданно быстро пошел на поправку.

Навещал Василия лишь Николай Архипыч. Нашел телефон его дочери, рассказал все, та расплакалась и положила трубку. Не перезвонила.

А вот с другом Николай долго не решался заговорить о внучке. И лишь когда Василий встал на ноги, передал ему смятый листок. А еще поведал о том самом сне, что заставил его среди ночи поехать в тайгу. Во сне он видел Настю.

Николай ушел. Дрожащими пальцами дедушка развернул листок:

«Теперь я твой ангел», – прочел Черствяк.

И заплакал. Впервые в жизни.

Александр Бронский

Родился в 1986 году. Финалист Илья-премии 2006 года в номинации «Проза». Живет в городе Зеленогорске.

Валентина

В одной пятиэтажной хрущевке живет женщина удивительно редкого обаяния, эмоциональная, чувственная, умная, потому что из предоставленных возможностей всегда делает правильный выбор. Может быть, ее этому научила жизнь.

Валентине было сорок четыре года. Когда она знакоилась с мужчинами, что случалось все реже, то говорила, что ей тридцать восемь. Говорила, конечно, не сразу, а как положено, когда разговор зайдет на эту тему. Она не пыталась скрывать свой возраст или уйти от этого вопроса, она смотрела на мужчину снизу вверх, она была небольшого роста, томными черными глазами, широкой улыбкой ароматных губ уютно говорила: «Мне тридцать восемь». Мужчинам, собственно, было все равно – Валентина привлекала их не возрастом. А начинали они говорить про возраст только потому, что говорить-то особо и не умели и довольно быстро исчерпывали доступные для себя темы. Это не только о мужчинах, но и о самой Валентине тоже. Дальше, после темы возраста, слова были совсем не важны и не нужны, если все было нормально. Ну вы понимаете.

Однажды все случилось довольно быстро с мужчиной лет на пятнадцать моложе ее, но по привычному плану, значит, говорили и про возраст. После, в спальне с мягким светом, Валентина вдруг решила проверить, действительно ли она все еще так хороша. И, не обдумав как следует, сказала:

– Как думаешь, на сколько лет я выгляжу?

– Ну не знаю, лет на тридцать-сорок.

Дело в том, что мы немного прибавили в возрасте мужчины, а в реальности он был точно моложе Валентины на двадцать лет, если не больше. Как мы уже замечали, мужчины у нас после тридцати только овладевали некоторыми темами для бесед и выглядели хоть как-то прилично, а до того они оставляли весьма печальное впечатление. Хотя большинство из них оканчивали вузы, если не окончили уже, остальные же были точно не глупее других. Так что приходилось только удивляться такому чуду социальной природы. Примерно такой вывод сделала Валентина из своего общения с мужчинами. Сама она знала: раз она читает женские журналы и Донцову, а больше ничем не интересуется, то и диапазон тем ее разговора весьма узок. Валентина с этим мирилась.

Вернемся к мужчине. Он из всех возрастов женщины различал четыре: малолетка до четырнадцати, когда можно сесть; молодуха до восемнадцати, когда могут быть неприятности с родственниками (отец будет вряд ли морду бить, а какие-нибудь братья или дядя – запросто); сверстница, когда можно с трудом, потому что много конкурентов из ровесников; старуха, значит, все остальные, с ними без особых хлопот. Для него, мужчины в возрасте двад-

цать с лишним, не было никакой разницы между тридцатью и сорока годами. Впрочем, я был несправедлив к мужчине – у него была и пятая категория для женщин: от пятидесяти и выше, с ними ни за какие коврижки, уж больно древние. Он однажды так и сказал: «Да там уже никакой разницы нет: что пятьдесят лет, что шестьдесят, что семьдесят. Все они тогда одинаковые». Говорил он это не в специальном, а общечеловеческом смысле, а контекст был такой: есть ли разница между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами. Мужчина утверждал, что никакой совершенно. Между тем Валентина настаивала:

– Ты это говоришь, потому что я сказала, что мне тридцать восемь. А если бы я не говорила, сколько бы ты мне дал? – изобразив жутко привлекательную улыбочку, тонким, якобы обиженным голосом прочирикала Валентина. Она вообще с мужчинами могла общаться как на работе или чирикать. По-другому не умела – разучилась. Замужем была дважды, последний раз чертовски давно, а от первого осталась гордость – дочь, учившаяся в самом лучшем вузе краевого центра, на самом дорогом факультете. Сейчас же дочь, после трех курсов, уехала в Америку по специальной студенческой программе на год работать то ли на бензоколонке, то ли официанткой, то ли разносчицей пиццы, я не помню. После этого Валентина перестала ходить – она все время парила. Но физика и мракобесие тут ни при чем – причиной было всегда присутствующее в человеке, разбухшее от переедания тщеславие. Все это я рассказываю, чтобы разнообразить до бесстыжести пустой диалог.

– Ну не знаю, ты супер выглядишь, – мужчина одевался: он уже застегнул брюки, но ступни были все еще без носок, а тушка, поплотневшая за три месяца новой работы с высоким окладом, принимала воздушную ванну в комнате, до которой ему совсем не было дела еще полчаса назад. Он только сейчас заметил, что комната эта была спальней, а окна закрывали широкие вертикальные жалюзи, в романтическом полутьме они казались бледно-сине-го цвета.

– Ну как ты считаешь, я выгляжу старше сорока или младше? – Валентина только выскользнула из широкой кровати в свой особый халат, дошедший ей до щиколоток, из какой-то очень тонкой ткани. В халате этом она была только тогда, когда к ней приходили мужчины. И когда уходили тоже. В обычное время она носила дома «домашний» халат: старый, застиранный, вытертый, просвечивающий местами, причем, выглядела она в нем совсем не привлекательно, что странно само по себе, а тем более учитывая подробности.

– Ну не знаю, – мужчина остановился и серьезно задумался.

Последний раз с ним такое происходило вчерашним вечером. Тогда, на-

лопавшись зачем-то свежих огурцов, а затем плотно и долго поужинав, он думал: то ли сейчас пойти облегчить пучивший живот, то ли на утро оставить. Утром оно, конечно, лучше – день начинается с легкости. Но и вечером хорошо – ночью спать приятнее. К тому же уже поздно и спать охота так, что двигаться тяжело. Так мужчина доказал правильность уже выбранного решения, около получаса с любопытством смотрел телевизор – там мужик, якобы возлюбленный, материл бабу, якобы возлюбленную, а вместе они якобы были парой и строили отношения. Да, подумал мужчина, надо бы зубы почистить и спать (якобы?). Утром он проснулся перед включенным телевизором. Мужчина, несмотря на то что вы о нем думаете, был человеком порядочным: он все утро винил себя, что вечером не облегчил пучивший живот – ночью ему снились странные сны: он шел по темной галерее, в конце которой был яркий свет; в этом свете он встретил мужика, обернутого с головы до пят в сверкающую простыню, вокруг его головы были зеленоватые листки, он что-то говорил очень убедительно, взывая к чему-то. Мужика этого звали Марк Аврелий. Он не представлялся, его никто не представлял, а просто, как бывает во сне, мужчина знал, что мужика в простыне зовут Марк Аврелий. Утром мужчина проснулся и первым делом подумал: «Какого, матери такой-то, что за, какой-такой Марк Аврелий?» Через неделю в местной газете, публиковавшей одни объявления, а других газет мужчина не читал, считая их бесполезными, мужчина увидел в рамке рядом с непонятно-расплывающейся черной картинкой рекламу фитнес-центра «Марк Аврелий». Мужчина подумал: «Это неспроста». Мужчина посмотрел на свой живот, на стол, уставленный продуктами для завтрака. Среди продуктов не было разве только спиртных напитков. Крепких. А пиво оставалось с вечера. Ну и красной икры не было, впрочем, как и черной. Затем посмотрел в угол кухни, где собирались пластиковые пивные бутылки. Их пора было уже выбрасывать – они мешали ходить. Да, подумал мужчина, пора заняться как-то. Он подразумевал, что нужно заняться спортом, похудеть. Когда он был студентом, когда был на работе с низким окладом, пока его родители не устроили на завод, где работали дети, внуки, бывшие мужья и жены детей и внуков специалистов и начальников, то он ел малокалорийно и пиво пил лишь с получки и то одну бутылочку. Теперь же он выпивал каждый вечер по литру, а то и полтора. Да, подумал мужчина, пора как-то. Он пошел на работу, оттуда позвонил, узнал расценки в фитнес-клубе. И решил заниматься спортом самостоятельно: бегать, ходить, поднимать гантели. Вместо этого он женился через полгода, и его здоровьем стала заниматься жена, так же как нездоровьем. Валентину же он продолжал навещать раз-два в месяц, обычно после аванса и получки.

Он не замечал, что ей было и пятьдесят, и больше, что она полнела, теряла

свои чары. Он ходил к ней не из-за возраста или ее обольщения. А для чего? Он научился говорить и однажды, на десятилетие свадьбы, сказал чудный, трогательный тост, так что жена даже прослезилась. Знала ли она о Валентине? Или не догадывалась? Не знаю, хотя была не дура. Кстати, немалую роль в обучении мужчины навыкам речи сыграла Валентина.

А тогда, в спальне, диалог так ничем и не кончился, оказавшись прологом. Ну вы понимаете.

Как было на самом деле не знаю, но впечатление от разрозненных источников создается именно такое.

Валерия Олюнина

Родилась в 1974 году. Училась в Литературном институте имени А. М. Горького. Публиковалась в журналах: «Сибирские огни», «День и ночь», «Театр». Член Союза журналистов России. Живет в городе Лобня Московской области.

Поцелуй чужой старухи

Случайный разговор

– Нет, вы как хотите, но ленивее деревенских я в жизни своей не встречала! – вдруг сказала пожилая женщина, выгуливающая внука Сережу на нашей поселковой детской площадке. Я гуляла с дочкой и ее детскими грабельками чистила землю возле лавок от оберток и семечной шелухи. Моя собеседница выглядела по-дачному опрятно-небрежно: художественный беспорядок седо-рыжих волос, белая футболка да черное трико. На соседней лавочке грелся местный пятидесятилетний дурачок Коля; на его перекошенном лице с остатками зубов в черной яме рта – усилие понять нас, чтобы сообщить что-нибудь важное.

– Раньше-то городских никчемными считали, – вставила я, нащупывая нить разговора. Глаза Сережиной бабушки зло сверкнули из-под массивных старомодных очков. Она допила сок, оставшийся после внука, будто переведал дыхание, и отрезала:

– Это раньше деревенские вкалывали. В войну да после войны, когда хозяйство восстанавливали, а сейчас... У меня вот сын женился на деревенской, откуда-то из-под Курска. Дак ободрала как липку. У нас семья интеллигентная. Никто в семье не курил, не пил. Жили мы в сталинской высотке на Автозаводской. Она сразу прописалась, оттяпала долю, а потом вынудила нас на обмен подать. Это надо было видеть нашу старую квартиру! Площадь огромная, потолки под три метра. Нам ее моя мать оставила. Когда она умерла, остались мы в ней втроем – я, муж и сын. Женился же на этой, а они, приезжие, сами знаете какие – работать не хотим, в горло вгрызаются мертвой хваткой.

– Вы знаете, я вообще-то тоже приезжая, из Сибири, – робко сказала я. И муж из Белгородской области. Ему шестнадцать лет было, когда отец умер. Пришлось семью содержать, и газ проводил в дом сам, и на комбайне работал...

– Ну, может быть. Может быть, сибирские хорошие. А южных я повидала. Нет, ну приехала ты в Москву. Так реализуй себя! Некоторые девки в двадцать пять лет уже и офисы держат, и банки открывают. А она видит: парень лоховатый, родители у него такие добропорядочные, ну и насела. Мы, конечно, отказывались. Но она сына так настроила, что он нам сказал раз: «Не станете меняться, я на свою долю к вам чеченцев подселю!» И пошли мы благодаря ей в убитую хрущевку. И остаток денег они на себя пустили, профукали.

Разошелся с той. В МИФИ поступил. Элитный вуз, между прочим. У нас и муж его оканчивал. Жить да жить! Так нет же! Женился во второй раз. И опять на деревенской!

И эта такая же. Только бы краситься да по магазинам таскаться. Родился вот Сереженька наш. Так эта заставила моего сына уйти в академотпуск, с ребенком сидеть. Сама куда-то на работу устроилась. Так и не закончил он, всего три курса отучился. А сейчас говорят: «Идите-ка вы, родители, на лето в свою поселковую квартиру (она мужнина), а мы будем в этой хрущевке жить». А у меня муж, между прочим, раковый, после химиотерапии. Ему условия нужны. А у нас как дождь, так потолки текут. Ну ладно, это полбеды. Так еще и Сереженьку на месяц дали. Куда мне с ним? Я и так замотанная. Я говорю: «У нас свои проблемы, пусть та бабушка сидит!» А эта как услышала, как зафыркала. Я тогда ручки и опустила: «Ну ладно, ладно, посидим, только орать не надо!» Я не могу, когда орут. Мы все-таки интеллигентные люди. Ну почему моему сыну так с бабами не везет?!

– Ему нужно кулаком по столу ударить раз и сделать хоть раз все по-своему, – говорю я.

– Нет, ну что вы!!! Мы так не умеем. Чуть он прикрикнет, а она ему: «Ты сегодня со мной спать не ля-я-яжешь!» Вот так-то, опутала. Добрый он и беззащитный. Чуть получше вот этого, – она машет головой в сторону Коли. – А знаете что? – она чуть понизила голос, доверчиво потянувшись ко мне. – Мы думаем, что Сережа вообще не от сына. У них ничего общего нет. Сын у меня смуглый, а Сережа светленький, а кожа такая прозрачная, почти светится.

– А если он в бабушку или в прапрадедов? – пытаюсь все же заразить ее своим оптимизмом.

– Да, вы думаете, так бывает? – ее яростное оживление чуть спало.

– Конечно бывает. Генетика!

– Как бы ни было, Сережу мы не оставим. Ребенок не должен страдать. Нам вообще-то пора. Заговорила я с вами. Нам надо супчик дедушке готовить, он ведь лежачий.

Они ушли, а я подумала, а может и к лучшему, если Сережа не от ее сына родился. Может, у него есть шанс вырасти неинтеллигентным, но все-таки мужчиной.

Поцелуй чужой старухи

Из цикла «Мои веселые соседи»

А все так хорошо начиналось. Марине Васильевне исполнилось пятьдесят. В кафе «Венеция» (работала там главбухом, где гулянки без мордобоя были большой редкостью) она закатила торжество. С белыми тушеными грибами, сидром собственного производства (и не только), молочными поросятами, на которые она старалась не смотреть. К юбилею Марина очень похудела: вставила пару месяцев назад золотые нити...

Старики Рыбаковы, дед Вася и баба Тоня, сидели в числе почетных гостей. Родителей Марина любила, и за столом все старалась подложить им кусок побольше.

Начались танцы. Дед Вася пошел в круг, побрякивая орденами, приколотыми к любимому старенькому пиджачку... Антонина Федоровна, для всех баба Тоня, сидела поодаль, радуясь на мужа. Но тут Ильинична, соседка по огороду, после вальса вдруг поцеловала его в губы. Баба Тоня смолчала, только нахмурилась. Но с каждой минутой все больше мрачнела и даже отказалась пить за здоровье дочери.

Ночью она завывала. Завывала страшно, с причитаниями. Продолжалось это до шести часов утра, пока измученные подозрениями соседи не вызвали Марину.

Все подумали, что дед умер, чего ж еще выть?! Тем более праздник был накануне. В тот день подъездные вышли на лавочку пораньше. Потом до нас дошел слух, что у бабы Тони крышу сорвало. Из-за ревности. И что она вообще прогоняет несчастного деда к Ильиничне. А прожили вместе шестьдесят лет!

Дед плакал, клялся в злом умысле «старой дуры». На что супруга его взвизгивала:

– Старой?! Да она на семь лет меня младше!

Дед оправдывался:

– Тонь, я тебя люблю!

Весь подъезд волей-неволей стал свидетелем стариковских скандалов.

До этого ужасного случая Рыбаковы были как Ромео и Джульетта. Ими восхищались. Их ненавидели. У многих-то старух уже лет по двадцать мужей не было, а тут гляди-ка! Любовь! В магазин – вместе, к дочери и внукам – вместе, на лавочке вместе сидели. Злые языки поговаривали, что Рыбаковы до сих пор спят.

Баба Тоня оказалась усердной плакальщицей. Могла выть часами. Днем у них было тихо, только кастрюля звякнет или стул заскрипит...

– Так что, Марина Васильевна! Когда это прекратится? Вы бы врача вызвали, жить-то невыносимо. Спим плохо, – сказала я Марине, как только та проходила мимо нашей двери. Стук ее каблучков был слышен еще в подъездном предбаннике.

– А я что сделаю? Не буду никого вызывать. Я ей таблетки даю успокоительные, – психанула она.

– Валерьянку, что ли? – уточнила я. Но Марина хлопнула перед моим носом дверью.

– До инсульта доорется! Дурку вызову! – крикнула я.

На мои угрозы дверь открыла тетя Нина, хозяйка «Венеции».

– Девочка, но нельзя же так! Старые люди... Болеет Тоня.

– Пусть вызовет психиатра. Старуха двинулась, понятно вам! Она днем отсыпается, а ночью воет! А я днем на работе, а ночью... дочку мою криками пугают! Ну вас всех!

– Слушай, – сказала я мужу. Как можно в восемьдесят лет так орать? Я бы давно ноги протянула... на ее месте.

Каждый вечер Марина приходила на обход. И орала на деда Васю.

– Пап, почему ты ей таблетки не дал? Ты что, не понимаешь: она бо-ль-на-я!

– Давал я. Она их выбрасывает, – кричал в ответ дед.

– Ну не ври ты, не ври! – наступала Марина. – Мама всю жизнь хорошо таблетки пила.

– Заткнись, – отрезал дед.

– Давайте говорить спо-кой-но! – старалась перекричать отца Марина.

Я била по трубе бейсбольной битой, баба Тоня начинала истерить, столы и стулья – грохотать. Мы в бессилии уходили на кухню на перекур. Когда вся эта семейка тоже перебиралась на кухню поговорить «спо-кой-но», мы опять тащились в комнату.

Ближе этих людей у нас тогда никого не было.

Как-то раз мы звонили в милицию. Участковый приехал, сделал Рыбаковым внушение и пожал плечами. «Когда будет труп, тогда и звоните!» – подмигнул и улыбнулся он на прощание.

– Вы что, не понимаете?! Трупы будут наши! А они будут жить вечно! – заплакала я. – Если она любит свою мать, пусть поможет ей пролечиться.

– А вы в дурку позвоните! – снова улыбнулся мент.

Мы убеждали Марину предпринять меры. Так прошло полгода. И однажды днем завыл дед.

Плакал он, правда, редко – единственное, что нас утешало. И мы не выдержали. Позвонили в Яхромскую психбольницу.

Там нам сообщили, что определить туда стариков может только опекун. И то ненадолго. Старики-то особо там не нужны, ведь они неагрессивные. И не представляют угрозы для общества.

– Давай нажремся! – сказала я мужу.

– Давай!

– И выдернем из Маринки золотые нити...

– Слушай, – сказал муж. – Нужно подговорить Егорыча за бутылку. Он подойдет к старухе во время прогулки и поцелует ее. Пусть теперь дед ревнует.

Мы отдали дочку соседям, распили бутылку коньяку, врубили музыку, развернув динамики в потолок, и пошли искать Егорыча.

Но план сорвался. Навстречу нам шли старики Рыбаковы. И вдруг старуха медленно осела и упала прямо на проезжую часть. Муж и еще кто-то, не помню точно, подхватили Антонину Федоровну и понесли ее в подъезд. Дед был невозмутим и смотрел на эту процессию как посторонний, хотя весь двор охал и суетился. Баба Тоня оказалась тяжелой, и ее положили на пол. Василий Степаныч спокойно перешагнул через нее и стал искать ключ.

Мы вызвали скорую. Врачи констатировали гипертонический криз.

Антонину Федоровну забрали в Дмитровскую нейрохирургию. Через сутки врачи наорали на Марину, упрекнув, что отдала больную «не по профилю».

...Не знаю, что делали с бабой Тоней в Яхромской больнице, но больше она не воеет. Молча ходит по ночам по подъезду. Шаркает стоптанными тапками. Дед Вася ставит на своей площадке стул. Так сидит, курит, всматриваясь в ждущую их пустоту.

Вячеслав Немышев

По образованию – историк. Тележурналист. Работал корреспондентом НТВ (программа «Сегодня»), ГТРК «Россия» (программа «Вести»). Публикации в газете «Совершенно секретно», журналах «Новый берег» (Дания), «Искусство войны». Живет в Москве.

Мамочка и Красавчик

- *Товарищ военврач, дайте мне справку, что я – дурак.*
- *???*
- *Я машину угнал.*

Старший лейтенант морской пехоты Виктор Мамочка влюбился в пулемет имени Калашникова.

– Ты мой Красавчик, – ласково произносит Мамочка и гладит здоровенной ладонью казенную часть. – Скоро домой поедем. Все, отвоевали, брат...

Мамочка носил ботинки сорок восьмого размера; ботинки прохудились, и Мамочка, не найдя такого же размера, мучился, и от того у него портился характер. Он напяливал сверху уставного дранья чулки от комплекта ОЗК, туго обматывал в голени. Так и воевал. Солдаты над ним не смеялись. Мамочка в бою схватился с одним врукопашную: голову вывернул в обратную сторону, и шея стала сантиметров на двадцать длиннее у бородача.

Пулеметчика уже третьего по счету в его роте убило.

В том же бою, вернее после боя, к нему в дом – чей-то брошенный дом с кухнями, сковородами и цветастыми плетеными половичками – бойцы разведчики приволокли пленного и пулемет.

– В расход, – рывкнул Мамочка. Его рота за неделю боев в Грозном убавилась в солдатском поголовье на тридцать пять душ.

Пленного вывели.

Мамочка подошел к столу в центре комнаты; на столе стоял, раскорячившись сошками, трофейный пулемет. Мамочка погладил пулемет по затворной раме, потрогал патроны в ленте.

На улице близко от дома стрельнули – пара очередей и одиночный.

– Правильно, для контроля в голову. Научились.

Мамочка подставил под зад табуретку, присел и стал внимательно разглядывать части пулемета: приклад, ствол, казенник.

В училище Мамочка стрелял лучше всех, и в округе Мамочка тоже стрелял лучше всех.

Мамочка стрелял так, как никто другой: имел уникальной твердости руку и хладнокровие – такое, как в анекдоте: мог сам себе наступить на яй... и потом медленно и долго с умным выражением простецкого воронежского лица убирать ногу.

Мамочка откинул крышку ствольной коробки, вынул ленту из лентоприемника.

Вот он, этот пулемет, в Мамочкиных теперь руках.

Хороший пулемет – это как тонко настроенная гитара; пулеметчик – как лабух, задушевник: что ни сыграет, народ стонет в экстазе – деньги сыплет горстями. Тот бородач из своего пэка на много поминальных маршей наиграл.

В дом ввалились солдаты, один заглянул в комнату к старшему лейтенанту.

– Товарищ старший лейтенант, там... говорят, штаб накрыли полковой. Граната в окно влетела, так всех штабных порвало.

– Чей?

– Не наш точно...

– Ну и хули?

– Виноват, тащ...

– Тушенки притащи и кипятку.

Бросив ленту, Мамочка разобрал пулемет, разложил перед собой в строгом порядке слева направо: отверточки, ершики, масленки, шомпол и кучу тряпочных полосочек, таких, как старшина выдавал на подшивку.

Он вынул ствол и стал глядеть в него, как в подозрную трубу, – чего-то разглядел, пробормотал невнятное.

Сзади тихо подкрался солдат с кипятком и тушенкой.

Если старший лейтенант занялся оружием, лучше его не тревожить – обидится. Другие офицеры, кто остался еще в живых, к Мамочке заходили редко, удивлялись: другого с бабы не стащишь, а этот – фанат пострелять. И дома такой же был – двадцать четыре года дубинушке, а подруги не завел.

Солдат оставил еду с водой: положил на банку полбуханки ссохшегося черного хлеба.

Когда убили первого летеху из роты Мамочки, все стояли над телом, кто-то плакал, офицеры потом пили водку. Мамочка взял автомат и ушел в город, когда вернулся, сказал, что застрелил троих бородачей и одну бабу. За летеху. Потом и остальные научились: кому-то понравилось, кого-то сразу убило. Быстро привыкли к войне.

– Озэка почисть, если где дыра, новые тащи, – не разгибая спины, рывкнул Мамочка.

Солдат вздрогнул, шатнулся и – об косяк. Зачесал ушибленное. Схватил огромные вымазанные грязью бахилы.

Пулемет Мамочке понравился.

Он вычистил ствол, протер маслом затворную раму с затвором, что-то внутри поковырял, такое, что одному только Мамочке и было нужно поковырять, отверточками покрутил. Ленту вправлять не стал, сошки газетой насухо вытер.

Доволен Мамочка, по всем приметам пулемет шикарный; планка есть для прибора ночной стрельбы. Почесал Мамочка затылок: курнул, тушенку проглотил, хлебный ломоть съел в два укуса, все залил остывшим кипятком. И придумал...

На следующий день случилось затишье между боями.

Мамочка испортил единственную табуретку в доме: наколотил гвоздей, подложил дощечек, камушков – стал на табуретке выверять, пристреливать трофейный пулемет.

Сам себе Мамочка был и зампотех, и зампотыл, – в объемном солдатском рюкзаке хранил Мамочка все самое необходимое офицеру на войне: воинский устав, пистолет ТТ со сбитым номером, три вида плоскогубцев, шурупы с дюбелями, четыре тротильные шашки с запалами, капитанские погоны в целлофане на резинке, кальсоны со склада, шапку – пыжик с крабом на парад Победы, но главное – прибор для ночной стрельбы.

Этот прибор Мамочка и приспособил на пулемет.

Пока народ обтряхивался, отсыпались солдаты, портянки старые меняли на новые, вырезанные из хозяйских простыней да полотенец кухонных, Мамочка пристреливал трофейный пэка.

Когда же дал очередь с сотни метров по кирпичику с белым пятнышком, то охнул от удивления Мамочка. Вот это кучность! Редкого качества достался Мамочке ствол; он вдруг всем громадным морпеховским телом ощутил к этому пулемету пока неясные, но такие светлые и теплые чувства, что тут же и решил его опробовать, в деле проверить.

Как стемнело, собрался Мамочка: сунул в карман тэтэ без номера, отвертку, нож, взвалил на плечо пулемет, лентами обмотался – стал как революционный матрос с миноносца «Отважный». Взял с собой одного бойца, чтобы тыл прикрывал, и потопали они в город.

Ночью Грозный еще ничего – дряни всякой не видно, зато горит красиво, полыхает то тут, то там. Или трассеры морзянку строчат на небе. Мамочка любил на огонь смотреть. Но своим запрещал на открытом разводить костры – однажды развели, снайпер троих и положил, – таскали за собой самодельную «буржуйку» с трубой.

Выбрал Мамочка позицию: вперед – улочка кривая, справа площадь – пяточок, за спиной домишки одноэтажные, там его рота и штаб батальона. Включил ночник и, затаив дыхание, стал «щупать» квартал.

Сразу и нарвался...

Бородатые шли в полный рост, не таясь и не пригибаясь, их было много, Мамочка сразу полтора десятка насчитал. Боец сзади притих – не шелхнется. Патроны Мамочка зарядил – первые пятьдесят сантиметров ленты с промежутком в один, чтобы одиночными удобно было стрелять.

– Кс-кс... – позвал Мамочка. Боец шустрый, сообразительный, через полминуты сопит за спиной. – Дуй в расположение, скажи, чтоб наводили по квадрату... Я останусь. Вали...

Когда остался Мамочка один, ждать больше не стал. Первым взял на галочку гранатометчика, тот присел на колено и целился уже. «Граната в окно влетела, так всех штабных порвало», – вспомнил Мамочка, обиделся на себя, что не о том думает, вдавил приклад в плечо, галочку – на лоб и плавно нажал на курок.

Выстрел.

– Тдух!

Стрекнуло сразу в ответ. Гранатометчик завалился. Мамочка, не обращая внимания на грохот и свист над головой, стал методично по одному валить наступающих.

– Тдух... тдух... тдух!

– Третий, четвертый... шестой... восьмой, – считал Мамочка, быстро наводил галочку и нажимал снова на курок. – Десятый... Ну понеслась.

Мамочка, сорвавшись с места, перебежал в сторону, кинулся грудью на кирпичи и из-под стеночки поваленной стал бить короткими очередями. Бронебойный, обычный, трассер; бронебойный, обычный, трассер...

Полетели снаряды из наших тылов. Загорелось красиво, руки, ноги полетели, вопли, проклятия. Нравится Мамочке смотреть на огонь.

Два, может, три десятка бородачей навалил в том бою старший лейтенант Мамочка.

Представили Мамочку к ордену.

Яростные новогодние девяносто пятого года бои в Грозном перетекли в затяжные до марта. В середину весны собрался Мамочка домой со своим батальоном. Меняли их.

С трофейным пулеметом Мамочка не расставался: спать ложился – стелил под пулемет половички цветастые или простыни от бывших хозяев, ставил пулемет на сошки, устраивался рядом.

– Ты мой Красавчик, – гладит Мамочка казенную часть, приклад; потом накрывает пулемет чистой тряпицей и засыпает сам с блаженной улыбкой.

Вышли из Грозного без потерь, погрузились, встали колонной и пошли на Север, домой. Затосковал Мамочка. Водку, как другие, не пьет, думает, как же быть ему, ведь придется сдавать трофейный пулемет.

– Шиш вам! Не отдам Красавчика, – решил Мамочка: разобрал пулемет на запчасти, рассовал в рюкзак; ствол не помещался, он его к спине под бушлат пристроил.

– Неудобно, – терпел Мамочка неудобства.

Обо всем забыл: про орден, что домой едет. Пулемет спасти от чужих рук – вот главное! Разве можно, чтоб такое оружие доставалось кому попало?! Он много уже слышал о предательстве на этой войне, сам видел, как выпускали боевиков, обреченных, зажатых в клещи. Бородатые уходились и смеялись им в лицо.

Нельзя оставлять пулемет, нельзя! Такое оружие за наших должно воевать.

Сильно полюбил Мамочка своего Красавчика, до самого сердца пробило его. Ничего Мамочка в жизни не боялся, а как ехали они домой – колоннами в поездах – трясся, что отберут у него Красавчика. Зря трясся. Бардак великий начался, такая неразбериха – кому он со своим пулеметом сдался.

Добрался Мамочка до Волгограда.

Выпросил отпуск у командиров и, сменив военную форму на гражданку, завис на неделю в общежитии у двоюродного брата, студента.

Братец охал и ахал, а потом примолк и дверь на щеколду замкнул. Мамочка собирал пулемет: ленту вправил, тельником чистым прикрыл сверху.

– Что это? – спросил братец.

– Пулемет имени Калашникова, – с добрейшей улыбкой ответил Мамочка. – Хочу водки выпить и баб.

– Лучше убрать его, – братец на пулемет кивает.

– Давай тебе в багажник, может, когда постреляем. Я тебе покажу, что значит кучность.

Братец чертыхаясь отдал ключи от «копейки».

– За общежитием стоит. Когда стемнеет – надо, а то увидят.

– Чего бояться? Мы ж за наших.

Пулемет уложили в багажник.

Вечером в общежитии собралась компания. Гуляли красиво. Мамочка пел под гитару и все пристраивался к розовощекой блондиночке с кукольными губками-бантиками. Блондиночка, когда стали танцевать, уперлась лбом как раз Мамочке в живот. Мамочка хмельно тискал партнершу и наступал новыми сорок восьмьюми размерами ей на туфли. Блондиночка ойкала, но не вырывалась. К середине ночи стало совсем хорошо. Мамочка в темном коридоре напробовался малиновой помадки с кукольных губ. Мягкой блондиночка была – терпеливая: дыхание затаивала, когда Мамочка прижимал ее к своему морпеховскому прессу.

И проникся Мамочка.

– Поехали, постреляем. Хочешь?

Блондиночка счастливой себя почувствовала: такой красавец ее вниманием одарил.

– Хочу.

Выскочили они на улицу. Мамочка – в машину, блондинка – рядышком. Заводить, а «копейка» не заводится, чихает и кричит; заюзил Мамочка аккумулятор – сдох тот.

– Не боись, – Мамочка с собой поллитру прихватил, из горла отхлебнул.

– А эта чья?

Дай Мамочке КамАЗ, он и его бы завел с толкача, такая силища в старшем лейтенанте образовалась. Что там «восьмерка»? Жидкая машиненка. Мамочка стекло высадил, поковырялся под рулем. Блондиночка задохнулась от возбуждения, сигаретку губками пухлыми мусолит. Взревел мотор.

– А ты меня стрелять научишь? Ой, только я боюсь.

– Мы же за наших. Не бойся. С нами Красавчик...

В дежурной части Краснооктябрьского отделения милиции города Волгограда собралось человек десять. Дежурный, опера, замначальника, омонцовцы в серых комуфляжах курили в полном тревожном молчании.

На столе дежурного, растопырив сошки, стоял пулемет.

– Пэка, – задумчиво произнес один из омонцовцев.

– И хер ли теперь делать? – спросил, но будто плюнул в никуда, замначальника; он потер щеку и заслезившийся отчего-то глаз. – Наши потери?

Дежурный заикаясь и кривясь не то от табачного дыма, не то от подступающей неудержимой икоты, зачитал с листка.

– После того как наряд выехал на место, откуда слышалась стрельба, в район карьера Вишневая балка, сержант... обнаружил мужчину с пулеметом Калашникова, который пытался спрятать пулемет в багажник автомобиля ВАЗ-2108. Мужчина отказался предъявить документы, пытался обнять и поцеловать сержанта... После того как к подозреваемому были применены спецсредства... наряд получил ранения и травмы различной тяжести.

Хрюкнул один из омонцовцев, хрюкнул дежурный, захрюкали опера.

Замначальника хотел строго, но не получилось – посмотрел на всех с тоской и ненавистью.

– Дальше.

Дежурный больше не хрюкал, но читал, уткнувшись в протокол так, чтобы лица его не было видно.

– Подозреваемый стал укладывать сотрудников милиции в машину...

– В ка-ку-ю? – по слогам уточнил замначальника.

– В машину наряда, – у дежурного задрожали плечи, омонцовцы отворачивались, опера кашляли и тушили бычки в пепельницу. – Оказав первую помощь... подозреваемый принялся... докладывать в рацию, что у него трое трехсотых и нужна вертушка...

Замначальника застонал и опустился на стул. Омоновцы стукнулись лбами друг об друга. Опера, скорчившись, плакали. Из коридора в дежурку рвались послушать еще человек пять. На пульте дежурного бешено пикикали телефоны.

– Выхавшему на подмогу наряду было дано указание в случае необходимости применять оружие. Когда старшина... сообщил, что они прибыли на место, связь с нарядом прервалась. После этого вновь был доклад от подозреваемого, что все семеро раненых находятся в удовлетворительном состоянии... и что он не покидает места, ждет транспорт для эвакуации...

Здрожали стекла, упала со стола пепельница, рассыпались бычки под ноги замначальника. Рыдали все, даже те, которые – снаружи, даже «раненый» наряд. Рыдало все отделение.

Замначальника молчал, дежурный дочитывал заикаясь.

– Подоспевшей группе немедленного реагирования и областному ОМО-Ну удалось задержать мужчину, который по документам оказался старшим лейтенантом морской пехоты Виктором Мамочкой...

Замначальника судорожно вспоминал телефоны военной комендатуры, гауптвахты, следственного изолятора, начальника ОВД города, адвокатской конторы «Адвокат», жены и тещи в Михайловке. Но вспомнил только телефон пожарной части – 01.

– Виктор Мамочка, – продолжал дежурный, – исходя из объяснительной самого гражданина Мамочки, выведенный две недели назад в составе батальона из Грозного, отмечал свое представление к ордену Мужества за проявленную в боях с врагами Родины смекалку, вследствие которой, цитирую, «понижился численный состав врагов Родины, – дежурный посерьезнел, притихли остальные вокруг, – где-то на тридцать гадов». Число и подпись гражданина старшего лейтенанта Мамочки. Да... в конце приписал, что просит вернуть ему пулемет, добытый им в бою.

Никто из сотрудников не произнес больше ни звука.

За окном светало.

Военврач, начальник «гношной хирургии» полковник Томанцев, сидел за столом в своем кабинете, перед ним лежал чистый лист бумаги.

Томанцев взял ручку и написал: «Справка. Выдана старшему лейтенанту Виктору Мамочке в том, что он...»

Полковник задумался.

За окном жарило весеннее солнце. Он встал, подошел к окну и распахнул створки настежь: чудная весна пришла в волгоградскую степь – с тюльпанами и запахами цветущих акаций.

До майских оставалось каких-нибудь две недели, и Томанцеву уже сооб-

щили из верхних командований, что к Дню Победы пройдут мероприятия. Ему необходимо подать списки, сколько у него раненых в отделении, чтобы спонсоры не ошиблись с количеством подарков. Томанцев хотел пожаловаться, что не хватает койко-мест, но его и слушать не стали – праздник на носу, пришло время чествовать героев, с койками потом разберемся.

А тут еще дочь Лиза со своими справками...

Глупость несусветная.

Томанцев энергично шагнул к столу, схватил и, скомкав листок, бросил его под стол в урну. Закурил. Включил чайник в розетку.

Зашел в кабинет зам с черными кругами вместо глаз.

Они четвертый месяц без выходных, они стали пить спирт, как будто только что вернулись капитанами из Афганистана.

Зам сказал, что прибывает очередной «Скальпель» из Моздока. Томанцев кивнул. Зам затравленно огляделся по кабинету и остановил взгляд на шкафчике с затемненными стеклами дверец. Сглотнул зам слюну и спросил, что за громила в черном берете дожидается у дверей, ноги растопырил не пройти, и лицо у него глупое.

Когда он вышел, Томанцев снова положил перед собой чистый лист. «Не смотри, зам, подарочный коньяк весь вышел еще в первую неделю. А спирт тоже ничего, даже полезней...»

Разные справки приходилось выписывать Томанцеву, но такую – в первый раз.

Дочь Лиза работала в его госпитале: проходила практику от своего мединститута. Практика закончилась, а Лизка осталась операционной медсестрой в его «гношной хирургии». Ей диплом писать, шестой курс, а она шкуры горелые обдирает, культы ворочает, гнойники вскрывает, утки подает. Настырная девка – непутевая – его порода, не мать.

Прибежала Лизка и кричит, что у ее жениха-аспиранта сосед по общежитию плачет навзрыд. Брата его могут посадить в тюрьму. Брат вернулся из Грозного и что-то натворил, попал в милицию. Ему теперь нужна справка, такая справка, чтобы все поняли, что он не виноват ни в чем.

Кипел, парил чайник.

Томанцев написал: «Справка. Выдана...» Вдруг подуло из открытого окна. Белый лист подхватило ветерком и сбросило на пол.

– Доктор, выдайте мне справку, что я дурак.

– ??

– Я угнал машину, подрался с милицией. И еще... у меня отобрали пулемет...

Мария Скрягина

Родилась в 1977 году в Омске. Окончила факультет теологии и мировых культур ОмГУ. Публиковалась в журналах: «Коростель», «День и ночь», «Подъем» и других. Живет в Москве.

Вечность и один день

Режиссеру Владимиру Петрову

На наше первое свидание Горан пригласил меня в театр. Югославский драматический театр привез в Москву одну из своих лучших постановок по пьесе признанного сербского писателя и драматурга. И в этом была своя прелесть – сводить меня на спектакль соотечественников, чтобы я могла почувствовать знаменитый сербский дух, добравшийся и до русских окраин, дух путешествий сквозь века и сны, услышать красочный, дерзкий язык, острый, словно балканская пища. Второе название пьесы так и звучало – «Меню для театрального ужина».

Действие началось, и я погрузилась в новый, чарующий мир. После спектакля Горан был задумчив, наверное, он затосковал по своей маленькой, красивой родине, измученной страданиями.

– Много лет назад, тогда еще в Белграде, я смотрел этот спектакль, и тогда роль Петкутина играла молодая актриса, Петра Вишнич.

– Но это же мужская роль? – удивилась я. И Горан рассказ мне историю, удивительную, как и весь сербский миф, рожденный под бомбежками, придуманный Павичем, снятый Кустурицей и озвученный Бреговичем.

Петра всегда хотела быть актрисой, едва научившись говорить, она уже выступала перед взрослыми, читала стихи, пела песни, танцевала, мастерила себе забавные одежды из родительских вещей и потом, в школе, ни одна постановка не обходилась без нее, черноглазой, темноволосой, белокожей красавицы Петры Вишнич, тонкой, хрупкой, как вишня, и гибкой, порывистой, словно лань. Ей хотелось играть в театре. Выйти на подмостки и в течение нескольких часов быть иной, по-другому говорить, двигаться, очаровывать, дурманить, притворяться, и все на одном дыхании, чтобы потом, в изнеможении от усталости становиться бестелесной, но отчаянно счастливой. Без труда она поступила в театральный институт, и уже через некоторое время ее взяли на роль Маши в «Трех сестрах». Газеты отметили ее удачный дебют, и путь к славе молодой актрисы был начат. Шло время, шли «Три сестры», и из вечера в вечер Петра играла одну и ту же роль. Ставились другие спектакли, но места в них для Петры не было. Ясмينا Блажевич, примадонна, муза режиссера Болеслава Яры, всегда все расставляла по своим местам. В невысокой тонкокожей, косточка к косточке, блондинке таилась неведомая сила, она умела подчинять и властвовать. Она была первой, она была единственной, и она была лучшей.

С «Тремя сестрами» театр отправился на гастроли.

Спектакль шел в Сербии, небольшом городке в Косово. В номере гостиницы рыдала Петра Вишнич, рыдала от безысходности и жаловалась своей подруге.

– Не могу я так больше, Янка. Лучше уж умереть. Она хочет выжить меня из театра. А что я буду делать? Это же лучший театр в стране, а Яра – гений. Куда мне уйти? Все это разрушает меня, каждый день непризнания, невостребованности, отвержения роет во мне яму, а потом заполняет ее страхом, самоуничижением, горечью, тоской. Может, я бездарна, Янка? Может, это иллюзия, что у меня есть талант? Что я достойна лучших ролей? А может, это они слепы? Не видят, на что я способна? Ты знаешь, что он будет ставить «Вечность и еще один день»? И для меня опять нет места! Я уверена. Ясмина будет играть Калину, Владо – Петкутина, а я? Я больше не могу так, Янка. Я боюсь, что наступит день, когда не выдержу и что-нибудь сделаю с собой.

– Прекрати, Петра. Даже слышать ничего не хочу об этом. Такой грех взять на душу. Подожди, Петра, потерпи, придет твое время – и весь мир узнает о тебе, и будешь смеяться над своими мыслями, потерпи, Петра, – как заклинание твердила Янка, глядя подругу по черным, цвета воронова крыла, волосам.

– Не могу, Янка. Боль внутри меня рвет меня на части, как избавиться от нее? Как жить? А Влад? Ведь он предал меня! Оставил, когда мне так тяжело, променял меня на Ясмину. Что в ней такого, что? Знаешь, иногда мне так хочется унижить их, сделать им так же больно, как делают мне больно они.

– Петра, все это очень нехорошо, то, что ты говоришь.

– Янка, я устала. Я чувствую себя такой одинокой, такой не нужной никому. Появится ли в моей жизни кто-то, кто будет любить меня искренне, заботиться обо мне бескорыстно, утешит в трудные минуты, ради кого стоит жить? Или быть мне вечно одной, одинокой? Иногда столько любви внутри, но ты не можешь понять, кому она предназначена, ты выходишь на сцену, даришь себя, но – было ли у тебя подобное? – чувствуешь, что любишь не так. Не так мне предназначено их любить. Так что, я плохая актриса? Или, знаешь, раньше мне казалось, что когда играешь, то становишься не тем, что ты есть, убегаешь от себя. Но теперь я понимаю, что наоборот, ты ищешь себя в разных ролях, в одной и той же роли, ты всегда сравниваешь героиню с собой и пытаешься найти себя, и только ускользаешь. Иногда это пугает меня, потому что я не знаю, кто я, настоящая. У тебя бывает такое?

Но Янка не успела ответить. В дверь постучали.

– Девочки, нас приглашают на экскурсию в монастырь Девич, это под Сербией. Едете?

– Нет, – негромко, запекшимися губами, вытирая слезы, ответила Петра.

– Едем, – решительно сказала Янка.

- Тогда встречаемся внизу через четверть часа, будет автобус.
- Какой еще монастырь? С ума сошла? Мне еще монахов не хватало!
- Петра, надо взять себя в руки, развеемся. Жизнь – это не только театр.
- Но и не монастырь.
- Собирайся, Петра, послушай меня хоть раз. И надень что-нибудь соответствующее.
- Ну ладно.

Даже после нешумной Серблицы казалось, что в монастыре необычайно тихо и спокойно, словно монахи смогли своими молитвами очистить пространство от мирской шелухи. Сначала думалось, времени нет здесь, только вечность, среди белых построек под красными крышами, среди зелени деревьев, среди каменных плит на кладбище. Но потом виднелись они, эти признаки времени, которое врвалось сюда, в дом Бога, и разрушало его, истязало самые дорогие святыни и не щадило ни подвижников, ни икон, ни крестов.

«Монастырь Девич был впервые построен, – экскурсовод, сухопарый, загорелый мужчина в летах, с благородным, четким профилем, аккуратно зачесанными седыми волосами, повел их по монастырскому двору, – я говорю – впервые, потому что, увы, жизнь этой земли была бурной, и здания, дома, монастыри, словно люди, умирали и возрождались, правда, совершенно в ином виде.

Так вот, этот монастырь был впервые построен в первой половине пятнадцатого века. Деспот Джурдже Бранкович выстроил здесь в 1434 году церковь Введения Богородицы в память о выздоровлении своей дочери, в честь чего монастырь и получил свое название – Девич, девичий. Храм воздвигли на месте старой церквушки, основанной первым благодетелем монастыря св. Иоанникием. В 1458 году сын деспота Гргур, сохраняя связь семьи Бранковичей со святым местом, подарил монастырю колокол.

Монастырь несколько раз реконструировался, на сегодняшний день в нем несколько храмов: Введения Богородицы, св. Иоанникия и св. Георгия. В 1941 году, во время итальянской оккупации Косова, четыре храма и братский корпус были разграблены, осквернены, взорваны и разрушены албанскими нацистами. В монастыре, имевшем ранее свою переписную мастерскую, находилось богатое собрание рукописных и печатных книг. В пожаре 1941 года сгорели все старинные книги и иконостас с древними и новыми иконами. Тогда же была разрушена и пещера святого Иоанникия Девичского, находившаяся на холме, севернее от монастыря.

Фрески монастыря датируются пятнадцатым веком. Здесь вы видите изображение св. Иоанникия Девичского в одежде великосхимника с надписью на фреске «первый ктитор места сего», также лик св. Акакия, сюжеты

«Свадьба в Кане Галилейской» и «Исцеление расслабленного». Помимо этого слоя, существует второй слой фресок четырнадцатого века и третий – девятнадцатого.

Самой главной святыней монастыря является гробница святого Иоанникия Девичского, которая уцелела, несмотря на все войны и разрушения. Давайте пройдем к ней».

Примолкшие артисты покорно следовали за экскурсоводом, рассматривая фрески, вдыхая запах свечей и ладана, пока не остановились перед пожилым священником.

– Это отец Серафим, духовник монастыря. Ему, как никому другому, многое известно о чудесах, происходящих здесь.

– О чудотворной силе святого Иоанникия знали уже давно, в монастырской хронике сохранились письменные свидетельства об исцелениях еще со времени Средневековья. От моих предшественников в монастыре я слышал много рассказов о чудесах, происходивших у его мощей. Святой Иоанникий является покровителем монастыря и всегда изливал свою благодатную милость на тех, кто приходил и обращался к нему в бедах. У каждого приходящего к мощам святого Иоанникия, чтобы получить от него помощь и утешение, есть свое горе, свой крест. Святой видит помышления сердца всякого, кто становится перед его гробницей. Множество паломников приезжают в Девич, чтобы с помощью святого Иоанникия получить исцеление, быть услышанными в своих молитвах. Если вы хотите, чтобы святой помог вам в чем-то, вы можете обратиться к нему с просьбой, с молитвой, и если ваша вера сильна, то он обязательно поможет вам.

– И можно загадать желание? – спросила легкомысленная Рада.

– Можно, – улыбнулся монах, как улыбаются словам несмысленного ребенка.

Какое-то время все стояли в задумчивости, думая о самом сокровенном. Потом экскурсовод повел актеров в монастырский дворик, а Петра вдруг почувствовала, как кто-то взял ее за руку. Отец Серафим отвел ее в сторону, и Янка видела, как начал ей говорить что-то, тепло, участливо, от чего у Петра сразу прояснилось лицо и озарилось каким-то мягким и нежным светом. После экскурсии она так и ехала в автобусе, молчаливая, тихая, с особым свечением в глазах. Янка пыталась узнать, что же ей такого сказал старец, но Петра только сказала загадочное: «Он дал мне мир в сердце», а потом перевела разговор на другое. В тот вечер она играла вдохновенно как никогда. Когда после спектакля был выход к зрителям, публика хлопала ей с особым восторгом. Ее осыпали цветами, предназначавшимися Ясине Блажевич.

И именно ей подарили бутылку шампанского. Блажевич была вне себя. Она знала, что сегодня никто ее не заметил. Эти гастроли начали выматыв-

вать ее, еще не начавшись, она вдруг ощутила усталость каждого сыгранного в ее жизни спектакля. Из зеркала в гримерке на нее смотрела бледная, измученная женщина, которой нужен был отдых.

Болеслав Яра, прославленный режиссер, обладатель театральных премий, лицо светского общества, пил шампанское со своей замечательной актрисой Петрой Вишнич и другими актерами. Чувствовался небывалый подъем и радость, объединившая всех. Сегодняшний спектакль был одним из лучших за последнее время.

– А когда начнутся репетиции «Вечности»? – как всегда, не к месту спросила пухлогубая Рада.

– Думаю, в сентябре мы уже представим премьеру публике.

– Ясмина и Владо уже получили текст?

– Нет еще.

Петра покусывала край хрустального фужера и вдруг спросила, глядя Яре прямо в глаза:

– А не дашь ли ты мне роль Петкутина?

– Но это же мужская роль!

– Но другой же для меня нет.

– Ты – травести?! Нет, уволь.

– Ты еще не видел, как я играю, а уже говоришь «нет». Как это на тебя похоже. Хочешь быть в авангарде, а сам консервативен до мозга костей.

– До кончиков пальцев, – подхватил кто-то.

– До кончиков волос.

– До кончика носа.

– До самого-самого конца, – поставила точку Рада, и все рассмеялись.

– Яра, ну давай хоть посмотрим, как это будет.

– Яра, не жмись.

– Хватит тебе быть под женским каблуком.

– Яра, вся Европа будет в восторге.

– Ладно, черти, уговорили. Завтра, Петра, ты можешь одеться мальчиком с большими усами и порадовать труппу.

Вечеринка продолжилась, но уже без Петры, незамеченная, она выскользнула из театра и ушла в гостиницу спать. Ее сердце удивительным образом наполнилось миром и мягким пылающим огнем. Как никогда ей хотелось жить и быть именно собой, Петрой Вишнич.

«Вечность» была твердым орешком для любого, даже самого гениального и успешного режиссера. Едва только родившись на свет, она приковала к себе внимание творцов театрального действия, но до сих пор никто не отважился перенести ее на сцену, текст оказался весьма далек от традиционных представлений о сценичности.

Пьеса состояла из трех частей – пролога, основной части и эпилога. При этом пролог и эпилог были написаны в трех вариантах. Режиссер был вправе выбрать любые из них и, соединив с основной частью, поставить пьесу девятью разными способами. Яра долгое время пребывал в сомнениях, пока вдруг не решил сделать одновременно две версии: мужскую и женскую. Два спектакля с разными концами, исход которых зависел бы от мнения зрителей.

Когда эта идея пришла Яре в голову, он вдруг почувствовал, как сердце стремительно вылетает из груди от счастья, от ощущения верного решения. «Да, именно так», – твердил он себе, разыскивая своего сына Горана, художника, чтобы обсудить сценографию, ведь действие пьесы одновременно разворачивалось у древнего хазарского храма, в сербском городке семнадцатого века, Вене начала двадцатых и наши дни.

Яра перечитывал текст, он пытался понять, сможет ли высокая, гибкая, но все же женщина, Петра Вишнич, сыграть красавца с нежным лицом, юношу Петкутина, не будет ли это уже совсем недопустимым излишеством или, что хуже того, промахом? Петкутин по сюжету был слеплен из глины и одушевлен своим создателем и приемным отцом из рода деспота Джурдже Бранковича, киром Аврамом Бранковичем, уже имевшем двух сыновей, Вида и Гргура.

Гомункулус Петкутин встретил пятнадцатилетнюю девушку Калину и обручился с ней. Однако влюбленным суждено было умереть в 1688 году в Константинополе – в день свадьбы на руинах древнего театра невесту разорвали на части мертвые, и жених отправился за ней на тот свет, а потом они оказываются либо на кладбище у развалин античного театра в семнадцатом веке, либо в Вене в начале двадцатых. Один конец был печальным, а другой – счастливым. Яра закрыл глаза, перед ним стояла Петра, покусывая фужер, покусывая его, Яру, вызывающим мужским взглядом. Яра вдруг содрогнулся от мысли, что уже тогда она все решила за него. Или мир перевернется, или Петра будет играть Петкутина. Яра выбрал второе.

Он загнал всех, идея поставить «Вечность» вместе с Петрой в роли Петкутина внезапно объяла его, как болезненный жар, репетиции шли одна за другой, а ему все было мало, все было еще не так, не идеально, не совершенно. Даже Ясмينا подчинялась, как кролик, все меньше позволяя себе истерик и споров.

А Петра? Петра была великолепна. Она сочетала в себе женскую гибкость, податливость с мужской жесткостью и твердостью. И Яра, как вдохновленный мастер, творец, лепил из нее образ Петкутина. Иногда он так остро чувствовал успех, победу, что к горлу подкатывал комок, сердце замирало, и он боялся, что просто упадет без сознания.

И успех пришел. Присутствовавший на премьере автор пьесы объявил, что «постановка «Вечности» Югославского драматического театра воплотила в себе то, о чем он и мечтать не мог». В газетах и журналах появились рецензии на любой вкус, Яру хвалили, осуждали, им восхищались, но главное – он, как всегда, был в центре внимания. Фотографии Петры, двусмысленные фотографии Петры и Ясины, Петры и Яры обошли все полосы и первые страницы. Им вручали премии, их приглашали на фестивали, их звали на гастроли.

В одном из приморских городков Яра решил поставить спектакль на свежем воздухе, на новой площадке летнего театра, на берегу моря. Если все получится, так можно будет сделать и где-нибудь в других местечках Европы, и опять ему это запишут в плюс. Он не консервативен, он старается всегда идти вперед, пусть шаг за шагом, но зато не останавливаясь.

Яра сидел с краю в партере и следил за ходом спектакля. Вдруг он поймал себя на том, как искренне любит Петрой, не как актрисой, а как женщиной, красивой и талантливой. Вот она в языках синего пламени, полуобнаженная, вот за столом в доме Софии читает надписи на вилках и ложках, вот встречает Калину. «Как она прекрасна», – думал Яра, сидя среди зрителей и неотрывно смотря на каждый ее жест, взгляд, слушая вибрации грубоватого голоса. На мгновение он перевел взгляд на Ясмину. Сначала эти женщины ненавидели друг друга с необычайной страстью, а Ясмина даже с яростью и жестокостью, так, что ему пришлось приложить немало сил, умиряя их. Но потом между Ясиной и Петрой что-то произошло, появилась какая-то теплота и, что еще больше удивило Яру, взаимопонимание. Они не стали любовницами, но стали чем-то иным.

Калина. Откуда берется любовь, Петкутин? Откуда берется это сильнейшее чувство, радость и скрытая сила, что переливается из меня в тебя и из тебя в меня? Откуда все это берется в жизни человека?

Петкутин. Человек живет во времени. Но иногда в его жизнь вторгается вечность и прерывает бег времени. И человек называет это свершением или зачатием, это те моменты, когда человек служит вечности.

Калина. Но эта вечность постоянно меняется. Посмотри на нас, это началось так мягко и нежно, а теперь становится все сильнее и безумнее...

Петкутин. Потом достигает высшей точки и постепенно удаляется от нас, потому что вечность опять исторгает нас в наше бедное время. Это похоже на изгнание из Рая.

Началась любовная сцена. Ясмина устроилась на качелях, Петра подошла к ней и начала медленно их раскачивать; голые ноги Ясины были видны по обе стороны фигуры Петры.

Достигнув высшей точки, Петкутин снял ее с качелей и понес, все еще соединенный с ней, как в ослеплении.

Успокоившись, Ясмينا и Петра сели на скамейку. Яра сглотнул. «Изгнание из Рая».

Петкутин. На этих качелях ты настолько хотела, чтобы я был кем-то другим, что этим желанием даже превратила меня в кого-то другого в тот миг, когда я источал семя и не мог защищаться. Эти несколько мгновений я правда был кем-то другим. Скажи мне, кем я был?

Яра отошел покурить и долго не возвращался. Он был потрясен, хотя видел эти сцены уже много раз, сам придумал их и отрепетировал, но сегодня было столько огня и энергии в них обеих, что он почувствовал себя лишним, ненужным и очень-очень старым человеком. Спектакль заканчивался, призрак Калины беседовал с творцом Петкутина, Аврамом Бранковичем.

Калина. Дай мне один день своей жизни в обмен на три смерти.

Аврам. Хорошо. А на что тебе один день жизни?

Калина. Я хочу еще раз переспать с одним человеком, которого я любила. Я хочу любить его вечность и еще один день.

Аврам. Не думаю, что ты в выигрыше, Калина. Я знаю, что ты хочешь сейчас сделать и с кем хочешь встретиться. Тебе нужен Петкутин! Но прежде чем ты возьмешь себе три мои смерти, подумай о том, что этой встречи может и не получиться.

Калина. Пусть тебя не заботят мои заботы.

Аврам. На прощанье я открою тебе еще кое-что. Если на пути к Петкутину, а ведь ты ищешь его, вспыхнет синий огонь, ты его найдешь, но если полыхнет огонь красный, ты навсегда разойдешься с тем, кого любишь и ищешь по всем жизням и смертям. Вот тебе твой день!

В Калининой половине античного театра рассвело, появилось солнце. Калина сбросила красный плащ и предстала во всей своей красоте, обнаженная, едва прикрытая длинными волнистыми волосами. Но на половине Бранковича по-прежнему была ночь с луной и звездами, ночь, в которую, понутив голову, ушел печальный кир Аврам.

Калина вынесла на середину своего дня хазарский горшок, синий с золотом. Принесла воду и стала из глины месить Петкутина. Положив глину в горшок, начала шептать сороковой псалом.

«Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне, и услышал вопль мой. Извлек меня из страшного рва, из тинистого болота; и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои...» Раздались три удара колокола с ближайшей церкви. Калина палкой разбила горшок, из него вырвался красный огонь, но Петкутин не появился. Горшок так и остался пустым. Калина в отчаянии упала на землю и стала рыдать. «Ах, добрый мой ангел, неужели ты меня навсегда оставил?»

Освещение стало меняться, ночь начала пожирать день.

Калина еще смотрела на солнце, а когда оно зашло, вскрикнула три раза,

сорвала волосы с головы, будто шапку, обернулась в красный, словно от крови, плащ и вновь стала тенью.

Спектакль закончился. Все, не сговариваясь, спустились к морю. Тишина перемежалась шутками, кто-то принес вина. Петра в полном гриме – в мужском костюме, с подведенными черным глазами, в желто-синей шапке – подошла к воде и смотрела, как по дну скользят мальки, тени, как колыхаются водоросли. Влад приблизился незаметно, встал рядом, поглядел вдаль и вдруг сказал:

– Я знаю, какое желание ты тогда загадала в монастыре, – Петра оторвалась от воды и непонимающе взглянула на Влада. Тот, не смущаясь, продолжал.

– Ты захотела себе роль мужика, да, вот такого, в штанах, в сапожищах, мужика. Не смешно тебе, Петра? Хочешь сказать, что здесь некому играть мужчин? А может, тебе чего-то не хватает? Нормального парня рядом, который мог бы тебя радовать утехами? Думаешь, это нормально – исказить свою сущность? Хочешь каждый раз трахать Ямину, пусть на сцене, пусть играя? Ты женщина, Петра, и от этого всего ничего нового между ног для тебя не добавится. А ты ведь это загадала? Да, Петра?

Самовлюбленное лицо его было зло и бледно. Петра резко откинула шапку на песок и стала снимать сапоги.

– Откуда ты знаешь, что я загадала, Влад? Откуда? – Петра сделала шаг к морю, ветер трепал ее распущенные черные волосы. – Ничего ты не знаешь, Влад, потому что только Господь знает наши пути, – сказала Петра и пошла по воде, прямо по водной, спокойной глади.

Там, на берегу, все замерли в молчании, не понимая, была ли это иллюзия или театральная сцена, а Петра шла, не оглядываясь, и вера ее была больше, чем горчичное зерно. Больше Петру никто не видел. Говорят, она дошла по воде до монастыря, постриглась в монахини и молится где-то за нас.

А потом началась война, «Вечность» долго не шла, под бомбежками она была не к месту. В июне 1999 года в монастырь Девич вломились албанские экстремисты. Три дня длилась оккупация монастыря, три дня святыню разрушали, оскверняли и грабили. Гробница святого Иоанникия была вскрыта, монахини и отец Серафим претерпели избиения и надругательства и чудом остались живы. Сына режиссера, Горана, не было в стране, когда все это случилось. Неприкаянный, он бродил по свету и не знал, куда возвращаться, ведь так мало осталось от того, что он когда-то любил. Хотя сейчас у него появилась надежда на свой дом, свой очаг, на то, чтобы вырваться из потока времени и начать все сначала. Может быть, ему повезет.

«Такая вот история», – закончил Горан. Я смотрела на него влюбленными глазами и знала уже, без всяких предсказаний, с кем проведу отпущенную мне вечность и еще один день.

Евгений Эдин

Родился в 1981 году. Окончил Университет цветных металлов и золота. Работает корреспондентом на «Радио России – Красноярск». Публиковался в журналах «День и ночь», «Полдень, XXI век».

Абсолютный слух

Навстречу Дену поднимались с сидений равнодушные взгляды: «Опоздал? Надо было раньше просыпаться».

За спиной остались две трети салона, но свободного места так и не было. Вдобавок, на пути встал чудовищный кофр, в который можно было засунуть два контрабаса.

Побежденный Ден остановился. Обвел взглядом неисследованные дебри – глаза, сумки, лысины, волосы, дети, старики... На галерке уютно расселилось целое семейство армян. Казалось, оно успело прямо здесь размножиться и наладить бизнес.

Ден затравленно посмотрел на ближайшую пассажирку. Симпатичная девушка – с пухлыми губами, рыжей копной волос и скулами. Из-под кожаной куртки белел топик. На соседнем с девушкой сиденье теснились сумки.

– У вас не занято?

Она подняла серые глаза, в которых ничего не прочиталось. Потом так же безразлично начала снимать сумки и ставить под ноги.

– Спасибо, – с чувством сказал Ден.

Сел, аккуратно поставил рюкзак под ноги...

Автобус жил своей суетливой жизнью. На задних разрывали упаковку чипсов, сетовали на дороговизну и ссорились из-за оставленного зонта. Двое громко разговаривали по телефону, можно было подумать, что друг с другом – так удачно складывались фразы.

Впереди, из наушников плеера, доносилась музыка. Собственно, только плоский голос певца. Казалось, он нарочно фальшивит: ну нельзя так плохо спеть случайно! Этот эффект фальшивости получается, когда музыка звучит из наушников; но, конечно, и сам по себе этот певец...

И как это люди настолько неразборчивы к звукам? От неприятного запаха зажимают нос, придирчивы в одежде и еде, а звуки... Большинство полностью лишено звукового вкуса!

Контролерша закончила проверку билетов, пискнула «доброго пути» – дешевым, вульгарным голосом – и захлопнула дверцу. Можно ошибиться во внешности, в характере, но по голосу можно понять о человеке больше. На голос не так просто нацепить дорогие тряпки и купленный диплом. Если ты быдло, это сразу слышно. Если умник – тоже. Интеллигента голос выдает с головой, как дрожание рук – пьяницу.

Взревел мотор...

Выехали с вокзала, проехали минут десять по городу и вышли на трассу, набирая скорость: модуляция в «фа», легато до «соль бемоль», потом «соль»... Грязно, но все же – «соль».

Ден прикрыл глаза, привычно вслушался. Вот пишут: «Ровный рев мотора». Пфф! Ну как можно не слышать, что в двигателе автобуса – три изменяющиеся звуковые темы? Для этого не надо быть профессиональным настройщиком, как Ден. Ну две-то точно – слышны сразу и любому; третью, самую низкую партию, пожалуй, различить сложно... И ведь все они постоянно «плавают» – в зависимости от того, какая дорога: ровная или кочками, в гору или под гору... «Ровный рев». Да даже если автобус стоит – и то мотор «играет»! Идет хоть и незначительное, но постоянное «глиссандо». Прослеживается легкая пульсация, «кантилена». Наверное, имея толику таланта, можно создать целое музыкальное произведение. «Автобус в горах», например. Или там – «Народная Икарусная». Хорошее название – «Народная Икарусная»!

...Ландшафт был унылый. Кашу из жухлой прелой травы поливал мелкий, никакой, без особых примет, дождь. Вдали, сквозь туман, угадывались такие же ко всему равнодушные, прозрачные деревья. Свинцовые тучи вызвали мысли о денежных трудностях и третьей, басовой части «Лунной сонаты». Где «пам, пам, па-а-ам – с нажатием педали; пам, пам, па-а-ам...».

Салон спал. Кроме шума мотора, ничего не было слышно.

Колено соседки тепло прикоснулось к его колену и тут же, будто сказав: «Ох, простите», ушло обратно в пустоту... «Да ничего», – сонно сказала колено Дена. – «Даже приятно».

Снова теплое прикосновение. Колено Дена приготовилось сказать «Да ничего», но колено соседки не извинилось и не отодвинулось. Видимо – дремало. А колено Дена, наоборот, проснулось и напряглось. Но не от неприятия, а показывая, что на него, настоящего мужчину, всегда можно опереться.

Приятное ощущение. Когда какая-нибудь незнакомка в автобусе или в лифте вдруг прикасается; даже если просто – краем одежды. Может, сначала и отдернешь руку, инстинктивно, а потом поймешь: приятно...

Острый каблучок встал на ботинок Дена.

У Дена перехватило дыхание. Бух-бух-бух...

Каблучок подумал и остался. Еще и нажал, проверяя на вшивость. Стало немного больно, но в десять раз больше – приятно, возбуждающе.

Девушка вздохнула во сне (?); чуть шевельнулась.

Ден собрал на лице невозмутимое выражение, притворился крепко спящим и ничего не ощущающим.

Каблучок впивался в ногу. Ден чувствовал болезненное биение пульса.

Слетели остатки сонливости. Он чувствовал неизведанное ликование всех клеток вперемешку с болью в ноге.

Он повернул голову, сквозь приоткрытые глаза попытался рассмотреть объект неожиданной страсти.

Глаза незнакомки были по-прежнему закрыты, грудь спокойно поднималась и опускалась. Джинсовая юбка открывала безупречные колени. На коленях лежала зеленая, под цвет, сумочка – на ней дремали руки с длинными серебристыми ногтями. Безупречные ноги, затянутые в черные сапожки, уходили вниз, под переднее кресло, где в темноте невидимая шпилька преступно впивалась в ногу Дена... А какие полные, тугие губы!

У Дена пересохло во рту.

Девушка снова вздохнула и пошевелилась; кажется, дрогнули ресницы и замерли снова. Потом – черт! – она убрала каблучок, колено и отодвинулась ближе к окну.

Живительное тепло перестало поступать в Дена. Как будто наступили на шланг.

Ден с трудом не выдал разочарования. Закрыв глаза, он ждал. Надеялся, что последует какое-то продолжение. Может быть, теперь он почувствует руки или...

Автобус мерно глотал километры. Люди дремали.

Девушка не двигалась. Колено холодело.

Ден чувствовал себя собакой, которой дали проглотить шкурку колбасы на ниточке, и теперь, жестоко смеясь, вытянули ее обратно.

Глянул в другую сторону, через проход – отвлекся. Напротив спит женщина в светлом плаще, «усадив» клетчатый баул на соседнее кресло. Спит некрасиво – открыв рот с жирно покрашенными, уже подвялыми губами. В расслабленных пальцах нерешительно замер телефон, размышляя – упасть или подождать.

Ден закрыл глаза.

Мотор по-прежнему выдавал три темы с небольшими вариациями. Скучное произведение. Можно было, пожалуй, задремать под него, если бы сонный настрой не растоптал каблучок жестокой девушки. Хоть считай овец, честное слово...

Ден с закрытыми глазами придвинулся ближе, еще ближе, еще – пока не почувствовал коленом источник живительного тепла.

Сердце повисло в ожидании; девушка не отодвинулась.

Что было, правда, уже и невозможно – но она не выказала и никаких признаков неудовольствия.

Ден удовлетворенно хмыкнул про себя. Совсем другое дело. Хотя драйв куда-то исчез. За час поездки Ден уже по привычке к соседке и сейчас считал прикосновение коленом чуть ли не законным. Кто-то целуется через неделю, кто-то на первом свидании. А когда можно прижиматься коленом?

Ден осторожно притиснулся бедром. По телу побежали мурашки.

Девушка не двигалась, не просыпалась.

Сам себе удивляясь, он разомкнул руки, до сих пор сцепленные замком на коленях, и начал медленно двигать ладонь по бедру. Еще сантиметр, еще... туда, где его бедро срасталось с ее. Граница между своим и чужим практически растворилась.

...А если – скандал? Хотя мало ли как бывает во сне! Какое теплое, податливое... Только толстые колготки притупляют...

Ден слегка шевельнул пальцами.

Девушка не реагировала.

Она просто не может не чувствовать! Следовательно – притворяется. Видимо, это правила игры. Он сдвинул руку еще и еще, пока она не оказалась полностью на ее территории.

Ден отчаянно «спал»: его голова свесилась на грудь, дыхание было глубоким, медленным. И только пальцы руки все смелее искали, бродили, массировали...

Ден приоткрыл глаза.

Рука лежала на бесчувственной зеленой сумочке. Сумочка надежно укрывала возделенное бедро от Деновых поползновений.

Сердце подпрыгнуло до горла. Бу-у-ух! Бух-бух-бух...

Быстро убрал руку, захлопнул глаза. Подождал с полминуты... А ведь могла принять за вора, поднять крик! Идиот. Артист музкомедии... Петрушка хренов. А вдруг она... Ден снова осторожно повернул голову к девушке, приоткрыл глаза.

Лицо девушки оказалась повернутой к нему. Глаза – фу ты, черт!.. – ...нет – только показалось, что открыты. Не ожидал увидеть так близко, совсем уж в упор это матовое лицо, пухлые губы, вот и додумал в секунду... Нет – ну, черт, а! Совсем как восьмилетка, сташивший непонятные до возделенности тампоны! Скоро Красноярск. Неужели все это так и кончится – ничем?! Мысль об этом была невыносима. Кровь стучала в голове.

Но все-таки... А если, а если – он же вроде как спит, да? Ну вот, спит он, спит... И его голова, допустим – опа! – наклоняется так, съезжает так постепенно, сонно... Приближается все ближе к лицу... Да, вот так, осторожно, тяжело...

...к этим приоткрытым губам. Бух, бух-бух-бух...
...ее взбившиеся волосы щекочут лоб, нос. Бу-бу-бух... Бу-бу-бух.
...он уже ясно чувствует, втягивает в себя ее дыхание. Мягкое, свежее дыхание. От компании «Тик-так» или «Ментос». Бух-бух-бух. Бух. Его дыхание тоже должно быть приятным... Бух... после конфеты.

Слабо поцеловать, Ден?

Слабо?

Слева что-то упало, загремело о пол; Ден отпрянул. Девушка вздохнула и отвернулась. Ну мать вашу, а! Ну что еще там?!

Повернул голову налево. Тетка, спавшая с открытым ртом, шарила рукой под креслом, разыскивая сбежавший телефон.

Ден с тихой ненавистью отвернулся от тетки.

Незнакомка сидела с открытыми глазами, сонно хлопая ресницами.

Финиш...

Ден незаметно отодвинулся подальше – не нагнать; хотя колено оставил на месте. Чуть-чуть, а все же – есть контакт. Девушка вытащила из сумки телефон и стала набирать СМС длинным ногтем большого пальца.

Ден с жадностью смотрел на телефон. Узнать бы номер – можно было бы прямо сейчас завязать переписку. Заодно и узнать, как у нее с общением...

Не было номера.

Чертова интеллигентная нерешительность – с детства мешает знакомиться...

Так. Ее номер неизвестен. Зато у него самого есть телефон. Ден вытащил из рюкзака свой «Самсунг», разблокировал.

Как можно его использовать? Да живее же – полчаса до вокзала! Ну разве что совсем тупо, скажем, написать... что написать-то?

Палец нервно запрыгал по кнопкам: «Извини, я во сне не слишком к тебе прижимался? Ты такая уютная. Ничего?» Вопросительный знак, лыбящийся до ушей смайлик... Глуповато, конечно. Зато присутствует флирт и сразу как бы предложение... Ладно, на худой конец сойдет.

Теперь просто передай, и все. Протяни, и все. Ну?!

– Вот, вам тут... пришло, – сказал Ден сдавленно, протягивая телефон.

Девушка непонимающе, но мило улыбнулась. Близко поднесла телефон к глазам: близорукая.

Взгляд пробежался по экранчику. Улыбнулась, показав крупные зубы.

Ден внутренне сиял.

Не глядя вернула телефон Дену. Снова улыбнулась своим коленям и сказала:

– Да ничо...

Неприятным, словно полным слизи контральто. На пэтэушный манер произнеся «ч» – между «ч» и «ць». Жлобски протянув «о».

Оставшиеся полчаса Ден разгадывал сканворд. Она – тыкала длинным ногтем кнопки телефона. Цокнула языком, когда долго стояли в пробке на въезде в город. Ден поморщился.

Алексей Захаров

Родился в 1971 году в городе Кургане. В 1993 году окончил Курганский машиностроительный институт. Работал инженером-механиком, менеджером, занимался предпринимательской деятельностью, одновременно поступил в Курганский государственный университет на специальность психология. Участник Всероссийского семинара «Очарованные словом» (Красноярск, 2005 год), V, VI Форумов молодых писателей в Липках (Москва). Публикации: журнал «Москва», сборник «Новые писатели».

Колокола небесные

Баба Тома, тихая, приветливая старушка, с белым улыбчивым лицом и ласковым голосом, прозванная из-за малого роста и безвредного нрава Птахой, жила в хоть и небольшом, но добротном пятистенном доме на центральной улице Поляновки. В самом, по ее мнению, наудачном месте. Если по-настоящему разобраться, в деревне всего одна улица и имелась, просто когда-то местные жители разделили ее негласным сговором промеж себя на две части: «центральную», то есть старую часть, с какой деревня изначально и зарождалась при своем основании, и «новую» – послевоенное продолжение улицы, заворачивающее за бревенчатым, почерневшим от времени и опасно покосившимся бывшим колхозным складом вправо, к пустынному асфальтовому шоссе, которое петлей подползало к селению, а после снова терялось между березовых колков. Так и укоренилось. Вроде бы и ерунда, улица ведь все равно одна. Но с тех пор, как в середине пятидесятых поставлены были за брошенным складом первые три свежих дома, стали поляновцы намеренно уточнять в разговорах, кто где живет. Кто на «центральной» улице, а кто на «новой».

Баба Тома всю жизнь прожила на «центральной», в светлом пятистенке с черемуховым палисадником. И дальше бы жила, да силы быстро уходить начали...

Весь последний десяток прошлого века потихоньку хирела деревенька, вместе с жителями оставшимися старилась, умирать готовилась. Больше половины домов стояли в ней сиротами, с наглухо забытыми ставнями, никогда не открывающимися. Как страна развалилась, обмерла сперва Поляновка, оцепенела, а потом и исход начался. Поехала молодежь кто куда. Чаше в ближние города на заработки, бросая дома со скарбом и воющими от тоски и страха собаками. И остались в деревне почти только одни старики, которым ехать было некуда и незачем и которые год от года неизменно убывали числом своим по естественной, никогда не отменяемой причине.

По обеим сторонам от Птахи не сохранилось уже ни одних соседей. По правую руку давно хозяева избу кинули, а слева – подругу ее, Матрену Слепушку, застенчивую, богобоязненную старуху, у которой один глаз с раннего детства вышибленным был, – в начале лета на кладбище свезли и зарыли. Через дорогу – окна напротив, – тоже старик с год как умер. Крепкий духом был. Ветеран. Долго в одиночку боролся с давними болячками, не поддаваясь ни смерти, ни уговорам сыновним переехать в город в бетонную квартиру. Дом потом несколько месяцев пустой стоял, а в конце весны купили его у сына городские под дачу. Слыхала Птаха от Костяныча, что последние годы зажиточные горожане стали с интересом приглядываться к домам в окрестных деревнях.

Места-то вокруг Поляновки лежат красивые и всем богатые. И лесом со светлыми полянами и небыстрой рекою с природными пляжами и спокойствием завораживающим. И от города не так далеко. Вот потому городские и начали присматриваться к Поляновке, силясь хоть на выходные сбегать от сумасшедшей деловой жизни.

...Баба Тома, как обычно, по деревенской манере проснулась рано, однако без надобности – коровы давно не было, за молоком ходила на конец «центральной» улицы, к Дарье Ключиной, – свесила с широкой старинной кровати бледные дряблые ноги и долго сидела так, приходя в себя со сна. Она то чумно и слепо глядела на фигурные алюминиевые шишки на заглавной спинке, то переводила невнятные глаза на кошку, сонно жмурившуюся у порога комнаты, и никак не могла разобрать – где она находится. Сначала Птахе казалось, что сидит она в кухне на лавке, приставленной к шершавой белой стене печи, но тут же глянув на алюминиевые шишаки на железной спинке, все же соображала, что это не лавка. Тогда, думая, что сидит она на кровати в комнате – как на самом деле и было, – она обводила невидящим взором стены, сундук у двери, темный лаковый буфет, застеленный клеенкой круглый стол, большое, почерневшее пятнами, вставленное в деревянную раму прямоугольное зеркало и, не узнавая своего жилья, снова не могла взять в толк, где она и как тут очутилась...

Последние тридцать с лишним лет хозяйствовала Птаха самостоятельно, без помощников. Так уж случилось, что родственниками и поначалу она не слишком богата была – вытоптал лихой двадцатый век всю семью ее, а к старости, на закате этого самого века, и вовсе оскудела баба Тома роднею. После войны осталась Птаха без мужа, затем и маленькую схоронила – быстро сожрала болезнь дочку ее. Были у нее где-то дальние родственники в шумном городе, да Птаха не ведала где. Единственная сохранившаяся близкая душа, сын Николай, слава богу, вырос, отслужил в армии, а женившись, уехал в район, не захотел в земле ковыряться. Сперва родилась у него с женою девочка. Жили хорошо, не богато, но добротнo, обрастали потихоньку вещами. И мать Николай не бросал, часто приезжал к ней с молодухой и ребенком. Потом вроде бы и второго зачать надумали, да не сложилось. Умер Николай внезапно, неожиданно. Если бы болел до этого или хотя бы жаловался на что, нет, здоров был. Пришел с работы вечером в бодром настроении, отужинал, повозился с дочей, сел на диван с газеткой и так за чтением советских новостей и умер – сердце вдруг разорвалось по неясной причине.

После смерти сына совсем реденько стала видеть Птаха и сноху и внучку. Те на работе да на учебе, а Птаха – с хозяйством своим деревенским. Пока могучая была, все ведь скотину держала, корову с теленком, кур, гусей, один год – свинью.

А со скотиной, известное дело, куда надолго уедешь? Не бросишь ведь животину. То одно, то другое, да огород еще. Когда выдавалось время свободное или бывала баба Тома по каким пенсионным или больничным делам в районе, всегда навещала внучку, да не всегда заставляла. Наташка или в школе – после в педучилище, или шастает беспризорная по подружкам, покуда мать на работе. Птаха подождет, потопчется на лестничной площадке возле двери, если лето – посторожит на скамейке перед кирпичной трехэтажкой, потом, боясь не опспеть на электричку, постучится в соседскую дверь и, выпрастывая из суконной сумки двухлитровую банку со сметаной или с янтарно розовеющей домашней тушенкою, попросит передать «моим, когда домой воротятся».

До прошлой недели Птаха внучку раза три-четыре всего и видела. Теперь Наташка превратилась в немногословную, хозяйственную женщину. После училища там же, в районе, замуж вышла, детей родила. В середине смутных девяностых, когда с работой туго было, устроилась в детский сад воспитательницей и с тех пор в нем и трудилась. Мать ее, Птахина сноха, сразу после Наташкиного замужества оставила квартиру молодым и перебралась к бессемейной сестре в город. С той поры Птаха с Наташкой не виделась. Собиралась съездить, повидать внучку, да все откладывала, то дом боялась бросить – вдруг безобразники залезут, то сил нет – лежит на кровати болеет, то с огородом возня. А зимой и вовсе со двора днями не выходит. Куда ехать? Темнеет рано и скоро. А три недели назад, предчувствуя надвигающуюся немочь, попросила она Копылова, чтобы тот, как в район поедет, разыскал садик, в котором Наташка работает...

...Постепенно ясность сознания возвратилась к Птахе. Она еще немного посидела на кровати, трогая большими, узлистыми пальцами грубые алюминиевые украшения на железных спицах спинки, затем, удивляясь, как это с ней такое происходит, слезла с постели и принялась прибираться. Подобная смурь с нею и раньше, в прежние годы, раза два случалась, но протекало все мимолетно, поверхностно. Обнесет, будто пьяным ветром обдует, смешает мысли в голове, а через минуту отпустит, возвратится все, и мир вокруг всегдашним делается. А в этот год совсем плохо стало происходить. Забываться она начала все чаще и сумрачней. В июне однажды пристал к ней недуг посреди дороги, когда она от Клюшкиных с молоком шла. Птаха и заблудилась средь бела дня в родной Поляновке, дом свой мимо прошла и уже почти за деревню к колкам выбрела, да ладно Костяныч увидел, догнал и привел домой. И так с возрастом ослабла телом, а тут еще и мозги отказывать начали. Чувствовала Птаха, что немочь совсем близко подобралась к ней, скоро в собственном дворе теряться начнет. Если б не голова, не страшилась бы Птаха одинокого своего будущего. Шлепалась бы помаленьку, покуда

руки ложку держат, да с Костянычем в карты и лото накопейки поигрывала. А там глядишь, и колокола небесные зазвонили бы, позвали к себе в высь...

Одевшись и расчесав после спанья короткие седые волосы пластмассовым гребнем, баба Тома вышла в тусклые, прохладные сени, а после, придерживаясь рукою за стенку, и на крыльцо. На улице было солнечно и по-осеннему свежо. Сентябрь уже давал о себе знать. От коровьей стайки, рядом с которой стояла собачья конура, звякая цепью и вывалив на сторону длинный язык, к ней подошел коренастый, лохматый и вечно серьезный Мишка. Пес обстоятельно обнюхал хозяйкины калоши, задрал вверх большую голову и, болтая хвостом, стал неотрывно смотреть слезящимися глазами в Птахино лицо. Мишка был стар и беспороден. Шерсть серыми клоками свисала с его боков, желтые клыки были наполовину сточены, но службу свою он, как и в молодости, продолжал нести исправно. В жизни Мишка не знал ничего кроме цепи, покрытой куском рубероида дощатой будки и загаженного курами крохотного двора, который изо дня в день самоотверженно охранял. Поэтому, когда хозяйка в последний год заимела привычку нет-нет да и снимать с него брезентовый ошейник, желая тем самым порадовать пса недолгой свободой, тот, не понимая, зачем она это делает, садился возле будки и удивленными глазами смотрел на нее. Не ведома была Мишке радость свободы. А вот возможность поплясать для него действительно было подлинным счастьем. Стоило Птахе стать перед Мишкой и начать хлопать в ладоши, по-старушечьи скрипуче затягивая «танцу-уй, Миша, танцу-уй, Миша, ап-ап-ап. Тай-да, тай-да, тай-да, тай-да...», пес тут же хватал зубами валяющуюся возле будки эмалированную миску и вместе с посудиною в пасти принимался кружить вокруг хозяйки, опутывая ей ноги цепью.

– Ну что, Мишка, проголодался? Покормлю тебя сейчас, покормлю, родной, – Птаха через силу склонилась и погладила пальцами плотную сальную шерсть меж собачьих ушей. «С собой тебя возьму, не оставлю здесь одного пропадать, уговорю, поди, как-нибудь... Ты вон какой цирковой у меня и ловкий, даже плясать умеешь», – жалостливо подумала Птаха, оглядывая залитый утренним солнцем двор и трех пестрых кур, важно вышагивающих у ворот по росистой траве.

Она постояла еще с минуту у стайки, потом, прихватив Мишкину миску, держась за поясницу и припадая на одну ногу, вышла в огород. Там она основательно осмотрела все кругом, хотя кроме четырех скудных грядок с тыквами и увядающими помидорами и осматривать нечего было – картошку на зиму у тех же Клюшкиных покупала, – и вернулась в дом. В кухне налила в миску давнишних щей, туда же наломала сухарей, выловила из кастрюльки и бросила в мешанину несколько картофелинок и, опять выйдя во двор, поставила чашку к будке.

Мишка, бренча цепью, сразу сунулся к миске, понюхал, серьезно и с благодарностью поглядел на Птаху и не спеша принялся лакать. А она села на лавку возле жестяной бочки, в которую по шлангу с крыши накапливалась дождевая вода, и, отгоняя надоедливых, кусачих в эту пору мух, принялась наблюдать за Мишкой и курами.

Вскоре солнце стало припекать сильнее, и Птаху ушла в дом. Похлебала молока с хлебными крошками, затем с полчаса просидела за столом, слушая радио и разглядывая в окно улицу. Голос диктора слабо доходил до ее сознания. Отдельные слова, цепляясь, сохранялись в уме несколько секунд, но смысл она все одно не понимала. Нужно было вслушиваться, соображать, а она никак не могла сосредоточиться, к тому же ее стала одолевать зевота. Птаху поднялась с табурета и перебралась на застеленную кровать, собравшись немного полежать. Устроившись, она еще сколько-то времени все-таки пыталась слушать радио, но постепенно задремала и уснула незаметно, неглубоко.

Проснувшись Птаху, оттого что громко состучала входная дверь. Она открыла глаза и, разбирая спросонья, как скрипят в кухне чьи-то шаги и в такт им что-то деревянно бьет об половицы, в ожидании взялась смотреть на занавешенный голубым ситцем дверной проем комнаты. «Мишка не гавкал, спокоен был, выходит, кто-то свой в избу вошел», – решила Птаху, поджидая нечаянного гостя.

На пороге появился Костяныч. В пыльном, с пятнами, черном пиджаке от старинной железнодорожной формы, в хэбэшных рабочих брюках и серой, в елочку кепке. С неизменной, тонкой, собственноручно выструганной сосновой палкой в руке. Он остановился на входе и, отдыхая, принялся искать ее – шарить по комнате подслеповатым взглядом.

– Ты, чего ж, Птаху, занедужила, что ль? – беспокойным голосом осведомился Костяныч, найдя ее лежащей на кровати.

– Да нет, так что-то сморило меня, – ответила Птаху, садясь на постели и перевязывая на голове сбившийся платок, – легла посоветь немного и заснула.

– День на дворе, а ты спишь. Так, Птаху, и царство божье прошляпишь, колокола небесные не услышишь, – усмехнулся Костяныч, пытливо вглядываясь в нее.

– Не просплю, – отмахнулась от его поддевки Птаху, – они ж, поди, небесные, не простые. Особые, стало быть. Чтобы, как звенеть начнут, нужный человек услышать их мог. Где б ни был.

– Ну-ну, – протянул Костяныч и, морщина ногами дмотканый половик, прошаркал к столу.

– По что, старенький, палку-то в сенях не оставил? – незлобиво пробур-

чала Птаха, наблюдая, как гость пристраивает свой посох слева от окна, под семейными фотокарточками.

– Уташат.

– Кто уташит-то?! Мишка что ль?!

– Не, Мишке я доверяю, у нас с ним дружба, – ответил старик и, пряча улыбку на заросшем седой щетиной лице, снял кепку и положил ее на стол. – Куры могут уволочь. Они у тебя шустрые, везде без спросу шныряют. Давеча со двора у меня колун похитили, он у мучного ларя прислоненный стоял. И еще у кобеля кость умыкнули. Сосед Тихон через забор видал.

Костяныч тоже жил один. Влево, наискосок через дорогу, четвертый дом от Птахи. Невысокий, даже маленький, порядком высохший к своим восьмидесяти трем летам, при любых обстоятельствах он неизменно сохранял веселую бодрость духа – ценное качество, приобретенное им еще в молодости и закрепленное в зрелые годы. Жизнь у него выдалась геройская, с огнем и железом. Забрали Костяныча из Поляновки молодым парнем в финскую, а возвратили тертым мужиком осенью сорок пятого, с обрубленными фалангами на левой руке и пробитыми навывлет пулей обеими щеками. Жена Костяныча, Александра, лет пять как умерла. Дети еще после школы по другим местам разъехались. Дочка обосновалась в районе медсестрой, а сын поселился в городе. Но не забывали они отца, раз-два в месяц наезжали с семьями, помогали старику по хозяйству. После смерти жены Костяныч крепился. Заимел привычку подолгу прогуливаться по деревне – «убегать от смерти», как он говаривал. Когда погода позволяла, и когда не лежал пластом от хвори на скрипучей узкой тахте, выбирался старик из дома на улицу, следовал до ее конца с передыхами и разговорами – если встречал по пути кого из деревенских, – потом возвращался назад и заворачивал в Птахин двор обменяться новостями и поиграть в карты. За пять лет вдовства было пару случаев, когда предлагал Костяныч Птахе доживать век вместе, чтоб обоим легче, сподручнее было. Да всякий раз дело останавливалось из-за того, что никто не хотел свой дом без пригляду бросать и переходить жить в чужой. Из-за этой закавыки не сладилось у них дело. Так Костяныч и продолжал навещать Птаху, проводя с ней время за игрой на копеечки да обсуждая немногочисленные поляновские пересуды.

– Ты, небось, за колуном ко мне явился? – подыгрывая Костянычу, с лукавством в лице осведомилась Птаха. – Иди у курей и справляй.

– Нет, поздно теперь, Птаха, справлять, – притворно вздохнув, сказал старик. – Тихон говорит, видал, как твои куры мой колун к Ключиным снесли. На самогонку обменяли.

– Врет твой Тихон, Костяныч, не мои это, – улыбнулась Птаха. – Мои на дворе ходили.

– Как врет?! Он же сам видал. Ты, поди, с ними тоже самогонку пила?

– А с чего он сочинил, что это мои куры были? – Птаха поднялась с кровати и, пошатываясь от внезапно нахлынувшей слабости, маленькими шажками посеменила к столу. – Ой, что-то темно в глазах сделалось, как бы не пасть, Костяныч. Дай скорей руку. – Добравшись до табурета, она, прежде чем опуститься на него, точно невидящая ошупала ладонью сиденье – надежное ли.

– Как с чего взял? – не унимался старик. – Только твои куры, Птаха, в деревне колуны воруют. У Копыловых, у тех куры лопаты да грабли ташат.

– Да ну тебя, – перешла на серьезный тон Птаха.

– Ну ладно, раз не желаешь сознаваться, не надо, – Костяныч умолк и, щурясь на свет, взялся смотреть в окно, за которым сквозь черемуху виднелась безлюдная улица. – Давай тогда в лото сыграем. Может, я за колун в обратку отыграюсь. Чтоб не в убытке быть. Сыграем по копеечке, а, Птаха?

– Погодь, Костяныч, дай оклематься маленько, – попросила она.

Несколько минут Птаха сидела на табурете, устремив задумчивый взгляд на сундук, беззвучно шевелила малокровными сухими губами, и бессознательно гладила рукою шерстяную ткань платья на коленях. А Костяныч все смотрел и смотрел, щурясь, в окошко. Затем Птаха медленно и нетвердо поднялась и так же, как утром, взявшись за поясницу, проковыляла в кухню.

Возвратившись в комнату, она ласково спросила:

– Будешь булки с молоком есть, старенький? Я вчера булок что-то страсть захотела, завела теста немного и напекла в печи.

– Нет, булок не хочу, – откликнулся Костяныч, глядя на Птаху, – вот повалиху бы ноне поел. Повалихи хочу. А тебе молока не требуется, Птаха? Я у Клюшкиных на твой пай купил утром.

– Молока? Нет. Не надо. У меня до завтрава есть, а после в магазине брать буду.

– За тобой завтра приедут? – сообразил старик, припомнив что-то. – Собралась уже? То-то смотрю становина новая на тебе. Нарядилась.

– Завтра, Костяныч, – Птаха опять присела к столу и, думая о чем-то тревожном, опустила неуверенное лицо.

– Кто приедет? Внучка?

– Наталья, с шофером, чтоб вещи перевести.

– У нее, стало быть, доживать будешь. В районе.

– Там. Они материну квартиру давно продали. У них теперь дом собственный, плитовой, на четыре комнаты.

– Большой, – со значением покачал головой Костяныч.

– Большой, – согласилась с ним Птаха.

– А свой дом как же? Куда?

– Свой я Наталье отписала. Она на прошлой недели с натарисом сюда приезжала, с бумагами.

– Продаст дом внучка твоя, – Костяныч пошарил в кармане пиджака, вынул скомканный носовой платок и вытер сочащийся нос.

– Пускай продает, не пустому же ему стоять, нечисти заводиться. Возьмут городские под дачу. У меня место удачное.

– А Мишка как же, Птаха? А куры? Придется мне Мишку взять к себе на довольствие.

– Нет, Мишку с курами с собой заберу. У Натальи дом свой, место во дворе, небось, найдется.

– А ребятни у нее сколь?

– Две девочки.

– Ну вот, да ты еще третья... Доживала бы уж у себя, Птаха. Дотянули бы как-нибудь до колоколов небесных, а... Сама говоришь, не прокараулим их. А там бы и зарыли нас, не оставили бы наверху валяться. Сколько по свету топчусь, ни одного покойника, Птаха, не видал, чтоб сверху земли валялся, – уверенно, со значением сказал Костяныч, снова вынимая платок из кармана.

– Нет, Костяныч, не смущай ты меня, – вдруг испуганным, близким к плачу голосом попросила Птаха, – я и так извелась вся. Боязно... И в зиму оставаться одной страшно. Обессилила. Зимой печку топить надо, по воду ходить, двор занесет – снег подчищать. Да и, сам знаешь, водить меня начало, не соображаю, что делаю. Вьюшку запоматую открыть, угорю, буду мертвая валяться, мыши объедят, и никто знать не будет... Ты тоже не сиди завтра помрешь, сам еле топаешь. На три года меня дряхлей. А Наталья я дом отписала, и пенсия у меня нажита. Доходят, поди... Я им не в тягость буду, – последнюю фразу Птаха, произнесла с едва приметным сомнением.

Костяныч ничего не сказал на эти Птахины слова. Замолчал надолго, близоруко разглядывая старинные фотокарточки на стене рядом с окном.

Так, не разговаривая и напряженно и тяжело размышляя о будущем, они сидели за столом, пока по дороге с ревом не пролетел мотоцикл. Костяныч, первым сбросив с себя тягостную хмурицу, покряхтел, прочищая горло, и в шутку, изображая из себя хозяина, потребовал чая. Птаха послушно поднялась с табурета, одернула подол, согрела в кухне на плитке воду, принесла в комнату большие налитые кипятком чашки, заварник с вечерним чаем и достала из буфета стеклянную вазочку, наполненную зернистыми кубиками рафинада. Затем они не спеша пили чай с булками, обмениваясь скупыми словами. Костяныч рассказал, как приходил к нему два дня назад пьяный Копылов, занять полсотни на бутылку. Он деньги дал. Копылов божился полтинник утром отдать, но не вернул.

Допили чай, и Птаха унесла посуду в кухню, поставила в раковину под умывальником, а вернувшись, вытерла утиркой на клеенке накапанные коричневые пятна.

– Давай сыграем, что ли, Птаха? По копеечке, – опять предложил старик. Трогая искалеченными пальцами клеенку перед собою – влажная, нет.

– В дурака? – отозвалась Птаха.

– Зачем в дурака? В дурака ты жулить начнешь. Мне не доглядеть будет, – серьезно пошутил Костяныч, выуживая из нагрудного кармана очки. – Вынимай лото. На двух картонках сыграем. В лото, как Бог даст, Птаха. Какой бочонок ухватишь, такая и судьба твоя дальнейшая. В лото ты меня не обдуришь. Из мешка я тянуть стану, – он пристроил на носу очки, вытащил из брюк кошелек и принялся выбирать из него на клеенку мелочь.

– Ладно, напраслину-то на меня наговаривать. Это за тобой следить надобно. Мне жулить не к чему.

Птаха повеселела немного и пошла к сундуку за лото. Она откинула массивную, пробитую множеством медных гвоздиков крышку, достала мешок с бочонками и пачку перевязанных шерстинкой, трепанных картонных карт с числами на клетках. Растянув тесемку на мешке, старуха подала его Костянычу.

– А может на кур, а, Птаха? – хитро поинтересовался старик, теребя картонки пальцами.

– Хватит представляться-то, – с напускной суровостью ответила Птаха.

– Ну, твоя воля, – Костяныч извлек первый бочонок и, подставив его к свету, чтобы лучше было видно вырезанные цифры, объявил: – Восемь – в гости просим...

На следующее утро Костяныч пошел к Птахе прощаться. Когда, оглянувшись для верности по сторонам, он перебрался через дорогу, увидел в распахнутых воротах тупорылый пазик, загнанный в Птахин двор задним ходом. Автобус заехал во двор полностью и стоял чуть криво, почти подпирая бампером коровью стайку. Мишки на месте не было. Он время от времени басисто лаял откуда-то из огорода и беспокойно гремел цепью. Устав, пес замолкал, слабо, чуть слышно подвывая, потом снова принимался хрипло гавкать из-за сараек.

Костяныч, выставляя впереди себя палку, протиснулся между автобусом и стеной дома, окинул глазами почерневшие от времени дворовые постройки и поднялся на крыльцо. Двери в сенцы и избу были растворены и представлены поленьями. Внутри дома звучали людские голоса и слышался стук женских каблуков по половицам.

Костяныч скинул на пороге калоши, миновал полутемные, пахнущие сухими травами и старой овчиной сени, шагнул в кухню и тут же столкнулся

с поджарым мужиком в рубахе и джинсах, который выносил из комнаты большой коричневый чемодан. Пропустив незнакомца, он прошел в освещенную утренним солнцем горницу и, не обращая внимания на бывших в ней чужаков – женщину в коричневых брюках и толстой серой кофте и еще одного мужчину, коренастого, лысого и толстомордого, в спортивной бело-зеленой мастерке, – которые вопросительно уставились на него, как только он появился в комнате, опустился на вчерашнее свое место за столом.

Птаха сидела на кровати празднично одетая, тихая и заметно растерянная. В новом светлом платке, старинном коричневом платье из габардина и малоношенной красной кофте на пуговицах. На ногах у нее были нехоженные домашние тапочки с опушкой. Расположившись за столом, Костяныч сухо поздоровался – как бы и со всеми, а сам, глядя лишь на Птаху, – пристроил палку между ног, обхватил ее руками и стал деловито наблюдать за происходящим.

Всем заправляла Наталья – Птахина внучка. Невысокая, сухая женщина лет сорока, с прямыми русыми волосами, забранными на затылке заколкой в короткий хвост, с обыкновенным, ничем особо не примечательным лицом. Она вполголоса отдавала распоряжения мужчинам – поджарый был водителем пазика, а толстомордый «барсук» – Натальиным мужем, – и иногда спрашивала о чем-нибудь Птаху.

Приезжие быстро привыкли к появившемуся в доме чудному сухонькому старику и, больше не обращая на него внимания, продолжили заниматься своими делами. Водитель отнес чемодан в автобус, возвратился в комнату и стал у зеркала в ожидании следующих указаний. Наталья, выпросила у Птахи, где какие вещи лежат, и, не таясь от нее и Костяныча, словно их не было в комнате, отдала распоряжение мужу:

– Много брать не будем, Артур, дома и своего хлама полно. Чемодан бабушкин с вещами взяли, документы у меня. Ковры еще, посуду, мешок с сахаром и так из сараек по мелочи. Давай вытаскивай из-под кровати, там два ковра свернутых лежат, – и, обернувшись к Птахе, не меняя тона голоса, произнесла: – Ну-ка, бабуленька, убери ноги, Артур коври вытащит.

Рыская по дому, чужие принялись вынимать из разных мест и таскать в автобус вещи. И Костяныч, следя за тем, как Наталья, раскрыв все дверцы буфета, взялась сортировать столовую утварь на годную и на ту, которая так пустяк и чепуха никчемная, думал, что не дай бог и ему дожить до такого черного дня. Потом Наталья закончила возиться в буфете, подхватила коробку с посудой на руки и, мимоходом взглянув на свое отражение в мутном зеркале, вышла из комнаты в кухню, а после и на улицу.

Птаха сидела понурая и по-прежнему немая. Даже в отсутствии посторонних она не воспользовалась возможностью, чтобы обмолвиться с Костя-

нычем несколькими словами. И в сторону его не смотрела, точно повинная в чем была. А после того как, отвернув рукой занавеску, в комнату сперва снова вступил Артур, а следом и его жена, открылась перед Костянычем тяжкая правда, и ясно ему сделалось, отчего сидит на кровати едва живой, прижавшись к железной спинке и схватившись руками за шишаки, бедная Птаха.

Предстояло Птахе доканчивать век свой не в «плитовом» внучкином доме, а в сиротском старушечьем заведении. В богадельне. Известно это сделалось случайно, через водителя. Наталья с мужем до поры, до времени скрывались от Птахи, не говорили. Да водитель выдал. Вот потому и сидела Птаха теперь на кровати оглушенной и оцепеневшей. А когда вошли родственники и сказали, что срок настал – надо вставать и идти в автобус, у нее и вовсе ноги отказали. Губы задрожали, вся она обмерла и, сжавшись на кровати подбитой птицей, еще плотнее придвинулась к спинке. Стиснув алюминиевые шишки, Птаха как-то загнанно и жалко смотрела на Костяныча.

Сообразив, что уговорами дело скоро не кончится, а с автобусом договоренность до обеда была, Наталья велела мужу выводить бабулю из дома силком. Тот, не предполагая, что старуха способна оказать хоть какое-то стоящее сопротивление, взял Птаху за руку повыше локтя и, потянув, попытался оторвать ее от спинки. Но Птаха не далась, она крепко уцепилась за фигурные шишки, продолжая неотрывно смотреть на Костяныча дикими глазами. Тогда, удивленный и раздраженный бабкиным упорством, Артур взялся за ее запястья уже двумя руками и потянул напористой, все больше и больше наращивая усилие. Постепенно он расхотелся. Налился кровью, начал сопеть и злиться, но справиться с Птахой не мог. Наталья стояла на прежнем месте, у двери и, не произнося ни звука, наблюдала за происходящим с каменным лицом. Водитель побыл в комнате еще немного, потом нервно развернулся и, громко бухая ботинками по затоптанным половицам, вышел. А Артур продолжал бороться с Птахой, не умея оторвать ее сильные, жилистые руки от кровати.

Борьба продолжалась минуты две. Артур то отпускал Птахины руки, то вновь принимался отдирать их. В какой-то момент Птахе сделалось так страшно от понимания безвыходности своего положения, что она начала тихо всхлипывать, по-старушечьи жалобно причитая: «Уморите меня здесь... Уморите меня здесь... Дайте в родной избе погинуть, в своем углу преставиться...»

Толстомордый потихоньку зверел. Он принялся вывертывать Птахе запястья.

Сумел оторвать один палец от железного прута и стал выламывать его, принуждая тем самым старуху отпустить от спинки. Увидев это, Костяныч

не выдержал, приподнялся с табурета и, придерживаясь за край стола, сделал шаг вперед. Он перехватил свою палку обеими руками, размахнулся и, с криком выдохнув, хлестко протянул ею «барсука» поперек широкой спины. Ударил так, что, к собственному удивлению и довольству, палка переломилась на несколько частей и разлетелась по углам комнаты. Одну часть он по-прежнему продолжал сжимать в руках. Толстомордый на секунду замер, втянув от неожиданности голову в плечи, затем отпустил отчаявшуюся Птаху и, развернувшись к Костянычу и еще больше багровея, принялся надвигаться на него грузной кабаньей массой.

– Только вдарь, барсук, попробуй, – хрипло предупредил старик, глядя в глаза Артуру. – Сегодня же спалю дом, без наследства останетесь.

– Я вдарю так, что не спалишь, – зло пригрозил «барсук».

– Ты вдарь, а после поглядим, – Костяныч, ожидая удара, бросил обломыш на пол, отступил к столу и надежнее взялся за его край рукою.

– Не трогай, Артур, – приказала мужу Наталья, – бабулей займись, ехать пора.

Она подошла, со сдержанной настойчивостью взяла Костяныча за локоть и вывела из дома на солнечный двор. Оставив его возле автобуса, она опять вернулась внутрь.

По двору ходили куры. Равнодушная кошка грелась на лавке, возле дождевой бочки. Костяныч, щурясь и вытирая увлажнившиеся от яркого света глаза, отошел к сараю, опустился на березовый чурбак и, понимая, что все уже решено, принялся ждать.

На улице было тепло и безветренно. День выдался погожий, спокойный. И из-за этого несоответствия – настроения погоды и того, что творилось сейчас в Птахином доме, – Костяныч в душе злился на бестолковую природу, на ее безучастность и непонятливость. Он беспокойно и суетно ощупывал грубыми пальцами занозистый край чурбака, косился на автобус и напряженно ждал. До него долетал слабый запах сигареты и отголоски работающего в пазике радио. Водитель сидел в салоне на заднем сиденье, смотрел через окно на старика и лениво курил.

Спустя некоторое время послышались шаги и на крыльце появился Артур. За ним вышла Наталья. Она вела покорную, сломленную старуху под руку. «Как арестантку сопровождают», – подумал Костяныч, с тревогой разглядывая Птаху. Наталья с Птахой пошли к автобусу, а недовольный с виду Натальин муж принялся запираť избу на всячий замок. Завидев Костяныча, Птаха опять стала тихо всхлипывать. На огороде тут же, надрывно лая и кидаясь на цепи, занялся Мишка.

Немного погода пазик с натугой завелся, заполонил воздух сизой вонью и медленно выкатил со двора. Артур закрыл ворота и, не обращая внимания

на то, что Костяныч так и оставался сидеть на березовом обручке у сенного сарая, плотно притворил за собой калитку. Взрыкивая на ухабах, автобус вырлился на проселок, набрал ход и, противно, с надсадой воя, начал удаляться в сторону трассы.

Костяныч продолжал сидеть на чурбаке до тех пор, пока воющий звук окончательно не растворился в невидимой, заслоненной от его глаз деревьями и соседскими домами, дали. После, озираясь по сторонам, он поискал по двору, чем бы можно было заменить сломанную палку. Ничего, кроме прислоненной поодаль к стене дома тяпки с грязной, коротенькой ручкой, не нашел и, не зная, что делать теперь, стал задумчиво и как-то зачарованно смотреть в небо, устремив взгляд над поленницей во дворе и крышами домов, что находились на другой стороне улицы.

Какое-то время он застыло глядел в голубую вышину. Когда же к нему воровато подкралась курица и, опасливо клоня голову на бок, тюкнула клювом в ногу - туда, где между калошей и штаниной виднелся носок, - Костяныч наконец очнулся и с трудом слез с чурбака. Он добрался до стены дома, взял тяпку и, опираясь на нее, пошел в огород освобождать измаянного Мишку.

Пес встретил Костяныча вопросительным и как обычно серьезным взглядом.

– Тепереча у меня, старый, столоваться будешь, – негромко, но с чувством произнес Костяныч, отвязывая Мишкину цепь от колодезного ворота.

– И плясать вместе будем, парень... До колоколов небесных.

Лауреаты 1995–2005 годов

Леонид Кудрявцев

Родился в 1960 году. С 1989 по 1994 год работал в издательской системе. Последние должности: заведующий редакцией и главный редактор. С 1994 года зарабатывает на жизнь литературной деятельностью. Член Союза российских писателей, лауреат премий «Белое пятно», «Фанкон-95», премии Союза писателей Приднестровской Молдавской Республики за повесть «Тень мага». Издано более пяти десятков книг, в том числе – две за рубежом (Польша). Лауреат литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 1996 года в номинации «Проза». Живет в Москве.

Фэнттики

* * *

– Зачем мне все эти хлопоты и неприятности? – пробормотала Царевна-лягушка. – Жить в болоте спокойнее, а если появится мил-дружок, еще и веселее.

Между тем Иван-царевич уже тянулся к ней губами. И тогда лягушка поцеловала его первой.

* * *

Драконы, они людей не переваривают. Как с утра нажрут, так потом целый день ходят и отрыгивают.

* * *

Гномы собирали золото, драгоценные камни, а также любили пакостить драконам и эльфам.

Драконы собирали только драгоценные камни и обожали изводить гномов и эльфов.

Эльфы ничего не собирали. Они лишь пели заунывные песни и гадили всем, кто попадет на встречу.

Так они шутили и баловались, пока в результате не появились люди.

Дальше веселились одни люди, а все остальные думали, какую глупость они совершили.

* * *

Фродо бросил волшебное кольцо в вулкан. У него появились тысячи пос-

ледователей, которые, за неимением волшебных колец, бросали в вулкан обручальные. Некоторым это занятие пришлось настолько по душе, что они не ограничивались своим кольцом, а бросали и кольцо жены, иногда вместе с нею самой.

* * *

Люк Скайуокер любил свою родную планету, своего отца и принцессу Лею. Стоило ему улететь со своей планеты, как о нем на ней забыли, отец отрубил ему руку, а принцесса Лея вышла замуж за его друга капитана Соло.

– Гамлет – жалкий сопляк, – частенько говорил Люк, поглаживая Чуи по мохнатой голове и презрительно, как и положено настоящему джедаю, улыбаясь.

* * *

Учась на джедая, Люк Скайуокер так размахивал лазерным мечом, что когда он улетел с планеты, на которой занимался этим благородным делом, ее пришлось переименовать. Назвали ее просто и коротко – Дюна.

* * *

Конан-Варвар никак не хотел жениться.

– Вот еще, – говорил он. – Какие алименты с меня, бродяги и авантюриста? Вот стану королем...

Став королем, он пустился во все тяжкие и быстро выяснил, что алименты с него теперь положены королевские.

* * *

Колдунов Конан недолюбливал. Если другим он головы рубил просто так, то этим, как срубит, обязательно скажет:

– Ишь какой умный выискался.

* * *

– Грабитель, – устало сказал Голум.

– Пригодится, – объяснил Бильбо, отбирая у него тридцать второе кольцо.

* * *

Ее мечта сбылась. Она все-таки вышла замуж за человека-паука. Первой родилась дочка. Имя ей дали несколько необычное, но соответствующее действительности: Восьмилапка.

* * *

Увидев, что черное Солнце уже опустилось к заметно посветлевшей полоске горизонта, Борзой Щенок повернулся к явившимся на его зов правителям побежденной Земли, приосанился и заявил:

– А законы мои будут исполняться беспрекословно. О взятках советую забыть. Хотя... вы без них все равно не можете, нет, не можете... Ладно, взятки я разрешаю. Однако, во имя исторической справедливости...

Он сделал длинную паузу, внимательно, строго оглядел каждого из стоявших перед ним и лишь потом закончил:

– Взятки буду принимать Ляпкиными -Тяпкиными. Да. Только Ляпкиными, блин, Тяпкиными и никак иначе.

* * *

Миледи лилльский палач время от времени вспоминал. Работать с ней было одно удовольствие. Шея – длинная, тонкая. На один удар.

* * *

Очень быстро обнаружилось, что у Галатеи есть скверная привычка, переходя улицу и увидев приближающуюся машину, от страха каменеть. В конце концов доведенные до отчаяния водители попытались ее линчевать, но поскольку вид петли из пеньковой веревки действовал на Галатею не самым миротворяющим образом, их затея с треском провалилась.

Владимир Титов

Родился в 1980 году, по образованию – врач-психиатр. Публикации в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Сибирские Афины». Лауреат литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2005 года в номинации «Поэзия». Живет в Новосибирске.

...И если я сейчас не опечален

* * *

как шар над золотистыми холмами,
над облачно пагодой во взоре
восходит – то, конечно, он не с нами,
но с жизнью исчезающе спорит:

над пеною залива развернутся
рыбачьих лодок бедные обличья,
все в золоте, – такому захолюстью
неведомое ранее двуличие, –

то рыбьей чешуей сверкнут – и снова
скрываются за розовой грядой
лодочки – мимолетная основа
для семицветья, сотканного морем...

Полдень

мы выйдем к тяжкому морю,
холодному морю детства,
и словно бы взяли трою,
и некуда больше деться

от сонной заставы кленов,
от птиц, осторожно свитых
городом из зеленой
листвы их, бесчинно сбитой

в облако-ожиданье,
в пестрые тени счастья...
и в море кораблик дальний
нашего безучастья...

* * *

...и если я сейчас не опечален,
то потому что знаю – там, в далеком
жемчужно-сером, как слеза, начале
ты удивлялась шумному полету

птиц у окна, открытого для света,
их пестроте и темени, жестокой
для светлого, – и повторялось это
в самом начале вестью одинокой;

...чернее пашни, наша кровь в итоге
к бесцветности вернется, и мы станем
соломинками во вселенском стоге
в начале пестро-светлого верстанья...

* * *

любовь земная веточкой миндальной
взмахнет еще – но почему бы здесь
не видеть за границею недалней
простого глаза – тень ее и весть,

ее небесность (над кольчужной кладкой
времен Союза) в луковке цветной
фонарной, разливающей украдкой
не свет, но задыханье надо мной...

так скверик мал... от лучших умалений
миндаль нижайший розоват и чист,
в толковом недеянии и лени
трепещет лист и не трепещет лист –

и я стою – нелепое стоянье,
установленье: нечто, отчего
нет разницы в вещах, но лишь сиянье,
что льнет ко мне – не выйдя от Него...

Тюльпаны

тюльпаны расцветут, мы выйдем в город
за черною землей среди зимы,
и сами станем черною землею,
в цветение свое вознесены:

тогда поймем сверкание начала
кратчайшего – цветет для никого
пустое благо, и всему виною
летучее движение его...

мы выйдем в город, как накидку землю
на плечи бросив: вот они, смотри –
как никому тюльпаны отворяют
нам темное сияние земли...

* * *

хлобыщет ограждение жестяное
под мощью налетающего шквала,
спускаемся – и кто тому виною,
что лестница, как камень, пустовала,

что грушевое дерево обмелело,
охваченное детскими руками, –
отыщешь ли доступные пределы
и чуждые, паря под облаками?

зачем мы открываемся в начале
пылающей и златолистой вести, –
и мы в печали, и она в печали, –
у грушевого дерева в предместье?

* * *

дымов или снегов существованье...
к исходу лета мыслимое чудо –
чье здешнее приложено старанье? –
январский свет как будто ниоткуда:

в ведерке жестяном осипших яблок
уже слышнее славное гниенье,
живущее таинственно и явно
за гранью равно запаха и зренья...

и мы ли в этой ясности – иные,
вспомоществуем тягостному пенью:
раскачиваем ветви расписные,
склоняем полдень к долгому паденью,

на пустоши предметы расставляем
чернеть без пестроты – но больше славен
Господь: плоды в ведерке оплавляет
безбытное и замкнутое пламя.

Игорь Корниенко

Родился в городе Баку (Республика Азербайджан). Художник, журналист, организатор боди-арт-шоу. Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси». Лауреат литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2005 года в номинации «Проза». Участник Всероссийского семинара молодых литераторов «Очарованные словом» (г. Красноярск). Участник IV, V, VI Форумов молодых писателей в Липках (Москва). Живет в Ангарске (Иркутская область).

Бомж, который верил в презумпцию невиновности

*Не обманывайтесь.
В чем-то мы все виноваты.*

Приснились белые лошади. Жуткие. Где мои нормальные сны? Узнал, что мой отец – не мой отец, и сны стали будто не мои. Я никогда не видел наяву белых лошадей, по телевизору только. Эти были как живые. Окружили меня и заржали все разом. Проснулся от страха. Скалящиеся морды шрамом остались в голове. Закрывай глаза и возвращайся в лошадиное кольцо. В ржанье...

Мама считает, что надо было рассказать про отца раньше. Мама говорит, что давно собиралась рассказать, но боялась, не могла никак решиться, мне все-таки уже семнадцать. Мама плакала на кухне и просила понять ее и простить. Конечно, сказал, что простил. Не мог иначе. И при чем тут мама?! Мама обняла. Я ее обнял. Сказал:

– Меня взяли внештатным корреспондентом в «Вечернюю среду», побегу, опоздаю, а то...

Мама попросила еще раз простить ее:

– Он бросил, когда я была на девятом месяце, я ждала тебя и не могла причинить тебе боль. А он смог. Он просто взял и ушел. Пропал. Мне даже советовали в милицию обратиться. Но тут подошел срок, родился ты. Ты тяжело болел. Мне было не до отца, да какой он отец...

– Биологический, только что, – подсказал и отправился в коридор за обувью.

Мама с кухни продолжала сквозь всхлипывания:

– Ты же не станешь папу называть Антоном из-за этого? Это убьет его!

– Да нет, не стану. Он всегда был со мной рядом. Столько лет.

Обернулся. Посмотрел в светлый дверной проем, там в свете нового утра на стуле сидела мама и комкала полотенце. Она показалась мне очень старой. Вернулся с ботинками в руках, поцеловал ее в щеку. Она неловко обняла меня.

– Вы мои родители, а про оплодотворителя, – я хохотнул, радуясь такому определению, – забудь. Я ему все это время был не нужен, он мне сейчас ни к чему. Такое нам и даром не надо.

Шучу я.

– Правильно, сына, ты моя умочка.

– Ну, пошел, надо еще придумать, о чем нынче написать. За полосу можно и две тысячи получить.

Мама встала, проводила до двери, закрыла за мной.

Постоял на лестничной площадке. Подумал, что да, существуют тысячи способов причинить человеку боль. На стене прочитал привычную надпись, нацарапанную мной еще в восьмом классе: «Чем больше ты несчастлив, тем больше уродлив». Сам сочинил. Юность всегда равнодушна к собственному несчастью, в большей степени надуманному, к обожествлению смерти. Созревание через гниение, так, наверное. У меня это быстро прошло, только закрасить надпись никак руки не доходят.

На улице моросит, грязища, бегом не побежишь, а до редакции полчас ходьбы. Лучше сегодня на трамвае. И, как всегда, трамвая нет, а время не стоит, и дождь усиливается. Прячусь под крышей пивного киоска и тут вижу, как на перекрестке ни с того ни с сего подымается крышка канализационного люка. Вокруг никого. Только вороны у мусорных баков сразу через трамвайную линию, напротив, устроили пирушку.

Люк отодвинула черная рука, вспомнил детскую страшилку про черную-черную руку и с трудом подавил в себе желание убежать. К остановке пошла старушка в плаще и с целлофановым пакетом на голове.

– Во, глядите, – обратилась она ко мне, – у нас тут кто-то поселился. Давненько никого не было, видать, зима близко.

Она засмеялась.

– Так октябрь почти, – говорю, а сам не свожу глаз с люка, откуда «на свет божий» появляется чумазый, одни глаза, бомж: в шляпе, кожаной задрипанной куртке и в солдатских, чуть ли ни галифе, брюках.

– Явление Христа народу, – комментирует явно не страдающая отсутствием юмора бабулька, – явился не запылится, а на ногах-то что?! Мама родненькая.

На ноги наш герой сегодня решил надеть валенки.

Осторожно, оглядываясь по сторонам, закрывает люк, замечает нас, машет рукой, бубнит.

– И тебе доброго утречка, – старушка плюет и отворачивается.

– Аж досюда воняет, никак мочится под себя, тьфу ты, черт, прости Христа ради.

Я вонь тоже почувствовал.

– Он там живет, – не то спросил, не то констатировал факт я.

– Они как птицы перелетные, бомжи эти, как зима, так они в канализации к трубам, где потеплей, слетаются. Скорей бы у нас бомжатник открыли, от них ведь неизвестно чего ожидать, тут и до аварии дойти может, напьются всякой дряни и костры разжигают. Я, когда до пенсии нянечкой в центральной больнице работала, столько этих бомжей перевидала, жуть.

Вшивые, грязные, больные, косые, засратые – не дотронься. Вши от них так и прыгают, клопы... Отмоем их из шланга, а когда воду горячую отключали, вообще кошмар.

Бомж в это время разогнал ворон и с чувством хозяина полез в один из трех баков. Вынул бутылку из-под крепкого пива, потряс ее, понюхал, допил остатки.

Меня передернуло:

– Мерзость, – сказал.

– Это еще ниче, вот когда они голодают, вы бы видели, чего они едят, представить страшно, и как выживают, ума не приложу. Проспиртовались, что ли.

Бомж полез во второй бак. Самая смелая из ворон села ему на плечо, не прогоняя нахалку, бомж выпрямился, что-то сказал птице, та ответила, каркнула. Я не верил глазам.

– Вот и трамвайчик наконец, – обрадовалась собеседница, – у меня от такого давление поднимается, как увижу, до чего наше государство людей довело, так давление так и шарахает. Выбирай после этого этих президентов и депутатов. Последний кусок изо рта вытащат и на помойку отправят. Как вы, молодой человек, жить дальше будете, просто не знаю. Жалко мне вас, молодых, только вот такое и видите, бомжей да срам всяк...

В трамвае смотрю сквозь «заплаканное» стекло, как бомж, уже без птицы, бежит, хромая, под проливным дождем, наверняка до следующей мусорной свалки...

Вот в Америке процветает весь этот им, америкосам, нужный психоанализ. У нас – потому как нам, русским, это не нужно – психоанализ не процветает. Так бы я много чего рассказал о своем отце, которого никогда не видел.

Отец, биологический который, его образ возникал у меня всегда, когда я, например, вспоминал бомжа из люка. Порой мне казалось, что выверни мое лицо наизнанку – и там будет его лицо. Это у Ключевского, по-моему: «Привычки отцов, и дурные и хорошие, превращаются в пороки детей». Лицо это без глаз, его выклевали вороны, оно черное, и только глазницы горят красным. Мама сказала, что не хочет вспоминать его имени, я согласился. Не настаивал. Назвав его неотцом, я старался изо всех сил не вспоминать о нем, он ведь обо мне забыл.

У меня есть друг, я не стал посвящать его в тайну своего рождения, потому что недавно он сказал мне, что не может забыть, как в морге, глядя в гроб на лицо отца, он видел еще не успевшие сойти синяки у того на скулах, на

лбу... Синяки, которые поставил ему он.

– Мы много чего своим отцам не прощаем, – делился друг, – и даже после того как они уходят от нас, умирают, скажем, от сердечного приступа, мы все равно не прощаем. Если бы он не умер тогда, я бы рано или поздно его забил. Я всегда знал, что вырасту и отомщу за все, что он делал, особенно с мамой... Я ему в одиннадцать лет дал первую сдачу. Ты знал, что мамка моя оглохла на левое ухо из-за того, что не успела погладить робу этому ублюдку?..

Сны выдают нас с потрохами, если верить тому же самому Фрейдю. Если верить Ольге Александровне, секретарю редакции «Вечерней среды», то белые лошади – хороший знак.

– А как же смерть? – перечу ей я. – Белая лошадь – это испокон веков символ смерти. Увидеть ее во сне не предвещает ничего хорошего.

Мы с ней сразу сблизились с первого моего дня в редакции. Она понимающая, открытая, если так можно сказать, добрая. А честно, она просто сильно похожа на маму. Нам, мальчикам, всегда образ матери близок. А как иначе...

Я ей рассказал и про бомжа.

– Об этом и напиши, почему бы нет?! Может, он тебе что-то вроде интервью даст, как до такой жизни докатился. Я тоже знала одного врача, который спился и теперь бичует, а трехкомнатную квартиру имел, стоматолог...

– Так об этом уже столько писали...

– А ты эдак напиши... как не писали. Будешь кофе, только вскипел?

Всю неделю шли дожди, я редко выходил, готовился к вступительным экзаменам, решили с мамкой, что пойду на журналистику. И бомжа «своего», само собой, не видел. Между штудированием русских писателей двадцатого века и современной историей делал записи для статьи о бомже.

Засыпая, ловил себя на мысли, что это должна быть сенсационная статья, самая-самая, бомба. Первый блин не должен быть комом. Может, меня только за эту статью, по собеседованию, и зачислят в институт. После таких мыслей лошади не приходили и не тревожили мой сон.

У всех этих бомжебичей заурядные истории. Поэтому, карауля героя статьи на остановке, я понимал, что мало чего интересного смогу из него выдать.

Он вылез ровно в девять, я замерз, и мне не терпелось попасть в тепло. Из открытого люка пахло так, что заслезились глаза. Бомж все в той же шляпе, куртке и валенках ходил на русский вариант Фрэди Крюгера из «Кошмара на улице Вязов». Вот опять как тут не вспомнить сны, ассоциации

и весь этот чертов психоанализ...

Бомж поспешно захлопнул люк. Ба-бах. И посмотрел на меня.

Улыбнулся. У него не было верхних передних зубов, а нижние...

– Че? – пробасил бомж, – че уставился, бя?!

На пальцах у него были длинные, с загибом, грязные ногти с коростами. Он протянул обе руки и пошел на меня.

Нет, их Фредди Крюгер с нашим не сравнится. Наш вычурнее, колоритнее, что ли, неприкрытый... От нашего не убежать, проснувшись. Наш, он живет с тобой по соседству, в канализационном люке. Он пропилил свою семью, родню, друзей, пропилил мозги, себя, свою жизнь.

Я по правде испугался. И вороны тут как тут. Кружат над нами, каркают.

– Их запах из моего логова притягивает, – шипит бомж Крюгер, – у меня там подгнило кое-че, так легче жевать.

Он показывает свои оставшиеся зубы – они все изломаны и черно-зеленого цвета.

– Я журналист, – боюсь, как бы голос не выдал мой необъяснимый страх, баллончик еще с собой не взял, а ведь Ольга Александровна говорила.

Бомж останавливается. Замечаю – у него желтые глаза и огромная язва выглядывает из-под порванной шляпы.

– И че ты?

– Мне хотелось узнать...

– А пососать тебе не хотелось? Или чтоб я тебя того...

И он смеется, и смех его клокочуще-булькающий, нечеловеческий, как кваканье...

– Я верю в презумпцию невиновности! Если ты, сучок, в чем-то собрался меня обвинить, так знай! – хрипит бомж. – Я не виновен, пока моя вина не будет доказана законом! Слышал о таком, мудила?!

Меня будто расчленили его мерзкие, гадкие слова. Никто никогда не говорил со мной так. Правду, значит, говорят: «закипает кровь». Понимаю, еще одно слово из его дерьмового рта, и я врежу ему по морде, не боясь заразиться. Врежу изо всей силы, чтоб успокоить свою закипевшую от злости кровь.

– Вы не выгоните меня отсюда, не выселите, сучары, мусора! Я вас всех уложу здесь! Я смогу! За меня вся моя тьма встанет, бя буду! Мне нечего терять, я уже труп! Газетчика подослали, ментяры гребаные...

Он брызжет слюной, размахивает руками, вороны вторят всей этой его бессмыслице, и я говорю ему:

– Я нашел тебя, папа. Ты бросил меня, а я тебя нашел.

– ...это презумпция невиновности...

– ...хоть на что-то ты сгодился, старый козел...
– ...не выгоните, кровью захлебнетесь, я не жилец, у меня и рак, и СПИД...

- ...вот и увиделись, наконец. Я тебя таким и представлял...
- ...суки, я не дамся, это мой дом, питушары, бляди, говнюки...
- ...я напишу о тебе статью, хоть что-то останется от тебя. Папа...

Он орал мне вслед, вороны поддакивали, я шел, улыбался. Фредди Крюгер всегда проигрывал. Умирал из серии в серию. Это не сон – это явь. Это жизнь.

Статью написал за два дня. Все это время мне снился неотец с вороной на плече. Он трансформировался то в киношного Крюгера, то в меня самого. Потом пришли белые лошади. И снова в кольцо, и ржание.

Проснулся в четыре часа ночи от вибрации сотового. Это я специально завел будильник и отключил звонок, чтоб родителей не разбудить.

Осталась кульминация, и можно нести свою первую, дебютную статью на суд редактору. А для развязки нужно еще кое-что сделать. Прямо сейчас. В самый темный час, когда спят вороны и не спят белые лошади.

Мама заглянула ко мне и сказала:

– Папа прочитал твою статью. Звонил сейчас, говорит, что у него на фирме ее все прочитали, ты молодчина, так держать. Он тобой гордится. Мы все. Обещал тебе сюрприз вечером, я бутылку белого вина купила, отметим.

Мама ушла вся такая сияющая, и я подумал, что вот оно, счастье. Мне этого в семнадцать хватает с лихвой.

«Бомж, который верил в презумпцию невиновности». Первая полоса «Вечерней среды», крупный заголовок с моей фотографией. Продолжение статьи на второй полосе с фотографией неизвестного бомжа, ковыряющегося в мусоре. Фотку сделал фотокор «...среды».

За нее я получил очень даже неплохо. Полторы тысячи отдал маме, остальные спрятал на «черный день». Если захотите прочесть статью, можете всегда заглянуть в редакционную подшивку или спросить в библиотеке.

Скажу, что написал я историю про юношу, который с рождения до совершеннолетия не знал отца и вот однажды встретил его в канализационном люке. Сбомжевавшийся по воле случая отец, бывший юрист, научил мальчика многому, о презумпции невиновности, например, рассказал, прежде чем погибнуть. Он сгорел в том самом люке, где они встречались с сыном. Сгорел из-за неправильного обращения с огнем. Известный финал неудавшейся жизни. Не правда ли?..

Не написал, а значит, и вы не прочитаете, в статье одно. Как я прокрался на цыпочках в четыре часа ночи в «тещину», достал приготовленную заранее канистру. Прежде чем выйти из подъезда и раствориться в осенней темноте, я ключом отскоблил надпись, которую нацарапал в восьмом классе.

С несчастьем нужно бороться любыми способами. Любыми средствами. Вернувшись, заснул на удивление быстро, с той ночи белые лошади забыли дорогу ко мне. Остался один лишь не совсем приятный запах керосина. Но и он через неделю-другую, уверен, выветрится. Время берет свое – это истина.

И только дядюшка Фрейд и иже с ним пытаются глядеть на всех нас из каждой прочитанной книги, из каждого приснившегося нам кошмара, из-под каждого предмета...

Следующую статью написал через неделю, речь в ней шла о повышении цен на коммунальные услуги, здесь, я думаю, обойдемся без комментариев.

Антон Нечаев

Учился в Литературном институте имени А. М. Горького. Лауреат литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 1997 года в номинации «Поэзия». Живет в Красноярске.

Старик

Памяти В. П. Астафьева

I

По городу бродит пьяненький старичок:
детки, мол, выперли, податься некуда...
Мятые брючки, рваненький пиджачок,
лицо обветрено.

В магазины заходит, просит копеечку:
подайте дедушке на табачок и хлебушек!
Кому и подать-то нечего:
мелких не держат денежек.

Другой чего и подаст
да в сторону отойдет, смущается.
«Храни тебя, Боже Спас!»,
а деткам икается.

II

Продавец в магазине лощеный, красивый
складывает стопочкой хрусткие пакетики.
С ветхим «пальтишкою» говорит гадливо,
с норковой шубой ах как приветливо.

«Прикрывайте, пожалуйста, двери. Дует...»
Магазины боятся морозного воздуха.
Дедушка над мелочевкой колдует,
черный, как лик подсолнуха.

III

Автомобиль подъедет. Прекрасная выйдет дама,
в трубку покрикивая на ходу.
Впереди суетится охрана,
придумывая беду.

Кто ее встретит? С кем ей здороваться?
Впрочем, идет какой-то
сумрачный, оцинкованный...
Ниже – собачья морда.

– Там, в прихожей, к тебе, –
шепчет ей подозрительно, –
сегодня у нас балет
ночной. Спроваживай своего просителя.

И, послушная, говорит дедку:
ступай, папаня, а то рассердится...
И уже на бегу
спрашивает: как сердце?

Да, ничего, пошаливает.
Значит, еще живет.
Ну, давай, дорогой, отчаливай!
Время, как туфли, жмет...

Видение исчезает. Снег заносит подъезд.
Машина укатывает на заправку.
«Столько под небом мест,
а мне – только лечь под лавку».

IV

Идет по улицам туман вечера:
там казино, а тут забегаловка.
Постовые ретиво вертятся:
собирают на хавово.

На остановке корыто
автобуса – человеку бедному;
водитель торопится, двери открыты,
да посадить некому.

Александр Силаев

Родился в 1978 году в Красноярске. Член Союза российских писателей, Русского ПЕН-центра. Автор повестей и рассказов: «Недомут», «Признания врага народа», «Армия Гутэнтака» и др., издававшихся в Красноярске, в Москве. Лауреат Всероссийской премии «Дебют», литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 1999 года в номинации «Проза». Живет в Красноярске.

Гуманная мизантропия

фрагмент

Немного онтологии на дому

Полный абзац: атрибут не имеет второго момента

«Атрибут не имеет второго момента», – цитирует Мамардашвили арабских мистиков («Картезианские размышления»). То есть на поддержание мира в каждый момент требуется столько же силы, сколько и на его создание. Однажды созданный мир не длится «сам по себе». Проснувшись, человек застаёт самого себя; в некотором роде это всегда чудо.

А интересно: чувствовать нечто подобное – тонкая метафизическая приблуда души, или просто едет крыша? Меня канабит... от ощущения этой полной негарантированности себя, скажем так. От хрупкости собственной целостности. От сознательности, которая, в общем-то, тебе не принадлежит.

Давно канабит (грубое слово удачно подчеркивает физичность ощущения, истеричный формат и полную беспричинность). До всякого Мамардашвили и мистиков.

Повод, кстати, поверить в Бога. От переизбытка возвышенной психопатии. Все-таки Бог – Гарант.

Уроды и досократики

Диалог двух студентов, вида уебищно-дурковатого.

– Ты петух, бля, урод...

– Ты философ, нах...

Первый умолкает. Его припечатали действительно веским словом. Это не «урод», это серьезнее. На «философа» уже материться толком и нечем.

Смотрю на это и думаю – между прочим – может, и прав Хайдеггер (а до него примерно о том же Ницше). Может быть, свернули не туда после досократиков – а дальше по ухабам, но по прямой – вот к этим студентам, а? Хитрая экспликация каких-то изъянов – заложенных в самом начале западной метафизики?

Ибо это *сама метафизика, что с ней поступают так*. Не думаю, чтобы в цивилизации Индии, которую держали брахманы, словом метафизик можно было ругаться (но это, наверное, к Давиду Зильберману, в котором я не понимаю ничего, кроме того, что он какой-то абсолютный философ, лучший

автор XX века). Я-то мало знаю про ту Индию, но чувствую – не могли... А у нас *все как-то к этому шло...*

Онтология строит дом, в котором все и живут, *через производство значе-ния порождая и контролируя любую деятельность*. И если в нем сквозняки, кирпич крошится, каплет с потолка, а сам строитель живет где-то в подвале, то можно сказать – тут замесили *мало философии*. Но я бы сказал иначе: тут замесили какую-то *не ту философию*.

В самом лучшем случае: дело стало швах как раз в период Ницше и Хайдеггера, т. е. с истощением энергии смыслов классики и модерна, и провалом исторической эстафеты. Вроде бы передали что-то марксизму, а потом и там обломилось.

Это – *самый оптимистичный* вариант западного сценария.

От идиотизма – к сатанизму

Примерно такая линейка. Как ее назвать? Онтологией антропологии?

- 1) Человек – это звучит гордо, и он достоин любви.
- 2) Человек – говно, но может, если постарается, звучать гордо, его надо его любить.
- 3) Человек – неисправимое говно в любом случае, но надо его любить.
- 4) Человек – говно, и надо его поскорее смыть.

Первое мне кажется глупостью, второе – чистый сатанизм, следующий из гностиков.

Различие между вторым и третьим – «между светской и религиозной версией гуманизма»?

Правда, есть и более любопытные версии. Если от линейки выломиться в другие измерения.

Например, что никакого человека не существует. Или никакой любви.

Без двоек

Страсть к бинаризму: обычно смотрятся две позиции, два варианта. Можно ли по-другому? Допустим, когда шахматист видит доску, он считает не два варианта, а столько, сколько *имманентно* позиции: один ли, три ли, тринадцать ли... Можно иметь модель – *имманентную ситуации* по тому же принципу?

Чтобы не «левые» и «правые», «верх» и «низ», а – есть варианты: *конь эф три, ладья бэ один, пешка цэ три, пешка а четыре...* Все. Остальные не рассматриваются. При том у вариантов разные *коэффициенты смотримости*, их *вес вероятия*. В отличие от негласной и априорной равнозначности бинарных концов.

И каждый раз – по новой позиции.

тоты, перенесенной в теорию? То есть самое частое число поворотов – оно минимальное и действительно равно двум. Опыт, неверно обобщенный в шаблон и равно стувивший – *красоту мира* и *эффективность действия*.

К тому же, помимо инерции, «двойки» – следствие лени. Лень смотреть *по позиции*. Вот и смотрим, как *люди делают*.

Но даже инерция могла бы быть другой. Например, везде видеть *тройки*. Неважно, чего там в мире. Трактует в тройках, и баста (по-гегелевски, или еще как).

И так уже лучше: в сети ложится большая сложность. «Не вы ли сами ее придумали?» Угу. Но ежели творить на выбор попроще или посложнее – чего лучше?

Мир «троечников» будет красивее. И они будут действовать эффективнее: пространство решений автоматически больше.

Хотя, повторюсь, лучше всего N-размерный мир.

Причем N – число даже не натуральное, а действительное. Как минимум. Или вообще любое.

«Что есть совесть?»

О многих вещах нельзя спрашивать безопасным для них образом. Как только поставишь под вопрос – они исчезают. Ну, допустим... «Кто сказал, что старших надо уважать?» – и все, старших больше не уважают. «На каких основаниях в этом гребаном мире ценится девственность?» – и все, баста. Лишь спросили, девственность превратилась в порок. Практически так же с любой религией. Есть подозрение, что Бог кончается там, где его пытаются «доказать». Обычно его «доказывают», но это уже неважно – религиозная цивилизация кончается вместе с вопросом. В этом смысле ее могильщиками были Декарт и Спиноза, оба, как известно, бытие Бога вполне доказавшие... Кант в этом смысле был грамотнее, но тоже не на стороне религии...

Относится к таким ранимым изобретениям – сама совесть? Ну вот если спросить «что есть совесть», в смысле, какие у нее основания – не исчезнет ли она тут же?

Один человек при мне говорил, что именно за вопрос осудили Понтия Пилата, и легендарный вопрос звучал именно так – «что есть совесть?». Не «что есть истина» – кому в тени креста есть дело до гносеологических споров? Но якобы молчаливый диалог Христа и прокуратора имел такой вид.

– Ты же не глуп, прокуратор, и видишь, что я не виновен по существу обвинений. Я же не свергаю кесаря, я лишь мешаю религии...

– Угу.

– Но с каких пор римский меч – хранит иудейских жрецов?

– Это политика, брат. Сечешь такое слово – конъюнктура?

– Не секу, брат.

– Ну если я сейчас пошлю синедрион, ваши евреи взбунтуются, придется высылать армию, а казна в Риме разворована, это станет известно... Извини, брат – уж проще тебя гвоздями.

– Но ты не глупый человек и, более того, человек чести. И не можешь не понимать, что твое решение не по совести.

– Что есть совесть?

И за это прокуратор получит на Страшном суде по полной. Ибо так нельзя. Преступник, которого «бес попутал», практически забывает о совести, но куда страшнее – ее теоретически отменить. Кто забыл, еще вспомнит. Кто отменил – отменил ее не только себе. И вот за это...

А как же любовь к истине, которая велит спрашивать до конца? Не фальшиво ли добро, стоящее на запрете такой любви? Не выберет ли подлинное добро – спросить о себе и исчезнуть? Не о том ли Ницше, описывая «воцарение нигилизма в Европе»? Не согласятся ли с ним – подлинны христиане? Не христианская ли это – по интенции, по пафосу своему – точка зрения на конец христианства? И можно ли обозвать все это – диалектическим приключением духа? Что в следующей серии? За «нигилизмом»? Ибо все, наконец, согласятся, что «нигилизмом» дело тут не кончается?

...И еще одно: если уж прозвучал «вопрос со всеми вытекающими» – назад его не возьмешь. Это как девственность. Очень странно пытаться восстановить.

Так что назад эта историческая машинка не едет.

Призрак пакта

Если предположить, что Дьявол может хотя бы казаться равномогущим касательно Бога, ему тоже надо приписать – свой проект, свою иерархию и свое сообщество. И не приписывать к нему совсем уже никчемную сволочь. Короче, мало быть больным и грубым животным, чтобы тебя взяли в сатанинскую рать. Есть подозрение, что на дипломированного и статусного «злодея» тоже надо учиться. И мелкая психопатическая мразь – это одно, а челядь и агентура князя мира сего – другое. Более того, коли есть проект и сообщество – в нем должны быть и какие-то нормы, а нормы, так или иначе, суть нормы некой порядочности... В общем, дьявольская агентура предстает относительно приличным народом.

Это я к тому, что Бог с Дьяволом могли бы как-то договориться касательно тех людей, что выбрали себя как больных и вредных животных.

И санкционировать их веселое повешение вдоль дорог. Кажется, это было у Ницше: все можно простить-понять, кроме мелкого негодяйства, крысиной хулы, плевок в суп... Таких – сразу вешать (а великий тиран может быть симпатичен).

Чудный был бы пакт. Разве что Господь заступится за ублюдков и все испортит...

Великое изъятие инвестиций

Два значения «страдательности». Первое, бытовое, – когда больно. Второе, из философского словаря, – когда с тобой что-то делают. Есть деятельная сторона – и страдательная. Если синтезировать: больно, когда с тобой что-то делают. Или: твои желания там, где решаешь не ты.

Мы ведь мало где решаем. Хотим чего-то там, где контрольный пакет у мира. И как они там решат – бог весть. Про нас они обычно решают плохо для нас.

А не хрен было туда вкладываться! Не следовало инвестировать желания в сомнительные проекты. Отсюда стратегия, можно назвать ее буддистско-стоической, – изымать инвестиции из такого ненадежного банка и переводить их. Туда, где решаешь ты.

«Делай что должно и будь что будет», – спустя пару тысяч лет стоический пароль спел БГ... Вторая часть пароля тут по смыслу первая: «будь что будет». Пусть горит к чертям этот банк, наше главное вложено в иных местах.

Привязываешься не к тому, что делают с тобой, а к тому, что в тебе самом делается тобой же. Тащиться с того, что ты «истинный кто-то там», а не потому, что тебя «заценили» («долг» оказывается тут вполне себе гедонистической штукой). Отбирать у мира право на твою оценку как условие счастья, эмигрировать в автономию, бежать из того формата, где наркоманы, несчастные влюбленные, ревнивцы, скупцы, тщеславцы и т. п.

Радоваться не мерой власти, которой ты наделен, но мерой свободы, способности быть причиной себя самого. Есть мера в твоём рейтинге статуса, и мера в рейтинге свободы, но есть самый важный, третий рейтинг – он в отношении индивидуальной важности первого и второго. Такая вот алгебра на вычисление производной личной свободы. Если второе соответствует мере социальной свободы, то третье – экзистенциальной, так скажем. Насколько ты сумел вытащить капиталы из ненадежного предприятия?

Это все очень легко сказать.

Достаточно сложно сделать.

Но надо, блин.

Чтоб не было мучительно больно...

Бодяжим дискурс для начинающих

– Дискурс – это слово «курсировать» и отрицающая приставка «ди». Короче, искусство не дергаться. Взял дискурс – держи его. Не бегай к остальным. Чего взял-то? Ну вот, допустим, шахматная доска и фигуры. Можно говорить о них как о шахматах: конь же один ходит на эф три и т. д. Можно как о предметах: деревянная фигура семи сантиметров, окрашенная в белый цвет, схематически напоминающая башенку, в трех сантиметрах от нее фигурка пяти сантиметров и т. д. Можно как о товаре: стоимость комплекта в триста рублей образуется из следующих накруток... Можно вспомнить, как вчера ими ударили по голове, и оценить боевые свойства доски. Главное – не дергаться. Начал говорить о шахматах как о шахматах – забудь, что это фигурки из дерева, слон не из дерева. Начал обсуждать ударную силу – не кидайся к стоимости, будь последователен, будь точен, короче, ботай в дискурс – будешь если не умнее, то хотя бы логичнее.

Ужась

Экзистенциальный ужас от ощущения, насколько мы онтологически не свободны. Если доказать, что онтологически нас нет вообще, – станет ли от этого легче? Экзистенциально?

«Истинный мир» возвращается»

«Истинный мир» (в ницшевском его разумении) вообще нельзя запинать. Только ноги себе отобьешь. Ницше пинал, пинал – где сейчас Ницше? В «истинном мире», правильно. «Бог» вообще очень любит тех, кто пинает его из чувства долга и справедливости... Приберегаю для них в раю специальную кущу – потенциальных праведников.

Если же от слов как-то к смыслу... «Истинный мир» – не блажь, но необходимость. Туда, сюда – никуда без него. Если мы люди, то обязательно возводим за миром что-то, чтобы обретаться людьми. И сам Ницше тоже возводил. Что именно?

Для начинающих можно пояснить в двух регистрах: нравственном и прагматическом. Подонком можно считать того, для кого эмпирия служит исчерпывающим арбитром. Победа, как известно, истина негодяев.

Не надо никакого образования, никакой интуиции, чтобы видеть – побеждает не обязательно лучшее, и не обязательно худшее, победа – вопрос соотношения сил, не более (гармония достигнута более-менее в таком ерундовом деле, как спорт, в спорте побеждает лучший, но уже на войне побеждает сильнейший). Хорош или нет писатель X и музыкант Y? Только подо-

нок или обезьяна будет, отвечая на вопрос, смотреть на эмпирию – какая там успешность и т. д. Все взрослые, честные и умные будут строить каждый свою теорию в тему «что такое хорошо и что такое плохо», то есть двигаться дедуктивно, и потом из этого общего судить частное. То есть сначала отвечать на вопрос «что такое литература», а потом судить «литератора Васю».

С эмпирией это хрен совпадет. То есть совпадет, но местами. Поэтому лейтмотив зудений всех разумных и хороших людей – «мафия бездарностей», «не ценят», «вот на самом деле» и т. д. Вот кто зудит в стиле «на самом деле» – тот мне свой. Даже если зудит в обратном мне направлении... А для кого «на самом деле» не существует, тот обезьяна. В лучшем случае.

...Теперь к прагматике. Действительность для человека с более-менее хорошим вкусом – невыносима, иное же – невозможно. «Истинный мир» – прокладка между миром и нами. Синтез «невозможности» и «невыносимости». Не иллюзия, не случайность, не выкрутас. Способ еще немного пожить, не сдохнуть – что прагматичнее-то?

Философией шуриша, крыша едет не спеша

Интересно вот, если психологически переживаешь свое онтологическое отчуждение, ну, например, тебе херово из-за того, что ты состоишь из атомов, которые придумал не ты сам – это что? Мне вот как-то стало херово. Не говорю уже о том, что вынужден беседовать на языке, который не твой, и заниматься отчужденным пищеварением. Это скорее в сторону психического расстройства или особо тонкой чувствительности? Или одно другому не помеха? И гностики-манихеи-катары – были именно так?

Закосы и переносы

Любой политический протест казался бы мелкотравчатым рядом с протестом онтологическим. Ну сравните: факт, что человек смертен, и факт, что кто-то умыкнул природную ренту или там прибавочную стоимость...

Подчас же человек сам не знает: то ли его мутит с таких вещей, как, например, «принципиальная негарантированность понимания», – то ли ему всерьез обидно за природную ренту. Подчас одно выражает себя через другое.

Ну, например, рваную экзистенциальную рану залечить радикальной политической деятельностью, вымутить революцию – и себе, как говорится, и людям... Или, наоборот: глухую социальную обиду перевести в какой-то общий бытийный план, посетовать на Вселенную в целом и утешиться вполне себе религиозным способом. Главное – индивидуальный подход.

Смерть, проживающая жизнь

У Гегеля, цитированного Батаем или Кожевым: «Человеческое существование есть смерть, проживающая человеческую жизнь». Если сказать: «человек, существуя человечески, должен прежде всего отличаться, и прежде всего – от себя» – будет ли это понятнее? И самое главное, будет ли оно о том же? Или так: «подлинно живем, когда внутренне умираем» – понятнее? о том же?

Свобода-для-себя

Мерещится некоторое разделение на свободу-для-других и свободу-для-себя. Носители первой выражаются социально как творящие причины самих себя, это свобода к деятельности, само-созидание и т. д. Тут все ясно. Второе подразумевает контроль человека над тем, что его волнует путем помещения внешнего мира внутрь своего внутреннего, или, точнее, вписанности внешнего в глобальные имманентные смыслы, контролируемые изнутри. Наверное, можно считать это своеобразной «религиозностью». Очень практичной религиозностью. Ибо «захватить мир» можно только так. Кстати, если «волю к свободе» счесть тезисом, отрицающим несвободную действительность, а «волю к действительности» – антитезисом, отрицающим человеческую свободу, то наша штука будет синтезом. С такой «религией», привитой или придуманной, можно что-то значить по жизни, не чувствуя при том от нее зависимость. Если же впадать в иронический тон, то можно сказать, что это врачевание нашего общего обыденного невроза – путем добавления в себя психотических элементов. Главное ведь не изжить эти элементы, а именно уравновесить.

Смерти больше нет

Если бы мне надо было поделить всех людей метафизически на два типа... То есть мне не надо, но если было бы надо... Я бы начал с проблемы смерти и загнул на две основные традиции работы с ней. То есть неважно, сколько там традиций – я бы загнул на две. Если бы надо было найти три типа, нашел бы вам три, но пока же о двух тренируемся?

Основная проблема жизни, что жизни на решение большинства проблем не хватает. Более возвышенно: бесконечное восприятие каждого конечного человека вынуждено знать о своей конечности и как-то самоопределяться с этим. Короче, человек смертен – знает бытовой рассудок. И вся метафизика про то, что это не так. Но это не так может быть двумя основными способами.

«Человек смертен» – это неправда. Почему? Либо потому, что «нет человека», либо потому, что «нет смерти». Либо Я – ложная структура сознания, и его проблемы снимаемы вместе с ним, либо мы имеем некие гарантии личностного спасения. Либо «Атман есть Брахман» (сюда же, полагаю, и веданта, и буддизм, и дохристианские культы Запада, и линия Спиноза – Гегель), либо авраамический путь, откровение и какой-то рационализм постфактум (сюда скорее Декарт, Кант и русские, прости боже, космисты). Если ботать по дискурусу... Одно можно обозвать имманентным субстанционализмом, другое – трансцендентальным персонализмом. Это не только какие-то содержания мышления, но и сам его стиль. Добровольный выбор основания, который ничем нельзя доказать – можно просто выбрать и все. И некий, наверное, стиль жизни, следующий отсюда. Этика. Эстетика. Политика, самое главное.

Нельзя сказать, что кто-то больший рационалист, кто-то меньший. Просто они разные, рационализмы. И разный иррациональный план, приставляемый к ним.

Можно долго про это.

Можно и книгу целую. «Личностное спасение и его враги». Или наоборот: «План имманенции и его друзья».

Но мы тезисно.

Просто линия раздела.

Антропофилия и антропофобия

Антропоцентризм приводит к элитаризму. Если полагать человечество божьей тварью, все мы, по большому счету, никто. В творении последний хмыренек мало отличен от хмыря номер один... Онтологическая периферия уравнивает. Все убоги – все равны. Все твари братья и сестры. Но если человечество лезет в центр мира, если оно претендует на космогонический статус, если оно «звучит гордо» и по гордости подбирается к известному архангелу... дистанция между первыми и последними – абсолютна. Нет того абсолютно внешнего, что ничтожит любую нашу дистанцию, и дистанция правит бал. Если человечество – главная ценность, то презентовать оную могут только «первые лица», только за ними признается в финале достоинство. Все остальное – ресурс.

С ним можно поделиться, можно не поделиться... Олигархия в таком случае не обязательный строй, но самый естественный. Если напрягаться, возможен социализм, но текущее само по себе тут будет олигархическим. И кому-то очень даже антропофобским.

Затесь про текущее кредо

Сознание есть атрибут субстанции, а не модус, т. е. разум в космосе строго необходим. Прежде всего для того, чтобы бытие получило именование (версия Ильенкова, что разум необходим для начала Вселенной, кажется скорее факультативной). Скажем так: Вселенная создала человечество, чтобы увидеть сама себя. То есть главная функция – дление себя как глаза в созерцании и именовании, сознающее себя бесконечным. Это базис космогонического присутствия человечества.

Бесконечность интеллектуального созерцания ставится под сомнение наличием самой природной среды как фактора нестабильности (в чистом виде человек никогда не остается с этим фактором один на один, но в остаточном виде тоже страшно). Ноосфера как совокупность мощи и связности энергетических потенциалов в роли прокладки от фактора.

Коррелятом развития ноосферы последние века была совокупная стоимость чистых активов. Живое время, переработанное в отчужденные деньги, есть, всего прежде, ресурс создания ноосферы. Откуда гарантированное самовозрастание совокупной стоимости при человечестве? Не столько даже новые технологии, сколько повышение качества и количества отчуждаемого времени, поступающего в реакцию. Касательно количества: экономика начала XXI века отчуждает, в отличие от XIX столетия, не только рабочее, но и свободное время. Касательно качества: оно прямо пропорционально валентностям человеческой особи, чье время сливается в котел символической экономики. Количество связей, объем информации на входе и выходе, вхожесть в круги, число телефонных звонков за день, мобильность в передвижении по планете и т. д. Это к тому, чем офисный яппи качественнее в статусе объекта эксплуатации. Он носитель большей валентности, чем крестьянин, и тем ценнее. Вот это и есть «общество потребления», если взять его не в потреблении, а в главном. И оно должно быть уничтожено весьма скоро – по его же имманентной логике, выписанной выше. Ибо корреляция между усилением ноосферы и ростом активов все более проблематична, как и сам их рост. Мы же помним – откуда он? Это переработанное в «труде» время человеческих особей, но максимизировать этот ресурс все более проблематично – новых плацдармов для повышения отчуждения, что качественно, что количественно, не остается.

Уже все время офисного человека, кроме разве что сна, приписано к символической топке – больше с этой овцы ничего не состричь. И саму эту доходную породу численно не увеличить. «Среднего класса» на планете ровно столько, сколько может быть вообще.

Часть населения России можно было бросить туда, его бросили – но это

мы помним, что это было за население? Оно было образованное, прошедшее школу городской культуры, индустриальной организации, там было много, спасибо СССР, учителей, врачей, инженеров и т. д. Это, мягко говоря, не обезьяны, слезшие с дерева. Не жители фавелл, не люмпены и не носители традиционной культуры. Их не надо было готовить – бери и впрягай. Современный третий мир таким ресурсом не располагает. И никто ему не поможет в становлении такого ресурса. Более того, во всех странах, некогда прошедших Модерн, ныне идет порча человеческого материала (с точки зрения, по крайней мере, самого Модерна). Ну, например: падает качество образования во всем мире, по крайней мере, во всем его развитом Севере. Общее место: современный школьник знает меньше, чем школьник 1970 года. И это тренд, это линия падения: 1970 – 1980 – 1990 – 2000... Берем ли мы некий «фактаж по наукам», берем ли способность к обобщению вообще. Берем ли Россию или США, неважно.

В топку экономики с каждым десятилетием будет приходиться все более плохое сырье. Рано или поздно окажется, что рост стоимости более не обеспечен, и чего тогда? Если стоимость не растет, она падает. Да хрен с ней, со стоимостью, вся стоимость – лишь конвенция и коррелят. Дырка же в ноосфере. Короче: на некоем этапе «общество потребления», общество позднего капитализма, перестает обеспечивать накачку ноосферы как надо. И должно быть, в таком случае, «слито». Заменено.

Кто это сделает – разговор отдельный. Можно верить в мировую революцию. Можно верить в мировую реакцию неких конспиративных «смотрящих по ноосфере». Можно верить – и это самое интересное – в синтез мировой революции и не менее мировой реакции. Собираются конспирологические смотрящие и решают – быть плановой революции, сливаем на хрен всех этих спекулянтов, инвесторов, всю эту номенклатуру, хватит, свое отработали, Сорос сделал свое дело – Сорос может отдыхать.

Чего тогда? Тогда надо такой механизм, который будет лучше запитывать ноосферу. В его описании, заметим мы на полях, сливаются модальности должного, возможного и действительного... Должно то, что возможно. Что возможно, то и действительно. Что? Нечто в рамочке, отвечающей за жизнеобеспечение и сбор со всего этого дивиденда, и возгонку его куда положено. Внутри рамочки – общество людей творческих, не очень несчастных, чувствующих себя свободными, переводящих время в саморазвитие. Модель – не знаю. Глобальная мировая школа.

Сеть творческих лабораторий. Сеть клубов по интересам. Семинар. Всемирная развивающая «кайфовня». Не знаю, что именно. Постиндустриальное общество, вот. Не как сейчас – постмодернизм на базе позднего индустриализма, а по-настоящему. Очень благостная картинка. И обязательно

в рамочке. Все, кто в нее не вписываются, могут пойти обслуживать в дивном новом мире водопровод. Там же будет водопровод? Все, кто излишен в семинаре или на водопроводе, могут идти на хрен. В леса себе, в поля. В свой мир. «Уполномочены сообщить, что более не нуждаемся в ваших услугах». Возможно, ушедших на хрен даже будут кормить на халяву. Возможно, и не будут. Это не важно.

...Примерно так, ежели в двух словах – кредо на сейчас. Поскольку оно у меня подвижное, и течет каждый месяц, и перетекает, и скоро будет другим – спешу, значит, зафиксировать. Затесать.

Без зла

Самой жестокой картиной мира была бы не та, где «зло правит», а там, где оно вообще отсутствует. Ну нет в картине мира того, на что можно указать пальцем – вот оно, зло, сидит... Возможно, именно такая картина мира у самого зла. Ну а вообще: выдержать такое представление дано лишь подлинно сильным людям (это тебе не с режимом воевать!). Хотя оно дает многие преимущества.

Грубо за философию

Философия – она о том, чего нет. О том, чего нет, но без чего непредставимо то, что есть. Более мягкий вариант: то, что есть, непредставимо в качестве человеческого. Изощренный вариант: то, чего нет, переводит существующее в бытийствующее. Короче, философия – очень сложная, но очень практичная вещь. Как религия. Вообще, если бы хотелось оскорбить сразу всех, надо было бы сказать: философия – как религия для бесчувственных, а религия – философия для недумающих.

Религометр

Кругом христиане. «А вы, Саша, чего же некрещеный, неверующий?» С легким осуждением, но вполне христианским прощением. Мол, придет мое время. Я же проходил тут тест – «религометр», такое вот дивное название... Ну, к чему вы больше предрасположены. Из религий. Вопросы прямые и косвенные. По итогам я вышел то ли «атеист», то ли «агностик». Вполне предсказуемо.

Но интересно, что «христианство» заняло последнее место из всех религий (что странно, ибо периодически меня заносит на симпатию ко всем его веткам). Даже «индуизма», прости боже, во мне нашлось куда больше...

Впрочем, вру. Последнее место занял все-таки «сатанизм». Что логично – что может занять последнее место, как не дубовое отрицание предпоследнего?

Привет Чернышевскому

А ведь «что делать?» – мой основной вопрос философии. Банально, зато правда. А что может быть естественнее, нежели это? Скажу еще – что может быть более имманентно? Содержание тут красиво вытекает из формы, в которой вопрос задан. Что такое мышление, взятое физиологически? – Зависание, невротическая реакция, когда стимул есть, а ответа нет.

Спиноза и ЖКХ

Что практичнее – изучать проблемы ЖКХ или творчество философа XVII века Бенедикта Спинозы? Мне кажется, что второе. Разумеющий Спинозу уже немножко въезжает в суть проблем ЖКХ, даже если ничего не знает о них. А знающий проблемы ЖКХ еще ничего не понял в Спинозе.

Просветить: железной рукой к несчастью

Добрые, честные и наивные люди могут полагать, что миром правят злодеи, отсюда и зло. Как бы им рассказать, что злодеев нет – и в действительности все намного хуже, чем с ними? Рассказать, чтобы воодушевить?

Наша ритуальная жизнь

Самая совершенная деятельность – которая вне прагматики. Не вызвана вроде бы ничем, но есть. То есть чем бессмысленнее, казалось бы, тем совершеннее. Например, ритуал. Мне почему-то кажется, что вся так называемая экономика на большую долю существует в ритуальных целях. Советский Союз выпускал бесполезное количество танков, и если бы не бессмысленность ВПК, мог еще пожить. Но бессмысленные танки – это был Ритуал, и это оправдано. И распитие кока-колы – от жажды, что ли? Это ритуал, литургия, карманная месса. С точки зрения каких-то иных месс это, вполне возможно, поклонение силам зла, но поклонение силам – это все-таки поклонение, а не глупость.

Общество потребления, оно ведь или полнейший бред, или оно тотально религиозно, просто это имплицированная религия и с точки зрения изначального христианства пагубная ересь. Но с точки зрения ее самой пагубная ересь как раз-таки изначальное христианство...

То есть я все-таки не за то, что общество потребления, общество спектакля, прочее современное и постсовременное – бредучий бред и сонливый сон, это реальность, созданная верой, поставившей свои ритуалы. И чем меньше в них прагматики, меньше смысла в его обывательско-прагматичном разуме – тем в них больше величия, больше смысла на самом деле. Гламур религиозен от и до, но если христианин скажет, что это дело от Люцифера – не стану особо спорить, хотя, впрочем, не верую во Христа и странно мне веровать тогда в Люцифера...

Видите бессмыслицу – ищите ритуал – и обрячете. Конспирология тут вообще не при чем, она исходит из того, что кто-то о чем-то «договорился», а хрен-та. Не договаривались. Самые сильные ритуалы те, которые спонтанны и имплицитны.

Возникли не понять как и в качестве производных не сразу понять чего. Можно искать язычество, можно гнозис, можно видеть их проводником протестантство, можно что-то еще. У Неклессы было про то эссе, Кургинян про то на полях своих лекций, и много кто. Стоит принять тезис, что итогом секуляризации стала некая ино-религиозность, и все встанет на свои места. Десятком разных способов, кстати.

«Капитализация активов», «капитализация активов» – а что это на самом деле? Это служение, ритуал. Человечество живет, специфически вознося дань особому небу путем роста мировой стоимости... Качество жизни и вообще проблематика «пожрать», «насушные нужды», «материальное» – с капитализацией соотносятся очень косвенно. Но капитализация важнее, чем материальное. Ибо явление духовное. А дух попирает материю, конечно, всегда. Нет таких сатанистов и язычников, у которых было бы наоборот. Все великие язычники, конечно, очень духовные.

Можно, кстати, развить тему: если самой совершенной деятельностью будет ритуал, то самым совершенным ритуалом будет, конечно, Жертва. А что могут пожертвовать люди? Что у них вообще есть? У людей имеется время, прежде всего, все остальное им принадлежит постольку-поскольку. Но какое-то количество внутреннего времени отпущено каждому. Ну вот его и надо... Можно вообще рассматривать экономику, да и все общество сквозь призму экономического, как механику жертвоприношения времени. У любой механики есть свои изобретатели, инженеры, техники. Есть какой-то онтологический статус процесса. Ну и вот. Символический обмен с чем-то высшим... «Символический обмен и смерть» – еще раз. Дальше можно не продолжать. Люди продолжают множеством отличных способов.

Верую, ибо содохну

Все люди имплицитно религиозны, просто забывчивы, чтобы это пом-

нить. Напомнить же легко – представьте, что умрете через небольшое, фиксированное, заранее известное время... «Болезнь убьет вас через полгода». При том мучительных болей не будет, бери себе полгода и вперед. Думай, делай, не делай. Все притянутся к полюсам метафизики, приколы в том, что к разным. Кто-то выяснится монотеистом, кто-то пантеистом, кто-то проявит отменные сатанинские качества, в конце концов – тоже религия. Кто-то изобретет свою. Скорее всего слабенькую и тяготеющую к большим полюсам. Напомним, что и коммунизм для истинных правильных коммунистов – тоже религия и, может быть, даже либерализм... Не сейчас, конечно, но для своих основателей – религия.

Всем сестрам – по равным серьгам

Давно мечтал встретить сочинения, излагающие некий набор предельных позиций мировоззрения с равной симпатией ко всем. Притом что автор стоит на одной из них и совсем не принимает другие. Просто он понимает, что начальные убеждения – это аксиоматика, и нет плохой и хорошей аксиоматики. Ведь плохая и хорошая – синоним прежде всего умной или неумной. А так можно судить только теоремы – умно или не умно они там выведены... А аксиоматика – просто есть. Можно сказать «ненавижу твои аксиомы», но нельзя «у тебя дурацкие аксиомы». Если одна позиция вытекает из другой, тогда чего-то такое можно... «Моя позиция более продвинутая, ты подумай – будешь как я». Самые умные левые, на моей памяти, выводили все левое как экспликация самого же либерализма. Самые разумные либералы – выводили себя экспликацией патриотизма и традиционных ценностей (обратных примеров, кстати, я не встречал). А вот чего истиннее – монотеизм или адвайта-веданта? То-то и оно. Но почти не встречал таких текстов и практически не писал сам. А стоит.

Онтология рулит

Вот даже умные люди говорят, что можно без онтологии, без метафизики, что можно воспринимать философию сугубо инструментально... Можно-то оно можно. Но ребята говорят так, фундированные не абы как, а позицией, генетически предзаданной некой онтологией, а как еще? Я не буду вникать, какой, но верую, что любой хороший онтолог это докажет. Какому-нибудь Хайдеггеру эта задача – на один зуб. Или там Владимиру Библеру. Как будто бывает некий «здоровый смысл», взятый сам по себе, независимо от презумпций сугубо онтологического характера, то есть – типа мышления, конвенции об «очевидностях», принятой логики... Какая там,

к чертовой матери, «житейская мудрость»? Любой наипростейшей житейской мудрости («главное иметь много денег») предшествует сложнейшая любовь к мудрости или религия, а «житейское» выступает как итог, отход или редуцированная форма.

«Да не парься»

«Культура смерти» (в понимании папы Иоанна Павла Второго) – судьба общества, похерившего, забывшего «символ смерти» (можно в понимании Мераба Мамардашвили, можно в понимании Бодрийяра). Умер символ смерти, чем открыл нам культуру смерти, вот так.

Действительно, оглянемся. Во все века человек был склонен самоопределять себя через смерть: я конечен, но могу вообразить и конечность, и бесконечность – что тогда? И отсюда вот много чего. Вопрос в базе и монотеизма, и пантеизма. Сама медитация на смерть, свою смерть прежде всего – сильнейший человекообразующий фактор. Для христианина, для светского гуманиста. Классических коммунистов, придумавших СССР, классических либералов, придумавших США. По-своему и первые, и вторые – религиозные люди.

Какова судьба вопроса сейчас? «Да не парься». Образ личной смерти, не мочилки из соплей и картона, а именно предела, конца – покидает культуру.

И нам остается то, что Папа Римский в 1990-х годах означил «культурой смерти». Если мы не умираем, то ведь и не живем. Если мы не умираем, то как бы почти нет зла. И можно резать на куски ребенка, можно быть людоедом и т. д. А чего?

Никто не парится.

Открытие экономики – закрытие философии

Что интуитивно понимает последний больной на голову конспиролог и, кажется, не хочет разуместь самый объективный экономист. Причем чем он «объективнее» – тем хуже. Он рассказывает экономику так, как будто она не следствие системы конвенций... Да все конвенция, вообще все! Даже соотношение спроса и предложения, точка безубыточности и прочее азбучное, что проходят на первом семестре экономфаков по американским учебникам (может, уже и по нашим, но в 1990-е нас учили по американским). Измени правила социальной игры, и вся «азбука объективности» посыплется к черту.

Та же «собственность», как известно, не вещь, а кодифицированное за-

крепление типа отношений прежде всего между самими людьми. И все, что кодифицировано – можно перекодифицировать, было бы желание. Такое ощущение, что главным открытием экономики как школьного предмета XXI столетия является закрытие немецкой философии XIX века! Я подчеркиваю, что именно «вузовского предмета», потому что не все экономисты действительно одноклеточные, были институционалисты и т. п., но первый семестр, к сожалению, не за ними.

Философия, психология, конспирология: народные конспекты на вкус

Базовых антропологических типов не так уж много.

Любителю попсовой философии я бы толковал так: главное, чувак, форма деятельности, человек есть то, что он делает. Деятельность – присвоение в отчужденных средах.

Природа есть отчуждение, деятельность есть снятие отчуждения.

И первый тип деятельности – присвоение природы, мира вещей, превращение неблагоприятной среды, где человек невозможен, в антропосферу. Работа в мире вещей, деятельное отношение к вещам, или, скажем точнее, деятельное отношение ко всему на свете, будь то люди или культура, как если бы они были вещи. Назовем носителя этой формы деятельности работник. Его сфера – производство и весь мир, презентованный как одно большое производство. Это человек, в идеале, подобен автомату, более или менее сложному, и может быть заменен таковым. Это крестьянин, рабочий, но также и продавец, и оператор в банке, и даже специфический тип начальника над людьми, воспринимающий их как вещи, детали механизма, работающие и не факт, что живые.

Следующий тип – назовем его торговец – занимается отношениями между людьми, увиденными как константные люди (т. е. люди в его картине мира вряд ли, например, развиваются-обучаются). Это уже человек не производственный, но экономический. Его деятельность – в сферах отчуждения экономики. Он может выступать как предприниматель, то есть преодолевать отчуждения этих сфер, создавая свои правила игр на основе новых договоров. Экономика снимает производство, и мы имеем оператора экономики. И вообще всего на свете, но увиденного как экономическое. Это не обязательно «торговец», но это, как правило, всегда посредник. Связывающий те же производства, к примеру.

Следующий тип – воин, оператор политики. Экономика снимает производство, политика снимает экономику. В чем разница? Экономические трансакции – внутри правил, политическое действие – на изменение самих правил. Обычно это война, метафорическая или не очень. Человек здесь видится

как заявленный на господство, как потенциальный субъект вытекающего отсюда конфликта. Соответственно, деятельность – работа в мире таких отношений, практическая конфликтология, война всех форм, или работа с чем угодно, но увиденная сквозь призму такой войны. Это «готовность к жертве собой во имя борьбы за признание» и т. д.

Политика снимает экономику, но сама, в свою очередь, снимаема культурой. Ибо, занимаясь политикой, ты навязываешь миру некое «должное», которое тебе поставляет... культура, так или иначе. Но сам по себе средний человек всегда застает культуру уже готовой – даже будучи актером в производстве, экономике, политике, культура для него отчужденная штука, ибо сделана не им. Но кем-то оно делается. Не только воспроизводится, но и производится. Условно назовем сию универсальную фигуру – жрецом.

Вот так. Отчуждение, снятие и четыре сферы, каждая из которых проглатывает предыдущую. Для начала же большой игры проглатывается прихода.

...Любителю попсовой психологии я бы рассказал те же четыре типа куда проще. Взял бы листик. Расчертил на четыре квадратика. То есть сначала поделил бы надвое: позитивное – негативное. Затем поделенное делится еще раз: простое – сложное. Пояснил бы, что позитивный тип – это принимающий мир как есть, без интенции бунта, приспособленец. Негативный, соответственно, отрицает мир, но фактически дополняет его в отрицании. При этом простой тип явлен целиком и сразу, а сложный должен себя собирать, он немного раскидан по углам – у него счета, активы, «связи», диссертации и собрания сочинений... Тогда, соответственно, наш работник – простой позитивный тип, торговец – сложный позитивный, воин – простой негативный, жрец – сложный негативный.

И вовсе просто было бы с любителем попсовой конспирологии. Ему надо сказать волшебные слова шудра, вайшья, кшатрий, брахман и более ничего. Он уже тебя понял более, чем ты сам.

Еще можно для иллюстрации растасовать колоду по мастям. Скажем, позитивными будут красные масти, негативными – черные, ну и дальше опеределяться. Жрецы, наверное, будут трефы, торговцы бубны. А достоинства карт? Ну там – король, дама, валет? А это надо разложить «личностные качества» по «количественным показателям». То есть вот масть – это твой путь, а вот докуда ты на нем прошел.

В принципе, я сейчас рассказал сюжет учено-попсовой книжки. Страниц так в 500 для неленивого автора. Прикладная персонология. Еще одна.

И сколько, главное, срезов: философический с отсылкой аж к великому Гегелю, практически-психологический, мистический, игровой... Ну да мы – авторы ленивые. Чего тут писать более одной страницы?

Ящики и кирпичи

Как-то сказал, что философия сколачивает те ящики, куда потом наука складывает свои кирпичи. Так и трудятся бригадой – кто по кирпичам, кто по ящикам. Я, наверное, жутко утрирую. Я, пожалуй, вообще не прав. Но фраза – нравится.

Самое важное – чего нет

Философия, повторюсь, о том, что не существует... Классические три вопроса, по Канту – «что я могу знать?», «что я должен делать?», «на что могу надеяться?» – все они о том, что не существует. И это несуществующее – конечно, самое нам важное.

«Реальность шире действительности»

Не помню, откуда фраза: «Реальность шире действительности, ибо включает в себя еще и возможность». Можно даже подступиться к определению философии как учению о модальностях, сокрытых от глаз прагматиков. Должное там, необходимое... Подлинная онтология о чем угодно, только не о действительности. Но поскольку вовсе игнорировать действительность не получится, то она всегда о чем-то, что как бы «мета-действительность». Сравним объект социальной философии, к примеру, и социологии. Социальная философия в споре может понтоваться, всегда полагая себя обладателем некоего N+1, как минимум. Независимо от того, что сейчас берется за N.

Бичара божий о любви к мудрости

– Одна из причин, почему тянуло именно к философии... Я вот чего заметил: если социолог крут, то это уже не социолог, а как бы по именованию философ, ну там Маркс, Фуко, Бурдьё. Если психолог крут, типа Фрейд, тоже поле философии. А вот если не крут – просто социолог, просто психолог. То же с филологами, культурологами... Самые крутые в точных науках – кто их удумал, дал аксиоматику, метод – тоже ведь «философы». Прямо-таки не отдельная область, но типа офицерское звание всех областей. Ну я и решил сразу в офицерское училище, чего мне казарма? Правда вот, недоучился... И кто я теперь?

– Как ты и хотел – недо-сверх-теоретик. Бичара божий.

Виктор Теплицкий

Родился в 1970 году в городе Красноярске. Учился в Сибирском технологическом институте. Служил в армии, войска ПВО. Работал дворником, грузчиком. Закончил Высшие богословские пастырские курсы. Рукоположен в сан пресвитера. До сих пор – священник Свято-Никольского храма, а также настоятель больничного храма Серафима Саровского при городской клинической больнице им. Карповича (БСМП). Печатался в журналах «День и ночь», «Дети Ра». Лауреат литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2004 года в номинации «Иные жанры – драматургия». Драма «Королевское сердце» была поставлена на подмостках молодежного театра в городе Лиссабоне в Португалии.

Предвестницы распада

* * *

Смерть – это просто ветер,
дующий к нам с востока
и уносящий в вечность
листья опавших жизней.

В силах ли мы оторваться
с дерева этого мира?

* * *

Звезды, поющие песни
беззвучно, неторопливо,
слышат холодные рыбы,
глядя на свет луны.

Станешь ли ты камнем,
чтобы услышать море?

И понимаешь – слишком мало
неспешных дней отведено.

Сентябрь. Осень бестелесна,
но слышишь постуль холодов
и понимаешь – слишком тесно
душе среди сгорбленных домов.

Печаль скользит по листьям сада –
неуловима, небыстра.
Немая муза листопада,
моя суровая сестра.

* * *

Нам не понять таинственной
причины.
Мы все уловлены прохладными
сетями.
На берегу мы – женщины, мужчины,
а в море все становимся детьми.

* * *

Подула осень. Задрожало
фрамуги тонкое стекло.

* * *

В.П. Астафьеву

Полюбить эту русскую речь,
неспокойное тесто глагола,
и слова, будто блинчики, печь
из муки снегового помола.

Натопить жарко русскую печь,
зачерпнуть пространства окошком
и потом долго-долго беречь
эту лунно-январскую плошку.

А еще полюбить русский звон
колоколен, рванувшихся к Свету,
положить свой последний поклон,
согревая дыханьем планету.

* * *

Невольно замедляешь шаг,
когда проходишь меж деревьев,
что словно арки встали над
крестами.

И понимаешь: так
должно быть здесь –
в нерукотворном храме, –
где солнце только незатейливый
витраж.

Нет ничего, и только скрип
зачем-то слабо нарушает
тишь снеговую выпцветших полотен.
Безвольно звук разлит
по линиям
и, кажется, бесплотен,
но так реален окружающий пейзаж.

Бесстрастный перечень имен,
вкрапленных в лоно горизонта,
неторопливо растворяет время.
В тени седых знамен
земля для жатвы
сберегает семя.
И солнце слабое, запутавшись в ветвях,
еще не греет...

Настя играет на пианино

Пальцы в клавишах вязли
и торопливо
бежали с черной на белую,
с белой на черную.
Девочка, что играла, была так красива,
напоминала птичку проворную.

Казалось: у пианино
выросли руки –
и в этом есть сходство
инструментов с деревьями.
Девочка, что играла, пересыпала звуки,
и они покрывались перьями,

разлетаясь, садились
на лампы, перила,
застывали на стенах,
будто фрески Акрополя.
Девочка, что играла, играть прекратила,
и мы, словно дети, хлопали...
хлопали...

Осенние этюды

1

*Плывет. Куда ж нам плыть?**А. С. Пушкин. Осень*

Небо звездами поперхнулось.
 Месяц. Кашель. Сухая желчь
 черных листьев. Душа проснулась –
 письма осени будет жечь.

Ветер воет бездомной сукой.
 Память флюгером на оси
 раскрипелась. Ночь смотрит букой.
 Сердце, хватит! Не голоси!

Сердце просит того, что мило.
 Да откуда ж мне это взять?
 Флюгер тонкий ночь раскрутила.
 Не унять его. Не унять.

Бросить ли за окошко крошки?
 Птахам мокрым ли дать поесть?
 Отступила бы тьма немножко,
 да не мучил бы ветер жечь.

Небо звездами поперхнулось.
 Месяц. Кашель. Такая прыть
 черных листьев. Душа проснулась –
 тупо смотрит. Куда ж нам плыть?

2

Сезон дождей уже прошел,
 но прятать зонтик неохота,
 и осень, убирая стол,
 себе под нос бормочет что-то.

И я, рассматривая как
 сметает тряпкой ловко крошки,

чаек хлебаю натошак,
 прильнув к немьтому окошку.

Окончен пир, и тяжело
 громады туч плетутся к югу,
 забрав последнее тепло,
 грядущую пророча вьюгу.

И стол садовый станет чист
 и ровен, как река зимою,
 и, как озябший пианист,
 тетрадь, как клавиши, закрою.

3

Я сослан в осень навсегда.
 Пусть бесконечно длится
 ссылка!
 Куда приходит иногда
 весны веселая посылка.

Куда приходят корабли
 не в меру душного июля.
 Здесь, на окраине земли,
 их появленье потерплю я.

Здесь, на окраине земли,
 в сырых глубинах листопада,
 густые тени пролегли –
 мои предвестницы распада

того, что мной обретено,
 того, что собрано по крохам...
 Что пылью стать обречено
 уйдет со мной последним
 вздохом.

Я в этой осени умру.
 Я в этой осени воскресну.
 И путь продолжу по утру
 к не мной назначенному месту.

Евгений Мамонтов

Лауреат литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева по итогам 2004 года в номинации «Проза». Живет во Владивостоке.

Лучший секс в моей жизни

Сначала я написал эту статью на испанском. Я всегда перехожу на испанский с интересными женщинами или когда речь заходит о страсти. Дурная привычка, но какой еще язык способен выразить с достаточным изяществом и прямоотой тему, достойную аргентинского танго. Вы танцуете танго? Я могу показать несколько движений, потом будет проще.

Я сам научился в Уругвае несколько лет назад. Забавная история. В Монтевидео мне все казалось поначалу, что меня принимают за кого-то другого. Незнакомые люди улыбались мне в кафе и просто на улице. Я подумал, может быть, я похож на какую-нибудь местную знаменитость. Пролистал несколько глянцевого журналов. Ничего подобного. Оказалось, что они вообще друг другу улыбаются, просто так. Да. И еще женщины там вплетают в волосы цветные стекляшки. То есть я так думал вначале. А потом узнал, что это драгоценные камни. Настоящие. Не бижутерия чешская. Уругвай занимает первое место в Латинской Америке по добыче драгоценных камней, и они там дешевы. Так мне сказали. И я купил несколько, но перед самым отъездом почти все проиграл в кости в кафе Глобус Илюминадис на улице Эль Эральдо. Кстати, рекомендую, там чудесная кухня, белое вино и замечательный вид на изумрудные волны залива Ла Плата. Держит заведение парень по фамилии Юнгер, правнук бежавшего нацистского преступника. Завсегдатаи называют его Мигель, а сам он весьма забавно показывает на старую фотографию над стойкой, утверждая, что это его прабабушка. Если я не ошибся, то изображена на ней Лени Рифеншталь. Словом, все перепуталось, но все очень мило.

Но я, кажется говорил о танго... Так вот. В это кафе приходил замечательный старичок. Дон Куандадо. Говорил на пяти языках и с утра заказывал себе текилу. Сидел и болтал до вечера. Или уходил. Так вот, когда он не уходил он много о себе рассказывал. И, в частности, говорил, что он в свое время учил танцевать настоящее аргентинское танго саму Эвиту Перон. Вы, конечно, слышали об Эвите Перон, супруге аргентинского президента. Я говорю, а меня можете научить? Он засмеялся и сказал что-то, чего я не понял, но зато поняли и засмеялись все остальные. А потом они смеялись еще больше, глядя, как мы со стариком танцуем. И так продолжалось каждый день. Так что нас в кафе полюбили и на улице в этом квартале мне улыбались шире, чем на других улицах, и с большим на то основанием. У меня на тот момент уже неплохо получались некоторые элементы, особенно очо и ганчо.

А потом настал решающий день. Мой экзамен, так сказать. Я впервые должен был танцевать с дамой. Там танго танцуют все. Но для меня, как для гостя, специально привели девушку, которая торговала на соседней

улице кукурузой. Она считалась красивой девушкой в этом квартале, и когда она вошла, смуглая, статная, в красном платье... я не знаю, как вам ее описать. Словом, когда я ее увидел, то мне показалось, что до этого я вообще никогда не видел женщин и даже ничего о них не слышал. Но самое главное – она была очень большая, почти на голову выше меня и, что называется, в теле. Наверное, они подобрали мне именно такую из уважения к необъятным просторам России. И я испугался. В танго особенно важно вести партнершу, двигать ею, вертеть, иногда просто волочить на себе. И я подумал, как же я такую ее сдвину? Это немислимо. Они хотят посмотреть на мой позор. До этого танцевали другие пары, кто-то играл в домино, кто-то в кости. Но когда вышли мы с Хуанитой, вы знаете, все прекратилось. Они заулыбались, заплодировали, закричали, подбадривая меня, как новичка. А я выдохнул, вышел на середину и посмотрел в черные, неподвижные глаза девушки, чувствуя себе кем-то вроде матадора. Я обнял ее за талию, локти наши соприкоснулись так плотно, как будто мы установили их на стол для реслинга, и с первым тактом я повел ее вперед, простым квадратом. Дойдя до края площадки, я перенес вес тела на левую ногу, стараясь сделать это особенно отчетливо для партнерши, даже спружинил, чтобы она поняла, что сейчас мы пойдем вправо. Мы одновременно сделали длинный, красивый шаг вправо. И теперь я повел ее назад, опасаясь, как бы не врезаться спиной в стойку, если вес моей партнерши, в силу законов инерции выведет наше движение из-под контроля. На лбу у меня выступил пот, Хуанита была абсолютно беззаботна. Освоившись с квадратом, я решился на более изощренные элементы. Нам удалось чисто выполнить довольно продолжительное очо и несколько хороших поворотов с подбросом ноги, когда, разворачиваясь, вы соприкасаетесь с партнершей бедром и согнутым коленом. В ганчо я напутал, но Хуанита успела увидеть, почувствовать мою ошибку так быстро, что подстроилась под нее, едва ли не раньше, чем я ее совершил. И это был поворотный пункт. Я вдруг понял, что можно все! Все получится. Не получится просто не может. Потому что по законам танго, по законам этого континента партнер, мужчина – всегда прав. И это была не какая-нибудь там декларация, юридический документ или тому подобная ерунда на бумаге. Это было как вспышка, откровение, данное вам не на словах, а в физическом ощущении собственной правоты.

Хуанита, весившая, наверное, в полтора раза больше меня, двигалась как вовсе невесомая. Она была легка и послушна, и через движение было слышно, что ей это нравится.

Я чувствовал, что мне с ней можно все, и это рождало страсть. Ту самую, знаменитую страсть аргентинского танго.

Я уже смело водил ее по площадке, вертел, поворачивал, дергал, бросал, как мне хотелось, и подхватывал. Истязал и ласкал. И ее глаза улыбались в ответ, чувствуя во мне уверенность, силу и правоту. Когда музыка смолкла, и мы с Хуанитой остановились, мне показалось, что мы с ней обручены и даже успели прожить вместе счастливую яркую жизнь.

Зал взорвался, как это бывает в нашем родном городе только, когда «Луч» забивает «Спартаку».

Через несколько дней я покидал Монтевидео, теперь уже понимая, почему здесь улыбаются на улицах женщины, неиспорченные ненужной свободой, и мужчины, всегда уверенные в себе.

Расскажите эту историю от первого лица любой девушке, приглянувшейся вам в кафе, и ставлю свой последний уругвайский сапфир на то, что у вас с ней все получится.

Елена Сафронова

Окончила Историко-архивный институт Российского гуманитарного университета. Печаталась в журналах «Знамя», «Вестник Европы», «День и ночь», «Урал». Член Союза российских писателей. Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси», лауреат литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева в номинации «Иные жанры – критика» по итогам 2005 года. Живет в Рязани.

Дебют

*Посвящаю всем исповедующим теорию,
что поэзия облагораживает
даже самые загрубелые души.*

...И был в городе дождь великий, и серые глаза дневных окон все чаще загорались желтой вечерней радостью. По бензиновым лужам шлепали безликие фигуры, и ни у одной из них руки не пустовали: забрызганные грязью сумки и пакеты плыли над мутным зеркалом асфальта. И уютом дышали не только окна, но и полуоткрытые двери подъездов, стеклянно-пустые витрины и салоны проезжающих троллейбусов.

«Ах, Господи, как тепло и здорово там, где свет и где есть затененный уголок, чтобы сесть, закрыть глаза и ни о чем не думать. Если это троллейбус, пусть он везет и везет меня бесконечно, а если это дом, пусть время в нем остановится, чтобы никогда не подниматься с нагретого местечка и чтобы радужные мысли, что переполняют меня сейчас, никуда не уходили долго-долго-долго... никогда...»

Перебивая плетущиеся – звено за звеном – цепи дум, из глубины сознания поднимались стихи, касались губ, и – в неуклюжей своей побежке по лужам – она принималась шептать самозабвенно:

Но время шло, и старилось, и глохло,
И, паволокой рамы серебра,
Заря из сада обдавала стекла
Кровавыми слезами сентября...

Нет, не кровавые слезы у сентября, а грязно-бурые, и текут они не с небес книзу, а по земле витиеватым потоком, и колесо проехавшей некогда белой «девятки-жигули» обдало помоями с автострады подол пальто – словно бы водитель позавидовал, что его капот чумазее девичьей одежды, ну и ладно...

Шла она в поддегайчике из плащевки – при солнце он, купленный на распродаже, казался почти нарядным, а в дождь сразу словно вылинял, утратил показную привлекательность (чего вы хотели за три сотни?), сделался серым, как стекло нежилого дома в сумерках. Коричневатые пятна расплывались по ткани, чуть ли не до пояса усеяв пальтишко. Но поскольку весь наряд под стать ему – сапожки коротенькие из дерматина, да беретик, полинявший от частых ливней, да сумочка с картонной распоркой через плечо – то пятна ничего не решают, особенно когда такая тихая блаженная улыбка витает по акварельному личику.

Вчера вечером подружка раскинула потертые карты и объявила с намеком, что вышли бубновой даме (бумажный цветок у рта и наивный взгляд

искоса) казенный дом и поздняя дорожка по личному интересу. Бубновая дама – девятнадцать лет, глаза неопытные, преисполненные неоформленных еще надежд – сидела напротив и внимала карточной премудрости, веря сразу, что да, будет и поздняя дорожка, и интерес в казенных стенах, и кончится интерес везением... И вот – редакционный порог за плечами, и дышится легко, и радуют занудные осадки, и приводит в восторг всякая мелочь, даже спектральный блик встречной фары.

– Аня, могу тебя поздравить... – сказал главный редактор молодежной газеты, сквозь очки глядя в побледневшее лицо задержавшей дыхание девушки – и заметил, как мгновенной обидой надулись ее некрашенные губы, пришлось исправиться, – Анна, а как ваше отчество? Вячеславна? Вот и славно... Выйдет ваша подборка, не волнуйтесь. На самом деле редакционная политика издания такова, что мы сводим стихотворные публикации к минимуму... а то, знаете, их принесут столько, что они одни в газете и останутся... в общем, мало печатаем стихи, но с вами случай особый. Николай Иванович давно за вас хлопочет, да и вообще вы у нас надежда, можно сказать, победительница областных конкурсов... Так что для вас сделаем исключение. Не бойтесь. Пять стихотворений – это как минимум. С фотографией. Фото у вас хорошее. Только вы нам много стихов дали – небось, весь ваш будущий сборник здесь, хе-х? Вы уж возьмите лишнее... а вот это, это и это оставьте. Мы с Николаем Ивановичем решили эту тематическую подборку опубликовать.

– Да нет... – бормотала она, – да зачем мне... Не надо...

– Вам не надо, а нам тем более не надо!..

И листы с черным, обнаженным, как зимний кустарник, машинописным текстом (электрическая печатная машинка, списанная с маминой работы, прижилась дома, как член семьи), свернутые в трубку, перекочевали в сумочку поэтессы.

– Вы у нас, Анна Владиславна, давно на очереди... – а творческая натура кивала, утапывая свиток в сумке. – Мы все вами восхищаемся и желаем творческих успехов... И чтобы они с материальными перекликались, хе-х! За это, конечно, много не платят... хотя ведь кому как повезет, верно? Мы вам гонорар распишем, не переживайте! Лично проконтролирую...

– А... а править будете? – вдруг втиснулась в житейски важную фразу главного редактора Анна Вячеславна. Главный онемел. Посмотрел в молящие глаза и мотнул головой:

– Никто вашим стихам ничего не сделает, слово даю! Как вас можно править, такое юное дарование! Да еще в первой публикации! Я ведь не путаю, первая? Ну вот, это же сразу все равно что по рукам дать поэтессе, хе-х! Не бойтесь, ни править не будем, ни гонорар дать не позабудем...

«Да что же он все про гонорар – не понимает разве, что я бы и сама доплатила, лишь бы моя первая публикация появилась в газете! Я ее два года почти ждала, меня уже некоторые обошли, кто моложе, я все верила в чудо – и вот оно происходит на моих глазах...»

– Мне... мне больше к вам заходить не надо?

– Ну, с этой подборкой-то дело решенное, а вообще, если захотите нас навестить – милости просим, хе-х! Может, захотите на досуге и в журналистском мастерстве потренироваться, заметочку сделать, – всегда пожалуйста, мы молодые кадры приветствуем!.. Всего доброго, Анна Владимировна, до свидания!..

«До порога проводил, адрес записал, телефон домашний, попросил паспортные данные принести в бухгалтерию для гонорара – опять про гонорар, будто это самое важное! Важнее всего – пять стихотворений, еще пахнувших типографской краской... или они сейчас ею уже не пахнут? Но так принято говорить о свежей газете... Вот, эти пять стихов из подборки «На изломе» – может быть, дурацкое название? Вернуться? Поправить? Не надо, не буду, боюсь сглазить!.. Забавный редактор человек, но, видно, добрый и рассеянный – руку пожал, а отчество все время путает...»

Стертые ступени, широкие перила, тяжелая дверь не хочет открываться, а за дверью – сентябрьское небо, хоть выжми, в алмазах вечерних фонарей. В их свете, полосуящем сумерки, так ярко блестят ошачтливленные глаза...

Подходя к троллейбусной остановке, Анна Вячеславна взглянула на часы – боже, только семь, а уже так темно! И люди спешат, вдергивают себя в троллейбусы и маршрутки, будто это последний транспорт, а на пятки им наступает ночь... И все равно окружающие прекрасны, хоть почти у всех заняты руки и глаза озабочены. «А у меня сегодня легкая сумочка, и на сердце легко, смотрите, – вот возьму и полечу, как невидимая Маргарита! Какая, черт возьми, славная погода! Какой обаятельный дождь льется на машины, на крыши, на меня! Как много художественности в этой влажной картине! Как живо горят сквозь морось фонари, сколько тепла в огненных витринах, и до чего здорово любоваться всем этим из-под зонта!»

Она приготовила проездной, вложенный в студенческий билет, и как всегда, когда у нее оказывалось в руках много вещей, слегка растерялась – расстегнутая сумка, студенческий в синтетическом футляре, старый мамин кошелек с двумя засаленными червонцами, старый же мамин же зонт с отрывающейся петелькой. «Может быть, доехать на маршрутке? Но нет, денег мало, а погода такая очаровательная, продлим же сладость прекрасного вечера, когда мне сообщили, что целых пять стихотворений будут напечатаны и даже гонорар распишут – в общем, дождусь троллейбуса, не сахарная, не

растаю, вот, кстати, люди зашевелились...»

Нужный троллейбус высунул из кипени дождя широкую добрую морду, и – ой-ой-ой! – сунула поэтесса кошелек в правый карман пальтеца, студенческий – в левый, закрывая на ходу зонт, влезла в транспортное средство. А ехать ей было далеко и с пересадкой.

Покинув центр, который всегда привлекал ее неотразимым городским очарованием, Анна одна стояла в темной коробке остановки где-то на зыбкой границе города и микрорайона. Здесь, на безлюдной улице, между частных прижимистых домов, дождь шумел иначе, словно с угрозой, а допотопный фонарь в жестяном дурацком колпаке маятником ходил над землею метрах в трех от короба остановочного павильона. И, следя за его однообразным покачиванием, Анна вдруг ощутила зябкость между лопатками, а долгожданных огней все не показывалось из-за далекого поворота.

Черная фигура жалась к забору через дорогу. Черная фигура настороженным взглядом пасла хрупкий девичий силуэт. Сумка! Сумку просто так к боку никто не прижимает! Без причины никто не нервничает. У девочки есть причины нервничать. Наверное, ей папенька с маменькой каждый вечер читают криминальные сводки, где сказано, что в последнее время участились кражи сотовых телефонов в частном секторе поселка Юбилейный, да и сумки с баб здесь срывают за милую душу, а попозже ночью могут и у мужика барсетку выхватить, и карманы обшмонать у пьяного. В сводках, правда, не написан адрес – кто б его сукам сообщил?! – где за сотовый, за борсетку, за кошелек, порой и за авоську с продуктами, только пижонскими, из супермаркета, накатят славную дозу. Кто подороже принесет вещь – тому таблеток отсыпят, кто подешевле – конопляного отвара нацедят, но обиженным никто не уйдет... И вот бояться студенточки глуховатых улочек, но ездят по ним домой, в девятиэтажки на краю Юбилейного, из своих частных вузов каждый день, а значит, каждый вечер, как заломает, есть шанс получить свою законную дозу. Пищать будет – пусть пищит, хрен кто выйдет, народишко тут пуганый. Убежать от нее – с полпинка. Да и в милицию, скорее всего, не пойдет этот цыпленок – не рассмотрит, не запомнит, еще и в штаны наложит от страха...

А она шептала себе под нос, в дрожи переминаясь с ноги на ногу:

– Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...

И еще всякая балладная жуть лезла в голову под стук дождя по железу остановки, под легкие, неестественно длинные покачивания фонаря, под полное одиночество и бесплодное ожидание...

Как вдруг замаячили на отдаленном вираже медовые стекла троллейбуса, и Анна шагнула к краю тротуара, возрадовавшись не в меру, а навстречу ей из темноты вынырнул – кто такой?

Отступив на воробьиный поскок, она увидела совсем еще молодое, с грубой челюстью, с небольшими, непонятного цвета глазами лицо, – и ощутила удар и рывок сильнейший. Толкнул он ее от себя, но сумку-то рванул к себе, выругавшись матом от того, что ручка сумки замешкалась на локте, и был в этот миг страшен, ибо никак не укладывался в Анины представления о жизни.

Она упала, когда недоуменно попробовала задержать ускользающие ручки сумки в своей ладони, а этот тип больно обрушил на ее хрупкое запястье тяжесть натренированной руки. Сразу затем он победно дернул сумку на свое плечо, и Анна, лишившись последней опоры, качнулась вперед, а поддержать ее было некому, и вовремя подставленные ладони вслед за ослабевшими коленями ткнулись в асфальт. Зонтик Анны, сложенный за ненадобностью, пока пряталась под козырьком, чуть не выколол ей глаз спицей. И в руках проснулась боль, и в сердце тоже, и слезы навернулись... Встала она неэстетично, подняв сначала заднюю часть тела и лишь потом голову, страдая от сознания собственной некрасивости в эту минуту, и, оглянувшись по сторонам, увидела только, что троллейбус уже совсем близко. А человек в темной куртке, с краденой сумкой, канул в вечер, в пустую одноэтажную улицу, в недавно столь славный сентябрьский дождь...

Шофер ждал, пока Анна неловко войдет в салон и боязливо сядет на одиночное сиденье. Народу в троллейбусе было – человек шесть, не больше, и все они с одинаковым гадливым любопытством смотрели на девушку в измазанном и мокром до пояса пальто, с зонтиком, болтающимся на запястье, и с дрожащими губами. Глаза ее были хрустальны, они избегали взглядов пассажиров, точно ее мучил страшный стыд. Но от команды кондукторши: «За проезд!» – Анне отвернуться не удалось. Правая голая рука полезла в карман, в то время как левая, саднящая, прижалась всей пятерней к стеклу, и вытащила маленький черненький кошелечек, тот самый, с двадцаткой, который она не успела положить в сумку. Кондукторша потянула ленту билетиков, но Анна замаячила больной рукой и, сморщившись, вынула из другого кармана студенческий с пестрым льготным проездным, точно пропуск в нормальную жизнь. Должностное лицо при исполнении оставило Анну с ее горестным изумлением и лихорадочной попыткой аутотренинга: «Кому какое дело до моего непрезентабельного вида и моих растрепанных чувств?! Пусть попробуют мне хоть что-нибудь сказать!..»

Человек в черной куртке расстегнул «молнию» на сумке, полез внутрь деловыми, привычными пальцами. Загрубелые подушечки нащупали на дне в беспорядке маленькую щетку для волос, шариковую ручку из пластика, зеркальце в кожаном футляре, мятый носовой платок, еще какие-то бумажки... В кармашке лежали пилочка для ногтей, календарик...

С матерщиной он шагнул поближе к фонарю – родному брату того, с остановки, тоже нестойкому, тоже в колпаке... Под желтой лейкой света вывернул грязноватую, в крошках, прокладку наружу, безжалостно вывалив все девичье добро (да и девичье ли? Возмутительно бесполое! Ни помады, ни пудры, ни духов!) в провинциальную грязь. Кошелек не было. Сотового не было. Ключей не было – впрочем, по ключам он и не работал. Барахло слово доброго не стоило. Бумажки, зацепившиеся за руку, мешали.

Машинально, даже без любопытства развернул трубку бумаг и прочитал, запинаясь, удивленно:

Льдом покрыты уснувшие ветки,
Грустно светят вдали фонари,
И во мне, как в промозглой беседке,
Свищет ветер декабрьский внутри...

А сверху, над стройным прямоугольником из восьми строчек, крупно напечатанное имя: Анна Ларцева. И больше ничего на листочке не было.

– Етить твою, стишки! ..! ..! ...-то! – сказал раздосадовано черный человек и рванул сверточек пополам. Стихи полетели в жирную плоскую лужу. От эдакого разочарования зверь, называемый ломкой, активнее завозился в его теле, причиняя жестокое беспокойство.

Неизвестный расшвырял носком ботинка фиговию из сумки дуры по обочинам улочки, прошагал немного по кривоватой, без асфальта, тропе меж домами, умело бросил распотрошенную сумку через забор в чей-то мокрый палисадник, накинул капюшон, сунул руки в карманы – и повернул обратно к остановке.

Мосунова Дарья

Родилась в городе Екатеринбурге, окончила факультет журналистики Красноярского государственного университета, училась в Литературном институте имени А. М. Горького, Президент фонда «Тройняшки», лауреат литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева по итогам 2000 года в номинации «Журналистика». Живет в Красноярске.

Про краски, кисточки и...

Советы юным художникам от нуля и до трех лет

– Ну что, Мосунова, готовься! Через два часа пойдешь рожать. Мы тебя вызовем, – заглянула к нам в палату уставшая от родов и рожениц медсестра. – А че ты так побледнела? Вжик, разрежем пузо и все!

И спокойно пошла в операционную.

Хотя нет. Она сказала даже не рожать, а оперироваться.

В животе в тот миг у меня словно застыло все, зацементировалось...

Я не знала, как теперь быть, что делать, куда сесть или встать...

Ждать два часа чего-то неизвестного, невысказанного мое сознание не могло. Дети в животе, обычно пинавшие и щекотавшие меня, замерли и «рожаться» не собирались. Видно, там внутри им было лучше, чем снаружи.

Беременные девочки по палате меня успокаивали. Мол, кесарево еще лучше, чем естественные роды. Вот сейчас пойдешь, ляжешь себе удобно, заснешь – и красота. Тебя прооперируют, детей достанут, зашьют, и ты уже через полчаса лежишь в палате, отдыхаешь. Не то, что им, бедным, мучиться от схваток, орать, тужиться, рваться...

Я села, потом встала, снова села... Вдохнула. Выдохнула... Чувствую, что не помогло, только еще сильнее напряглась. Как же успокоиться? Как же не напугать внутри меня застывших в ожидании чего-то глобально-неизвестного инопланетных жителей. Я должна их как-то предупредить о грядущем приземлении и подготовить выход в открытый космос.

– Милые мои, родные. Скоро я вас увижу! – я гладила ласково пузо. Рука не переставала дрожать.

Тогда я взяла кисти, краски и альбом, которые всегда лежат у меня в сумке вместе с плеером и кассетами классической музыки, налила в баночку для сбора мочи воды и начала рисовать.

– Вот ваш папа, это такие у нас цветы, озеро в Пугачево, сосны, ели... Это поезда, они бывают такими, а самолеты летают так высоко, и все над нашим садом, в котором растет такая пушистая елочка... – Я улыбнулась... и рука начала меня слушаться, сердце уже не стучало у меня в ушах, а спокойно опустилось в положенное ему место.

Страхи я растворила в той же воде, где мыла кисточки. Деткам понравились мои разноцветные неумелые шедевры. Камень с живота спал. Я ласково поглаживала пузо, дети внутри меня, будто котятка, мурчали.

И когда невозмутимая медсестра через два часа пришла за мной, я сказала:

– Дайте дорисую рыжего льва. Детям он нравится!

Медсестра застыла на пороге. Потом подошла, внимательно изучила моего льва и выдохнула:

– Е-мое, Мона Лиза нашлась! – перепулав от удивления все на свете. А может, проработав тридцать лет в роддоме, она думала, так зовут гениального художника-женщину, вечно писавшую картины перед очередными родами. – Подаришь на память?

* * *

После родов, в больнице, не получалось никак порисовать. Хотя так хотелось! Но руки все время были заняты детьми.

* * *

- Я бы хотела в теплую ванну и чтобы в руке шампанское! Холодное!
- А я бы хотела салата с крабовыми палочками.
- А я в Турцию, ну хоть бы на денечек!
- А я выспаться и порисовать.
- Чего??? – все удивленно посмотрели на меня.

Так мы мечтали с новородками-мамочками в боксе, где наших детей освещали голубыми лампами, борясь с желтухой.

* * *

Спальню своих малышей я обклеила обоями в голубо-желто-розовой гамме. Шторы сделала из зеленого шифона. А портьеры из ярко-желтого с лимонными рюшечками. Ламбрекен из розового и голубого. На подоконник поставила розовые горшки с геранью, лимоном и фикусом, на которых были нарисованы веселящиеся зайцы, объевшиеся морковки. На окно повесила большую золотую звезду, уцелевшую после новогодней вакханалии. Бабушка подарила мне нежно-розовую люстру с золотыми каемочками. На пол постелила большой прабабушкин германский ковер (до того висевший на стене) – с невыслыми разноцветными звездами, завиточками, кубиками, ромбиками.

В этой маленькой солнечной комнатке поселилась сумасшедшая радуга. Думаю, что малышам с первого дня очень понравилось.

* * *

Показываю трехмесячным малышам художественные альбомы с цветастым, радужным Коровиным, с колоритным и вкусным Толстым, с холодно-голубо-сиреневым Врубелем, с теплым и диковатым Гогеном... Мой муж удивлен.

- Они еще толком не видят наши с тобой рожи!
- Ну и пусть. Пусть вначале увидят прекрасное!

* * *

Очень хотелось сбегать в книжный магазин за импрессионистами.

– Ты не мог бы, милый, съездить до работы купить детям кого-нибудь из импрессионистов. Ну там Гоген, Модильяни... Или абстракциониста Кандинского. Дети как раз поймут...

– Так, стоп, – отрезал муж. – Лучше я куплю книжку про Буратино.

* * *

Соседка с пятого этажа приучила рисовать ребенка за тем же столиком-стульчиком, за которым он ел. Хотя многие специалисты против этого. Но зато как удобно – скотчем зафиксировать лист бумаги к столешнице, и ребенок никуда не денется.

* * *

Моя мама рисовала со мной, водя пальчиком по манке, рассыпанной ровным слоем по темной поверхности чайного подноса. У меня с моими карапузами не вышло. Стоило только одному подуть, как вмиг вся манка разлеталась по комнате. Дурной пример... Ну, разумеется!

Тогда я решила перехитрить малышкой. Я приклеила манку, верней пшено, на лист. Нарисовала прозрачным клеем букву М. И посыпала сверху пшеном. Часть пшена осталось на бумаге, а часть ссыпалось, когда я перевернула высохшую М.

Взяв пухленькую ручку Шурика или Сережки, я водила по листу.

– Это буква М. Мама. Маша. Молоко.

Рисованием на подносе или вождением рукой по пшеницу добиваешься главного – развития мелкой моторики.

* * *

В девять месяцев я свернула в детской ковер, достала неиспользованный после ремонта рулон обоев. Открыла банки с детской бесстрашной для желудка гуашью и... даже не надо было созывать малышкой. Они как щеночки быстро на четвереньках приползли на яркое. Да это же что-то новенькое!

Рисовать на обоях круги и ромбики, как мама, не очень-то хотелось. А вот память, подавить, попробовать на вкус, намазать себе на лицо, ноги, попу, живот... это в самый раз! А еще забавно, как печатаются ладошки на линолеуме. Я стойчески держалась. Любое творчество надо приветствовать, даже такое! Бабушка, увидев как розовощекие в прошлом детки мимикрируют, убежала на кухню.

Творческая мазня, верней размазня, длилась недолго. Художники, измазавшись и намазавшись вволю, начали быстро-быстро расползаться по квартире и метить территорию.

Я собрала малышей в кучу, посадила в ванную и отмывала час.
И три часа драила комнату.

* * *

От творчества я не отступала. На следующий день решила устроить «красочную помойку» в ванной. Посадив малышей и дав им по баночке с краской, я спокойно наблюдала, как вода и стены расцветают и белизна ванны увядает под напором младенческих райских гущ. Наблюдать за порывами вдохновения здесь было проще. Раз... и душ смывал безумие младомастеров.

* * *

Дорогие испанские краски кончились враз. Половина осталась в животе у малышей, вторая половина на стенах и обоях. Давать детям нашу российскую гуашь я побоялась. И тут случайно узнала, что и дома можно сотворить нечто похожее на детские безбоязненные краски.

Делается все нехитрым способом: варится густая манная каша. Конечно, лучше ее не солить и не сахарить. Иначе до творчества дело не дойдет. Мешается каша с соком морковки... и оранжевая краска на столе. Сок свеклы – и красная готова. Сок черноплодки – фиолетовая. Сок сельдерея или петрушки – зеленая.

Можно, конечно, рисовать и просто чистым соком морковки и свеклы, но детки так любят все помять, размазать и... почавкать!

* * *

Еще проще способ. Использовать кусочки свеклы и морковки как мелки.

* * *

Оказывается, не надо пугаться (как это делала моя бабушка) и переключать в правую руку кисточку, если ребенок рисует левой. И совершенно не верно сразу записывать карапуза в левши. До 1,5 лет, а мои так и до 2 лет меняли доминирующую руку каждый день.

А вот интересный совет специалиста, который я прочитала в научно-популярной литературе: важно давать рисовать крохе и правой, и левой рукой. Левая должна обязательно участвовать в процессе, это поможет развиваться ребенку гармонично.

* * *

Это все из совета:

Размер бумаги со временем надо уменьшать, так как ребенок начинает рисовать «от локтя». К двум годам он зарисует кистью руки, а позже – пальцами.

Чтобы ускорить этот процесс, очень важно научить ребенка рисовать мелкие предметы, например, нарисуйте машинку и попросите раскрасить колесики, кузов. К дереву – нарисовать листочки. Нарисуйте цыпленка и попросите нарисовать ножки, глазки, клюв (это занятие для детей 1,5–2 лет).

* * *

Не жалею денег на краски, кисточки, пластилин... Эх, прощай, мужнина зарплата!

Держу «причину для талантливого следствия» в открытом состоянии, не боясь, что дети измажутся и начнут на обоях рисовать. Ну, нарисуют. Ну, что здесь такого? Здорово, если настенная живопись моих крошек увековечится до следующего ремонта.

Дети покрутятся возле любимых игрушек и... смотрю уже что-то красят, лепят, ваяют... Приятно.

* * *

До сих пор с содроганием вспоминаю моего двоюродного племянника, которому мама не разрешала до пяти лет рисовать даже фломастерами.

– Он же рисовать НЕ УМЕЕТ.

– А он хоть пробовал?

– Еще чего! Разрисует себе майку, сам измажется... Его же потом отмыть надо.

В 4 года я решила-таки устроить диверсию и подарила коробку фломастеров. Ребенок был несказанно удивлен – оказывается с помощью этих волшебных палочек можно вволю пофантазировать. Вот тебе и маленькая мышка, гуляющая под ручку с кошкой. Мама веселая, толстенькая и красивая, едущая по тоненькой ниточке на велосипеде. Гора конфет, спокойно лежащих на тарелке. Чудеса! Я оставила фломастеры на столе, а сама вышла: позвала бабушка. Через десять минут Тема вышел разрисованный.

– Мама! Я пират! – гордо сказал он и показал на черные усы и бороду.

Мама с негодованием взмахнула руками и устроила малышу порку. А на меня до сих пор дуется.

* * *

В детстве, в годиков 5 или 6, мама ставила мне пластинку с классической музыкой, открывала баночки с гуашью, а сама готовилась к лекциям. До сих пор помню восторг от разноцветных концертов Моцарта, от пастельных ноктюрнов Шопена, от сине-зеленого первого концерта Чайковского...

Мне нравилось не только в такт музыке плавно водить кистью по бумаге, но и раскрашивать эти прозрачные классические музыкальные флюиды.

* * *

Я не стала художником, хотя об этом жалею. Но моя младшая сестра закончила художественное училище.

Когда я у нее дома, во мне резко вспыхивает лихорадка. Я горю. Я изнемогаю! И зная, что в ее доме ничего трогать нельзя, я бегу домой. Там на последней полке книжного шкафа есть альбом, краски... Я сажусь и ах!.. Что еще нужно для счастья?

Вот вчера подарила одному молодому чудесному человеку свою картину под названием «Солнце». Человек смотрел на картину, смотрел на меня... Оказывается, такая большая тетя, как я, не забыла дорогу в детство.

* * *

Осень 2003 года. Наш город в панике. Неслыханное землетрясение.

– Вы почему не на улице? – стучит соседка со второго этажа.

А мы даже не поняли, что стены качаются. Мы же рисовали! Я прикрепляла белые листки к стене скотчем, взяла рукой малыша кисточку и вот уже красная звезда, елочка, ежик на стене. Эти рисунки висели два года. И когда гости спрашивали:

– А кто их рисовал?

Я гордо отвечала:

– Дети в 6 месяцев!

* * *

Это я из журнала вырезала.

Красный повышает внутреннюю энергию, либидо (половое влечение) и сексуальность, способствует активизации кроветворения, нормализации кровообращения и обмена веществ.

Оранжевый помогает победить усталость, хандру, депрессию, неуверенность, тревогу и страх.

Желтый повышает концентрацию внимания, улучшает настроение и память. Его влияние очень благотворно при нарушениях работы печени.

Зеленый способствует ритмичной работе сердца, отдыху глаз, оказывает умеренное противовоспалительное и противоаллергическое действие, полезен при сниженной функции почек, головокружении, нервозности.

Голубой успокаивает, повышает иммунитет, снимает воспаление и ощущение жжения, например при солнечных ожогах, благоприятно влияет на работу щитовидной железы.

Синий помогает при бессоннице, вызывает ощущение комфорта и покоя, снимает напряжение, снижает артериальное давление, успокаивает дыхание, помогает при мигренях.

Специалистами по цветотерапии особенно рекомендуется синий цвет женщинам при нарушениях менструального цикла и во время климакса.

Фиолетовый усиливает интуицию, нормализует состояние лимфатической системы, помогает при мигренях.

* * *

Вечером сижу в спальне на полу и читаю Хармса пацанам. Машенька мышкуется в другой комнате. Через полчаса заходит, аккуратно держа альбом.

– Мама, это – осень!

На рисунке синяя речка, мостик через нее, вокруг дерева гнутся под ветром. И везде разбросаны красные и желтые листья. Нет, они не разбросаны. Это же листопад, какой мы наблюдали в сквере.

Это первый самостоятельный рисунок малышки в 2,5 года! Я от счастья плачу.

* * *

Казалось бы, трое малышей воспитываются одновременно и одинаково. Но Сереже рисовать, в отличие от Маши и Саши, не нравилось. Он всегда с трудом усаживался, без охоты брал кисточки, капризничал. Вот если почитать или поиграть в машинки. А лепка и рисование не его.

– Ну что ты издеваешься над ребенком! – ворчал дедушка. – Он в меня – технарем будет.

– Но ведь можно технарем быть и рисовать, – упрямылась я. И нашла-таки подход к малышу.

Пока Маша и Саша купались в ванной, я сидела на кухне. Тихонько подвинув к себе пластилин, я сказала:

– Сереж, а чего у тебя машина без водителя? Давай посадим папу за руль.

И я слепила крошечного пластилинового папу, потом маму, на заднее сидение посадила Машу, Сашу и Сережу. Насыпала муки – это снег, пролила чуточку черничного морса – это лужа, бросила горсть овсяных хлопьев – это опавшие листья, вермишель – это палки.

– Даш, чего ты грязь на столе развела?

– Это не грязь. Это у нас с Сережей ралли трофи. И ты сегодня за рулем! Смотри, какая опасная колея.

Муж не понял. Но Сережка был счастлив. Теперь он ходит в обнимку с пластилином и машиной. В его бесчисленном автопарке на передних сидениях сидят автогонщики – храбрый папа и опытный штурман-мама, сделанные Сережей.

* * *

Пластилин был покорен, оставалось покорить краски.

– Давай придумаем для твоей машины новую сказку!

Малыш, привыкший к сюрпризам, отозвался сразу. Я разложила на столе пять белых альбомных листов. Сережа нервно заерзал на стуле.

– Смотри, вот это гараж твоей машинки. Сегодня у нее тяжелый день, ей надо отвезти – я насыпала в кузов маленькому грузовичку разноцветных макарон – груз в магазин. А дорога тяжелая. Ей надо проехать через темный лес.

На втором листе тут же рисую дорогу и высокие ели и старые дубы по обочине.

– Какой быстрый и храбрый грузовик! Мигом проехал. И даже не испугался! А теперь потруднее задание – вот высокая гора. Карбайся, карбайся!

И на третьем листе тут же выросла высоченная гора.

– А сейчас проехать надо бурную речку!

На белом листе вдруг забурлила синяя река.

– Мама, но наш грузовичок утонет!

– А мы нарисуем мост! Большой, крепкий. А хочешь даже железобетонный!

– И вот он магазин! Молодец, грузовичок, ничего не рассыпал и не потерял. Вот уже директор магазина машет ему руками.

Сын был счастлив. Сережа понял, что красками можно творить чудеса.

* * *

– Спасибо!!!

Быть может, мои три восклицательных знака услышит автор и изобретатель соленого теста? Что за чудесный материал для творчества, если твоему ребенку нет и годика. Мы его, разумеется, ели, но и катали, лепили. Этаким «прародитель» пластилина.

Но хочу сказать, что когда деткам стало 1,5 годика, мы делали из него стрекоз, крокодилов, зебр и, подождав, пока оно подсохнет, – раскрашивали в разные цвета. К тому же хорошо потом дополнить лысого ежика тонкими стрелами спагетти. К стрекозе прилепить круглые глаза из кружочков моркови. Божьей коровке сделать точки из душистого горошка. Рисунок на спине у удава выложить сухим горохом. Крылья бабочки украсить гречкой и красными, белыми и черными фасолинами.

Вы думаете, я прочитала эти советы из учебников? Нет. Я придумала их сама. Помогли краски, а точнее, развитая фантазия.

* * *

Сейчас бабушка повела моих отпрысков на выставку Андрея Геннадьевича Поздеева. Жаль, я не могу пойти, пишу текст в журнал. Но думаю, что им Поздеев понравится!

Дмитрий Румянцев

Лауреат литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2005 года в номинации «Поэзия». Живет в Омске.

Два стихотворения

Полкану

Дай лапу мне, когда такая стынь,
да из трубы – крапивный, злой дымок.
В деревне в чащи сумерек – настил,
да ЗИЛ в грязи стоит без задних ног.
И на сто верст – ни звезд, ни огонька.
И радио хрипит, и телек сдох.
Ночь суеверий. Лезут с чердака
дух чеснока, сухой чертополох.
А в животе урчит сиамский кот.

И ты под лавкой, на него рыча,
глядишь, как мелкий бес и старый черт
толкуют за стаканом первача
про жизнь и смерть Ивана Ильича.

Священная корова

Деревенское лето в зеленой дрожит чехарде.
– Заколочены ставни Нестряевых. Значит – уедут! –
земский врач, недоучка, всезнайка, Антон Чехонте
поправляет пенсне близорукого велосипеда:

– Значит, Лида...

И вертит былинку, и смотрит на лес:
там торчит во все стороны куст, словно сельское лихо,
как бутылка первача из-за пазухи: – Где ты исчез?
Тут, того, – обрывает Пахомыч, – сгорела Пеструха.

– Как сгорела?
– Да вместе с сараем!
– Неужто поджог?
– Что ж ты думал?
Митрюха, чертяка, опять напаскудил:
ночью к Лиде в окно, да – стихи! Он – поэт, голубок!
Прогнала – нахлестался!
– Да он ли?
– Так видели люди!..
Знать, ревнует!
– К кому?
– Аль не знаешь?
– Да брось ты молоть!..
Там в Москве – только свистни!
– Не ты ли до младшей просватан?
А старшая: позвал бы к венцу, говорит, так пошла б!
– Ася?
– Ася!
– Ох, б...!
– Эй, смотри, повели Герострата!

За Митрюхой ползет (как за ветром ползут облака)
полдеревни. А он по страдальчески брови нахмурил.
И Антон понимает: не хвоя печень – тоска! –
это гробит его мировая тоска по культуре...

Астафьевский мемориал

фото

Евгения Кузнецова

В марте 2008 года в издательстве «Платина» вышла книга Евгении Георгиевны Кузнецовой «Акулина в бизнесе, или Три жизни...».

«Каждый человек проживает несколько жизней в свое земное время. У кого-то жизни плавно и гармонично перетекают одна в другую, мои же делали крутые повороты», – пишет автор.

И в самом деле, первая жизнь – это время советской власти, вторая – период становления дикого капитализма, когда Кузнецова стала «первой акулой капитализма» в крае, а затем, сделав дело, резко ушла с поста президента успешной компании.

В книге передана культурная атмосфера Красноярска шестидесятых – семидесятых годов, настроение артистической, литературной среды того времени.

Евгения Георгиевна Кузнецова, известная российская бизнес-леди, многолетний руководитель ОАО «Пикра» (Красноярский пивзавод), первого частного предприятия в крае. До 2007 года она – президент Фонда имени В. П. Астафьева, человек самого широкого культурного кругозора, много сделавший не только для фондов Астафьева и Поздеева, но и для всей культуры Красноярского края.

Мы предлагаем вам небольшой фрагмент из «Второй жизни», посвященный Виктору Петровичу Астафьеву. Публикуется с разрешения автора.

В. П. Астафьев. Последний бастион*

29 ноября мне в Стокгольм пришло сообщение: умер Виктор Петрович Астафьев. Было ощущение – рухнул последний бастион.

Виктор Петрович был живой негласной защитой и совестью для многих, и для меня тоже. Тут же нахлынули воспоминания...

В. П. Астафьев вернулся на родину из Вологды в конце 70-х годов. Помню, как на встречу с ним в театре имени Пушкина собрался весь город...

Е. Крупкина, газета «Комок»

«Люди читающие обрадовались... Он говорил не то чтобы легко и красиво. В его словах звучали боль и правда... Он не обличал коммунистов, не говорил о том, кто отвечает за годы голода и страха в российской истории двадцатого века...»

Он знал жизнь куда шире, чем его слушатели. Он говорил о гбнущих реках, о загрязнении природы, о загрязнении совести. Эти его слова казались крамолой. Потому что любое живое слово уже было откровением. А тут мудрый, битый жизнью земляк говорил простые, но такие чистые, отмытые в реке слова – будто включил фонарь и светит со сцены... Когда он говорил о душе – запретное слово «Бог» будто материализовалось, и нам стало ясно, что этот человек верит в Бога и от нас ждет того же.

Он говорил, что не все еще погибло. Есть еще что спасти, сберечь и в душах, и в природе.

Никто из нас, и старых, и молодых, не слышал, чтобы со сцены говорили слова такой силы. И поэтому надежда и вправду поселилась во многих из нас. Потом Астафьев стал просто смыслом нашего большого и малолюдного края. Потому что если в такой страшной и грубой жизни, в такой горе и бедах из мальчонки-сироты вырос крупнейший писатель – это оправдывает нашу жизнь. Значит, и с нами рядом, в нашем пьяном, тоскливом крае горит огонь высокой правды».

Шума и разговоров по поводу его интервью и встреч с читателями было много. Власть скрипела зубами, но вынуждена была терпеть. Виктор Петрович уже тогда был писателем с мировым именем, и с этим приходилось считаться. Однажды, очередной раз упрекая в нелояльности к власти, ему сказали:

* Книга Е. Г. Кузнецовой «Акулина в бизнесе, или Три жизни...» (издательство «Платина», 2008 год).

– Вас советская власть сделала известным писателем, а вы ее поносите!

На что Виктор Петрович резонно ответил:

– В моей деревне Овсянка народу много, а писателем стал я один.

Он знал себе цену.

У нас было много общих знакомых: семья Володи Зеленова, замечательного скульптора и обаятельного человека, Роман Солнцев, Зорий Яхнин, но с ним я познакомилась случайно в год его 70-летия, у Валерия Ивановича Сергиенко. Я только что вернулась из Праги, где посмотрела фильм С. Спилберга «Список Шиндлера». Говорила с ним об этом, как всегда, когда чем-то взволнована, и словами, и руками.

И вдруг он остановил мой словесный поток:

– Женя, ты не смотри что я такой деревенский мужик, я Спилберга знаю.

– Виктор Петрович, я не только про Спилберга, меня потряс зал, который сидел молча, не вставая с мест, пока шли титры, и свет в зале горел уже минут пять. Люди были потрясены! И была-то в основном молодежь!

– А вот это хорошо! Поддерживать молодежь надо вовремя.

Это был год, когда по его инициативе был создан Фонд имени В. П. Астафьева.

Из дневника:

Премьера «Бала-маскарада» Д.Верди. Сидела рядом с В. П. Астафьевым и Марией Семеновной. Журналисты РТР брали у него интервью. Виктор Петрович, как всегда, непредсказуем: он, оказывается, слушал эту оперу в 1942 году здесь же, в Красноярске, в исполнении эвакуированных и объединившихся киевско-днепровско-одесских театров.

Работал в то время железнодорожным сцепщиком, а к музыке приучили в детдоме.

Не ожидала, что он придет на мой юбилей, он уже прихварывал. И вдруг вижу, Виктор Петрович поднимается на сцену:

– После того, что происходило вчера, когда в очередной раз русскую землю вспорытило стадо, ведомое пастухами, покрытыми красно-коричневой пылью, мне особенно радостно приветствовать человека, не народ, а человека, вышедшего из него, за спиной которого брезжит свет и остатки того разума, который был и остается в России.

У меня сердце билось, как заячий хвост. Я не ожидала и чувствовала себя смущенной от его слов.

6 октября, перед самым моим юбилеем, коммунисты вывели народ на акцию протеста по всей стране.

Я еще размышляла, не отменить ли свое широкое юбилейное торжество, но дети сказали – нет!

На инаугурации мэра мы с ним сидели на сцене рядом. Заиграли Гимн России – он же Гимн Советского Союза.

Я, как юный пионер, подскочила, хоть у самой отношение к гимну спорное: с одной стороны – привычная с детства мелодия, но и слова тоже отчеканены в памяти:

*«Нас вырастил Сталин на радость народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил...»*

Виктор Петрович не шелохнулся.

Я села и говорю:

– Ну, Вы даете, Виктор Петрович!

– Я же сказал, Женя, что под этот гимн не встану. Как же можно? Нелзя.

С первых рядов перед сценой, где сидели ветераны, слышались выкрики: «предатель», «сволочь».

Лицо у него было горькое, горькое. На ветеранов даже не посмотрел.

Мне на минуту захотелось взглянуть в послужной список тех, кто плевался в его сторону. Я когда-то готовила сценарий к празднованию 40-летия Победы над фашистской Германией на заводе медпрепаратов и изучала личные дела ветеранов в отделе кадров. Чествовали многих, но среди них – единицы действительно прошедших войну. Большинство по-настоящему и не были на фронте, и пороха не нюхали: то сыновья полков, то пришедшие в армию в 1945 году и не доехавшие до фронта, интенданты и радистки... И это же было в прошлом веке! Сколько же их осталось сейчас?!

Протестуют против постановки «Веселого солдата» Астафьева, потому что войну знают по любимым фильмам нашего детства: «Небесный тихоход» или «Парень из нашего города», где мы лихачи и герои, а немцы – безмозглые дураки.

Война – это не кино, это грязь, кровь и ужас. Горькую правду написал Виктор Петрович и заново пережил весь ад этой войны, пропустил все через свое сердце, и сердце не выдержало.

Сколько крови ему испортили эти несчастные люди. Не помню, чтобы он сильно возмущался ими. Думаю, он их жалел.

«Ах, какие возможности еще заложены в народе нашем замороченном! – писал он В. Я. Курбатову. – Ему б только мешали поменьше, да Бог хоть изредка помогал. Да фашисты-коммунисты снова его б не сбивали с толку! А ведь сбивают, и часть народа, особенно моего поколения, охотно сбивается.

Ах, до чего же еще дитя, дитя малое и незрелое в массе своей наш народ. Хоть плачь, хоть руками разводи!»

Правда Астафьева о войне – это его шоковый призыв к миру, если хотите! Огромная ответственность перед правдой жизни и правдой войны, перед настоящим и будущим, перед литературой и творчеством – вот отправные точки его произведений. До него были Ремарк и Хемингуэй и, наверное, Виктор Некрасов и Василий Гроссман – кто писал о войне честно.

Маршал Малиновский на вопрос дочери, почему он пишет мемуары о первой, а не второй мировой войне, ответил:

– Пускай врут другие.

9 мая, в День Победы, мы с Валентиной Ярошевской пошли к Виктору Петровичу в больницу. У него был первый инсульт. Он плохо говорил.

Я понимала только, что он очень ругается, но слов разобрать не могла.

Перевела Валентина, что вчера сиделка-девочка куда-то ушла, а он повернулся, упал с кровати и долго провалялся на полу!

Так унижительно было для него это состояние беспомощности, что он все время повторял:

– На х... нужны люди, которые на полу валяются.

И было жалко его до слез и страшно.

«Новизна старости» – написал когда-то А. Твардовский.

Никакой новизны – старость, болезнь, одиночество не минуют никого.

Из дневника:

«Вчера вместе с Татьяной Давыденко были у Виктора Петровича. Слава Богу, ему лучше. Поднялся и даже чаю попил вместе с нами, но ноги не ходят и левая рука не действует.

Мария Семеновна, конечно, уникальная женщина. Пока сиделка занималась с Виктором Петровичем, она перевспоминала всех – и Валю Распутина и Васю Шукишина. Ее памяти можно позавидовать. Какую массу стихов знает она наизусть! Рассказала, как Виктор Петрович после больницы сидел и плакал, что он не попрощался с ягодами и деревьями, которых, наверное, уже и не увидит. Старость для всех одинакова, для известных и неизвестных».

Владимир Мельник

Родился в 1952 году. Доктор филологических наук (1990), профессор (1991), член-корреспондент АН РТ (2000), академик Международной академии информатизации (1995), член Союза писателей России (1994). Профессор кафедры литературоведения Государственной академии славянской культуры (Москва).

Русские судьбы: Виктор Астафьев – работник одиннадцатого часа

Критика почти согласна в том, что кто-кто, а Виктор Астафьев – писатель от Православия весьма далекий. И если, мол, задевал каким-то боком эту тему, то лишь так, походя. Но как велика на самом деле тайна Божия в человеке, как опрометчиво порою судим мы о других. Как мало оставляем суду Божию.

С чего начинал Виктор Астафьев? С сибирских рассказов о природе, о рыбаках и охотниках. Потом «завелся» с некоторым озлоблением публициста на социальные темы. А православие? Нет у него ни одной книги, проникнутой собственно православным настроением. И правда, нет. Но как трудно судить об отношении человека к Богу. И не по тематике произведений следует в данном случае выносить свои суждения. Хочется обратить внимание на то, как с годами все чаще вспоминал писатель о вечном, как бережно, честно старался говорить о святом в человеческой душе.

В церковь Астафьев не ходил. Воспитан, видно, был иначе: да и чего же удивляться этому в те времена? Но стоит ли забывать о другом? Удивительно, но факт: в условиях тотального хрущевского и постхрущевского наступления на христианство в советском государстве целая группа писателей (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев) в основу своего творчества положила принципы православия – в их чаще всего народном стихийном выражении. Ведь религиозная принадлежность всегда ощущается человеком как главная определяющая традиция, соединяющая его с предками и дающая смысл и ценность его жизни. Народно-национальное, в течение тысячелетия формировавшееся на православных принципах веры, несло в себе неистребимую сердцевину православия как т р а д и ц и ю, духовную и культурную. Писатели-деревенщики в силу самого обращения к национально укорененному жизненному материалу изображали человека православного склада характера: смиренного, но душевно стойкого, отзывчивого на чужую боль и т. д. То же самое можно обнаружить и в других областях искусства советской эпохи, например, в кино. Недаром известный актер и режиссер Николай Бурляев, выступая на форуме «Православное кино – детям» в Самаре в 2002 г., сказал: «Лучшие фильмы российского кино даже безбожных времен, составившие вершину мирового киноискусства, по духу в большинстве своем – Православные, даже если о Боге и вере там впрямую не говорилось» (Благовест, 2002, № 10. С. 2).

Свое особое место занял в этом ряду В. Астафьев.

Воспитанный хотя и в атеистическую эпоху, но на образцах народной нравственности, замешенной так или иначе на православном менталитете,

он, по-видимому, с благоговением относился к православным святыням, к вере, хотя и прибавил к этому со временем сугубо интеллигентскую болезнь: веру без церкви, без священников. Одним из немногих свидетельств об опыте его религиозной жизни в советскую эпоху является интервью 1989 года. После поездки в Грецию В. Астафьев говорил о посещении монастыря, о встрече с сербским священником о. Иеремеем, о том, как посетил пещеру св. Иоанна Богослова. В маленьком отрывке интересно все: даже сам несколько наивный, бесхитростный язык, которым говорит о новом тогда для него предмете большой русский писатель: «Я видел «Апокалипсис», был в пещере автора этой бессмертной книги Иоанна Богослова. Видел рукописи, 13 тысяч рукописей хранятся в монастыре. Монастырю 900 лет. Все сохраняется усилиями монахов. Работают они очень много, к истории относятся архибережно. Иконы IX, X, XI, XII веков. Фрески сохраняются. Я смотрел внимательно на иконы и не мог понять, чем они от наших отличаются. Потом догадался. Я же привык с дырками иконы смотреть, все драгоценности с них сняты, разграблены, а тут все целые, в богатых окладах, они и смотрятся по-другому. Особое внимание привлекла рукопись на телячьей коже VI века. Спросил, что там написано. Текстологи считают, что там послания доброго нам пути, счастья» (Лит. Россия, 7 декабря 2001. С. 9).

Многие его произведения показывают, что писатель органически усвоил народные представления о православии. Лишенные догматической точности, они, эти представления, тем не менее зачастую глубоко и правильно отражают в прозе Астафьева сущность православных воззрений на человеческую жизнь. Разумеется, критика того времени не замечала этой стороны астафьевской прозы.

Один из характерных примеров, раскрывающих своеобразие религиозности прозаика, – глава «Царь-рыба» из одноименного произведения Астафьева. Казалось бы – о чем оно? В интервью Юрию Ростовцеву в 1977 году. Писатель признавался, что в книге «Царь-рыба» касался исключительно моральных тем, связанных со взаимоотношениями человека и природы: «Повесть строится двупланово... Люди, сами рожденные в енисейских деревнях и селах, вроде неплохие, у них – крепкие семьи... Но постепенно, занимаясь грабежом тайги, истреблением природных богатств, безумным отстрелом зверей и птиц – без особой нужды... они теряют какие-то нравственные качества, которые были заложены еще в их предках и переданы отцом с матерью. Браконьеры ведь ниоткуда не приходят, это люди нам близкие...

Поэтому я не только изобличаю браконьеров, но и наряду со страшными рассказами пытаюсь поэтически высказаться о земле, об общении с рекой, деревьями, полями... Хочу дать людям возможность лишний раз прикос-

нуться к чистоте».

Но дело не только в теме природы и человека. В этой главе писатель постоянно и настойчиво возвращается к теме Бога («дедушкины наказы»). В патетический момент борьбы со смертью герой обращается с мольбой к Богу: «Господи! Да разведи Ты нас! Отпусти эту тварь на волю! Не по руке она мне! – слабо, без надежды взмолился ловец. – Икон дома не держал, в Бога не веровал, над дедушкиными наказами насмеялся. И зря. На всякий, ну хоть бы вот на такой, на крайний случай следовало держать иконку, пусть хоть на кухоньке...»

В «Царь-рыбе» Виктор Астафьев показывает человеческую жизнь так, как будто он век в церкви простоял и знает, что в христианстве человеческая жизнь делится на три главных периода: грех – покаяние – Воскресение во Христе (прощение). Эту модель мы находим во всех крупных произведениях русской классики (вспомним хотя бы «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Обрыв» И. А. Гончарова!), что, несомненно, свидетельствует о ее глубоко органичном православном духе.

Конечно, Астафьев не богослов и не сугубо религиозный писатель. Его герой Игнатич показан в главе «Царь-рыба» как обыкновенный человек, грех которого проявляется бытовым образом. Как и у всякого, его грех не бьет в глаза, а тихо живет в нем, полузабытый, не тревожащий совести. Как и всякий «обыкновенный грешник», Игнатич предстает перед нами как «гроб повапленный» (т. е. украшенный): снаружи украшен, а внутри смердит. Но даже сам Игнатич до своего предсмертного часа не ощущает этого смрада греховного. Автор показывает аккуратность, мастеровитость, какую-то привлекательную внутреннюю собранность Игнатича. На людях он – человек не только достойный, но и, пожалуй, один из лучших в своем селе. Но это – суд людской? Над судом Божиим Игнатич до поры до времени не задумывается, греха своего не видит.

А между тем автор буквально «тыкает носом» своего героя в его грех. Это браконьерство Игнатича. Есть и грех внутренний, полузабытый, глубоко лежащий, «глухая, враждебная тайна», лежащая меж «двумя человеками». Этот грех – надругательство над Глашей. Природа, Глаша и Рыба – вот те три «женщины» («Природа – она, брат, тоже женского рода!»), над которыми надругался в своей жизни Игнатич. Он отчасти понимает свой грех. Игнатич уже до столкновения с рыбой пытался нести груз покаяния: «Ни на одну женщину он не поднял руку, ни одной никогда не сделал хоть малой пакости, не уезжал из Чуши, осознанно надеясь смирением, услужливостью, безблудьем избыть вину, отмолить прощение».

Неполно покаяние героя потому, что, каясь перед одной женщиной, Глашей, герой «Царь-рыбы» браконьерствует и уничтожает другую «женщину»

– природу. Астафьев хотя и не выражает прямо эту мысль, но она угадывается в его авторской реплике: «Прощенья, пощады ждешь? от кого? Природа – она, брат тоже женского рода!» Поэтому-то покаяние Игнатъича названо автором «притворством». А притворства Астафьев не переносит. Как и всегда у Виктора Астафьева, напрямую мысль о существовании Бога приходит в голову герою на грани жизни и смерти, в минуту смертельной опасности. Вспомним, как в его романе «Прокляты и убиты» герои вдруг духовно преображаются в экстремальной ситуации: «Да будь ты хоть раскоммунист, к кому же человеку адресоваться над самою-то бездной?.. и все вон потихоньку крестятся да шопчут Божецкое. Ночью, на воде кого звали-кликали? Мусенка? Партия, спаси! А-а! То-то и оно-то...»

Истинное покаяние – с принятием мук смертных – Игнатъич приносит в свой «предсмертный» час, когда уже не остается надежды на спасение и когда вся жизнь встает у него перед глазами. Это покаяние разбойника, раскаявшегося в последний час своей на кресте. Но зато это – полное, от души принесенное покаяние. И не случайно Астафьев использует чисто церковное выражение «муки смертные»: «Не все еще, стало быть, муки я принял». В этот решающий час своей жизни герой Астафьева просит прощения у всех людей и особенно у Глаши, «не владея ртом, но все же надеясь, что хоть кто-нибудь да услышит его». Очевидно, что «кто-нибудь» – это Бог. Здесь не только и не просто яркое изображение большой человеческой совести. Явный, блудный свой грех герой сознает не просто ясно и отчетливо. Здесь писатель наделяет своего героя чуть ли не церковным представлением о грехе и образе покаяния (как высшая ступень – угождение Богу, затем – искреннее и глубокое покаяние с исправлением своей жизни и, наконец, при плохом покаянии – терпение скорбей и даже «мук смертных»).

И Бог услышал Игнатъича, принял на этот раз его покаяние. И послал ему не кого-нибудь, а брата, с которым у него была давняя вражда. Попросив же прощения «у всех», Игнатъич, стало быть, попросил прощения и у брата, и простил его. Теперь он ждет его уже не как врага, но как друга-спасителя. Здесь он действует по Евангельской заповеди: «Прощайте и прощены будете» (Лук. 6, 37), «Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших» (Марк. 11, 26).

Бог дает возможность и брату Игнатъича примириться с жизнью, заменяя в его душе вражду (вплоть до желания смерти брату) на милосердие. Царь-рыба снялась с самолова, обрела свободу, – что символизирует ниспосланное прощение Игнатъичу и от природы.

Когда-то Виктор Астафьев характерно сказал об А. П. Чехове, а заодно и о себе: «Слишком тихий интеллигентный Чехов – не мой писатель. Я люблю ярких, броских, люблю бесовщину». Но всему свое время. С годами

Виктор Астафьев все же иначе стал воспринимать Божий мир. Какая мудрость появилась у него в конце жизни – особенно в размышлениях о тайне человеческой судьбы и смерти. О гибели столь близкого ему по духу поэта Николая Рубцова Астафьев в 2000 году сказал замечательные слова: «Человеческие сплетения судеб, что вы-то есть? Кто же, когда прочтет, разгадает, объяснит? О, Господи! Прости всех нас за грехи наши тяжкие и не забудь про ту всеми гонимую женщину, наедине живущую в глухой, болотистой Вологодчине, ставшую уже бабушкой, не оставляй ее вовсе без призора. Ты милосерд. Ты все и всех понимаешь. Нам же, с нашим незрелым разумом этой неслыханной трагедии людской не понять, не объяснить, даже не отомлить – мы никудашные судьи, все судим не по закону Всевышнего, а по Кодексу РСФСР, сотворенному еще безбожниками коммунистами. Нам не дано над злобой своей подняться.

Главное и самое болезненное, о чем свидетельствуют стихи Людмилы Дербиной, – она любила, любит и не перестанет любить так чудовищно погубленного ею человека. Вот эту-то тайну как понять? Как объяснить? Каяться? Но вся ее книга стихов и есть раскаяние, самобичевание, непроходящая боль и мука, вечная мука. Было бы, наверное, легче наложить на себя руки и отрешиться разом ото всего. Но Бог велит этой женщине до дна испить чашу страдания, до конца отмучиться за тот тягчайший грех, который она на себя взвалила.

Пройдут годы. Посмертная слава поэта Рубцова будет на Руси повсеместная, пусть и не очень громкая. Найдется у вологодского поэта много друзей, биографов и поклонников. Они начнут Николая Рубцова возносить до небес, издадут роскошно книги поэта. Не мечталось Рубцову такое отношение к себе при жизни. Все чаще и чаще станут называть Николая Рубцова великим, иногда и гениальным поэтом. Да, в таких стихах, как: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «Видение на холме», «Добрый Филя», «Шумит Катунь», «Прощальное», «Вечерние стихи», «В гостях», «Философские стихи» и в последнем, в чемодане найденном, откровении века: «Село стоит на правом берегу» – он почти восходит до гениальности. Но все же лучшие стихи поэта говорят об огромных, нереализованных возможностях. Он уже пробовал себя в прозе, он приближался к Богу, реденько и потаенно ходил в церковь, застенчиво молился.

Душа его жаждала просветления, жизнь – успокоения. Но она, жизнь, повторюсь, плохо доглядывает талантливых людей. И Господь, наградив человека дарованием, как бы мучает, испытует его этим.

И чем больше оно, дарование, тем большие муки и метания человека.

Есть у известного современного скульптора изваянная фигура Сергея Радонежского, установленная на зеленом холме среди зеленой поляны возле

Сергиева Посада. В середине фигуры святого не зародышем, но смиренным ангелочком таится маленький, чистый мальчик. Эту идею скульптор заимствовал у древних ваятелей, от старых православных икон.

Вот и в поэте Николае Рубцове помещался этот светлый, непорочный ангелочек, оберегал его от многих пороков, удерживал от совсем уж поганных и безрассудных поступков, но не всегда справлялся со своей задачей. Однажды ангелочек-хранитель упорхнул куда-то, может, в голубые небеса подался – почистить крылышки от скверны нашей жизни, от экологической грязи, и тот архаровец, детдомовский удалец, взял верх над метущейся, ранимой душой поэта, подтолкнул его к гибельной черте, на краю которой он бывал уже не раз.

Свершилась еще одна трагедия в русской литературе, убыла и обеднилась жизнь на Руси, умолкнул, так и не набравший своей высоты, пронзительно русский национальный певец».

Сказано как будто не только о Николае Рубцове, но и о самом себе. Поздно заговорил Виктор Астафьев церковным мудрым языком. Но ведь заговорил. Отверзлись уста! Так нам ли судить его, работника одиннадцатого часа?

Горизонты

**Литературная гостиная по материалам сайта
www.astafiev.ru. Ведущий Антон Нечаев**

Наталья Иванова: «Знамя» – это знамя литературы»

Иванова Наталья Борисовна, коренная москвичка. Окончила русское отделение филфака МГУ. Диссертация на кафедре литературной критики факультета журналистики по творчеству Ю. Трифонова. Автор более 500 работ по современной и классической русской литературе. Статьи опубликованы в крупнейших российских «толстых» журналах, а также за рубежом; переведены на многие языки мира. Работала в издательстве «Современник», в настоящее время – первый заместитель главного редактора журнала «Знамя».

Наталья Борисовна, вопрос о журнале «Знамя»: насколько журнал сейчас действительно «знамя» отечественной словесности? Мы все помним авторов, открытых именно вашим журналом – Маканин (в основном), Шишкин, Борис Рыжий... Что журнал предлагает сейчас, кого он открывает читателю? Мы в провинции, я так полагаю, немного отстаем, к сожалению. Но знать все равно хочется.

Да, «Знамя» – это знамя литературы (недаром наш сервер – «znamlit»). В литературной политике журнала мы стремимся к тому, чтобы (условно) Фазиль Искандер, или Владимир Маканин, или Сергей Гандлевский печатались в одном номере с малоизвестным, а то и совсем новым, еще не известным читателю прозаиком или поэтом. Тогда в журнале появляются движение, неожиданности, оживление и прочие приятные вещи. Установка только на имена себя не оправдывает – имена имеют тенденцию к повторению пройденного. К усталости. Даже от осознания собственной «звездности». Так появляются в «Знамении» новые «знаменосцы» – кстати, абсолютно вне зависимости от места обитания: Шишкин живет в Швейцарии, Борис Рыжий жил в Екатеринбурге. Следом за Б. Рыжим в журнал пришла целая плеяда поэтов из Екатеринбурга: Елена Изварина, Олег Дозморов и другие. Но «планка» у журнала высокая, перепрыгнуть удается далеко не всем. Назову совсем молодого Игоря Савельева (прозаик, Уфа); критика Артема Скворцова (Казань), прозаика Евгения Касымова (Екатеринбург). Способствует появлению «новеньких» у нас и новая журнальная рубрика «Карт-бланш»: каждый из «Знаменских» известных авторов может здесь, отрекомендовав, разместить своего протеже. Так, Вл. Маканин в № 6 рекомендовал Анну Лавриненко (Ярославль), а С. Гандлевский в одном из ближайших номеров дает «карт-бланш» поэту из Нью-Йорка Александру Стесину.

Вопрос, возможно, скользкий, не хотите – не отвечайте: если не секрет: кто ведет политику журнала «Знамя»? По моему опыту (достаточно скромному – я несколько лет работал в журнале «День и ночь») главный редактор решает далеко не все. Кто проводит отбор рукописей у вас там, в столице, чье мнение более весомо, за кем окончательное решение? Уверен, молодым авторам (а Фонд Астафьева занимается поиском молодых талантов, активно работает с ними) это будет интересно. Не уверен только, что им необходимо это знать.

Политику редакционную ведет главная редакция. Журнал работает коллегиально – иначе, кроме всего прочего, пейзаж был бы скучнее и предсказуемее. Отбор рукописей происходит, конечно же, в отделах; потом прозу читает и главная редакция.

А результат складывается из вектора «воль», хотя окончательное решение все-таки остается за главной редакцией. Молодым авторам следует знать, что их путь (и мытарства) обязательно начинаются в отделе.

И потом – нас не так много, и мы предпочитаем советоваться и советовать, а не командовать. Бывают и споры, и жаркие при том; бывает, что мои коллеги и я сама меняем свое отношение к тексту – под напором доказательств. Бывает, что отдел «против», а главная редакция оказывается более продвинутой и настаивает на публикации.

То есть понятно, что бывает по-всякому.

Вопрос в параллель первому: как велико влияние журнала «Знамя» в российском литературном мире? Грубо говоря – в решении о присуждении каких-либо премий слово вашей редакции значительно (наш Фонд выдает премии молодым писателям раз в год в размере тысячи долларов – потому и спрашиваю)?

Влияние «Знамени» в российском литературном мире велико, но не так устойчиво, как хотелось бы. Сейчас главное для иного автора – не то, что раньше называлось «пройти через журнал» (в обязательном порядке; только так писатель и обретал, и подтверждал свой профессиональный статус). Сейчас – книга важна. Очень.

Но в решениях о присуждении премий (каких? каждая – отдельно) «Знамя» может участвовать только тем (или теми) голосом (-ами), которые попали в состав жюри.

А пусть себе думают, что лобби «Знамени» решает все!..

И правда – многие авторы «Знамени» получают премии: и Шишкин, и Кабаков. А ждали-то!

Есть и наши «Знаменские» премии, но они маленькие.

Каковы ваши личные планы: вы занимались Достоевским, Трифоновым... Чем вы занимаетесь сейчас? Кто из современных авторов вам интересен? Есть ли кто-либо в современной прозе уровня автора «Другой жизни», «Старика»? И немножко шальной вопрос – кто из русских писателей может получить Нобелевскую премию? И кто действительно ее получит?

Мои личные планы: после двух книг о Борисе Пастернаке («Борис Пастернак. Участь и предназначение». СПб., 2000 и «Пастернак и другие». М., 2003) я сделала 4-серийный фильм о нем (прошел по «Культуре»), и осенью должна выйти еще одна – «Борис Пастернак: времена жизни». А еще пишу о Варламе Шаламове; задуманы работы, связанные с Юрием Домбровским.

Это все – «по краям» заметок о современной русской литературе (и культуре), которые – все-таки главное.

Кто сравним с очень высоким уровнем письма и мысли Юрия Трифонова, недооцененного при жизни и мало интересующего публику сейчас? Сейчас мои надежды связаны с совсем другими, другого стиля, писателями. Со стилевым «сдвигом». Бытописание (кап. реализм с его нуаром и проч.) не люблю. Чистописание – тоже. Не тщательность, но страсть! Напора, страсти, «драйва»...

«Нобелевку» может получить Фазиль Искандер. И это будет правильный выбор.

Еще вопрос о выборе авторов: какое место занимают провинциалы в журнале «Знамя»? У вас есть несколько своих человек из провинции – может ли кто-то со стороны попасть в число «избранных»? Из красноярцев, как мне помнится, последний, кто у вас печатался, был Эдуард Русаков где-то в девяностые годы (правда, и Солнцев печатался, кажется)? И вообще – как бы вы сравнили (оценили) уровень литературы в столице и вне ее?

Никакой специальной «квоты» для авторов из провинции у нас нет. Авторы – есть, и мы им очень рады. Дмитрий Новиков из Петрозаводска. Денис Гуцко – из Ростова-на-Дону (еще не лауреат премии «Букер», – первая его публикация была у нас). Роман Сенчин (был) из Минусинска, Наталья Рубанова (была) – из Рязани.

Есть в журнале и конкурсная рубрика – «Нестолличная Россия». Назову хотя бы Марину Воронину из-под Нижнего Новгорода.

Чтобы попасть в «Знамя», надо предпринять всего лишь две вещи:

1) написать талантливый текст; 2) отправить его нам.

Кто из мировых авторов лично вам интересен? Что вы читаете не по долгу службы, а для себя? Литература какой страны (языка, на ваш взгляд, наиболее интересна? И – кого из авторов вы бы сейчас (почти спонтанно) прорекламировали (в том числе русскоязычных)?

Я не разделяю службу и жизнь. И по долгу службы, и для себя читаю (и кое-что там просматриваю) многие журналы, включая «Иностранную литературу» и «Искусство кино», и несколько интернет-сайтов. Люблю мемуары, дневники, переписку – последние из самых сильных впечатлений здесь «Дневник» Александра Шмемана и книга воспоминаний о Георгии Товстоногове.

Очень люблю книги, написанные художниками, особенно театральными

– Эдуардом Кочергиным, Сергеем Бархиным, Давидом Боровским.

С июля месяца наш фонд, проводит опрос – кто лучший писатель Сибири (понимаю всю тщету и условность подобного предприятия, но тем не менее)? Назвать можно кого угодно: люди называют себя, упоминался Маркес, Кутзее (якобы они сибиряки «по духу»). Кого назвали бы вы (сколько угодно фамилий, живых и не очень)?

Лучший писатель Сибири – Виктор Петрович Астафьев.

Еще очень-очень люблю Василия Шукшина – но он ведь алтайский!

А еще – Евгений Попов, но он – сибиряк «бывший».

Дина Рубина: «Спасибо за сочувствие!»

Дина Ильинична Рубина родилась в Ташкенте в 1953 году. Окончила Ташкентскую консерваторию. С 1984 года живет в Москве, с 1990-го – в Израиле. Первая публикация – журнал «Юность» (1971 год). Автор более тридцати книг прозы, лауреат многих премий, в том числе премии имени Арье Дульчина, премии Союза писателей Израиля. Авторский сайт Дины Рубиной: www.dinarubina.com

Дина Ильинична, насколько мне известно, вы – одна из наиболее активно «гастролирующих» писателей, выступаете постоянно по всему миру. Это связано с обязательствами перед издателями? Просто не представляю, что вы добровольно пошли на такое количество встреч, ведь вам, наверное, важнее все-таки литературное творчество?

Вот спасибо за сочувствие! Мне обычно говорят: «Завидуем вам, столько поездок, новых сюжетов, новых встреч, для писателя ведь это важно?» А я не могу объяснить, что писателю важнее всего проснуться и чтобы первая мысль: «Ура, сегодня никуда идти не надо и никто не притащится!»

Да, я действительно много разъезжаю-выступаю, но это вовсе не обязательства перед издателями. Это заработок. Ведь писатели редко зарабатывают своим ремеслом. Антон Павлович Чехов тоже не сразу зарабатывал литературой, он и практиковал, как врач. Многие литераторы преподают, кое-кто подрабатывает «литературным негритянством». Мне Бог послал талант, не побоюсь этого слова и горжусь этим – выступальщицы (словечко Игоря Губермана). Много лет зарабатываю этим на жизнь.

Какое место в вашем графике выступлений занимают города российской провинции?

Боюсь, никакое. Вот когда я работала и жила в Москве (с 2000 по 2003 год), тогда приходилось ездить, скорее, в командировки, хотя перед читателями тоже выступала. Сейчас это происходит редко. Вот года два назад выступала в Питере. Там замечательная публика. Думаю, в провинции она еще лучше. Дело в том, что когда я приезжаю в Москву, наваливается столько дел и столько встреч, что на выезды уже как-то времени и сил не остается.

Насколько важен для вас провинциальный читатель?

Для меня, знаете, важен читатель вообще, – как и для любого писателя. А в России провинция издавна более интеллигентна, более глубока. Помню, в каком потрясении мой муж приезжал из Кирова (Вятка) – куда в восьмидесятых ездил в командировку от театра на Таганке. Говорил, что все эти музейные работники, библиотекари, учителя – при своих мизерных зарплатах – самые настоящие подвижники. Настоящая российская интеллигенция.

Есть ли у вас информация, как успешно продвигаются ваши книги именно в глубине России, доходят ли они до нас (в Красноярске встречаются редко. Но встречаются)?

Последние три года я работаю с издательством ЭКСМО. Это одно из самых крупных российских издательств, у них прекрасная сеть распространения. Насколько мне известно, книги ЭКСМО развозятся по всем уголкам-закоулкам России. Во всяком случае магазин всегда может заказать книги. Кроме того, книгу сейчас можно заказать по Интернету. Хотя понимаю, что компьютер в провинции далеко не в каждом доме.

Ваш роман «На солнечной стороне улицы» получил высокую оценку буковского жюри. По отзывам многих, его читавших, именно «На солнечной стороне улицы» был достоин премии Букера. Как вы думаете, справедливо ли присуждение этой награды роману «2017»? И не явилось ли причиной ненаграждения ваше проживание вне пределов российского пространства?

Знаете, я всегда уклоняюсь от рассуждений на тему: справедлив или не справедлив выбор жюри. Это бесполезные гадания. Кроме того, я смешно бы выглядела, доказывая, что премию нужно было дать не кому-то, а мне, мне! Согласитесь, это нелепо.

Однако в чем-то вы правы: в подобных делах не мешает фактор живого, так сказать, присутствия в литературном пространстве.

Знакомы ли вы с тем, что сейчас пишут (и, главное, как пишут, да и пишут ли вообще) люди, покинувшие Россию, СССР в последние лет двадцать-тридцать?

С возрастом, знаете, все строже отбор чтения, так что не могу сказать, что я пристально слежу за всеми новинками, выходящими на западе по-русски – ведь, между прочим, это огромное количество журналов, книг, альманахов. Однако, как правило, сильные и профессиональные литераторы, живущие в разных странах, публикуются в России и участвуют в российском литературном процессе. Остальные пишут и печатаются где придется, как получится.

Насколько высоко вы оцениваете эту литературу?

И как вы оцениваете русскоязычную литературу Израиля?

И в Израиле, и в Германии, и в Америке есть серьезные прозаики и поэты. Живой литературный процесс. Всего есть понемногу. И, конечно, огромное число графоманов. Ведь и в Израиле, и в Германии существуют разные фонды помощи литераторам.

И на распределении денег там сидят местные бюрократы, не слишком обремененные русской культурой. А при наличии средств можно вполне издать книгу. Любую книгу. Ведь какова психология бывше-советского гражданина? Если ты издал книгу, ты – писатель. Вот и ходят стада писателей, создают творческие союзы, голосуют на собраниях, как в былые времена. Все путем.

И, если можно, как изменилась жизнь в Израиле в последнее время (в связи с передачей территории и пр.) Говорят, стало труднее...

Что касается общей ситуации, это очень объемная тема, которую сходу осилить невозможно. Факт тот, что, как только Израиль оставляет ту или иную территорию, там сразу начинается хаос, грызня многочисленных исламистских группировок, голод, убийства, беззаконие. Присутствие израильской армии и полиции всегда было гарантом стабильности. Видите, что в Газе происходит.

Возвращаясь к писательству и говоря откровенно, знаете, какое отношение у читателя вне столиц к тому, что издается и печатается в центральных журналах (по крайней мере по моим наблюдениям)? Что это: или сплошное протезирование, или публикации за деньги – потому что невозможно и неинтересно читать (вы – безусловное исключение (без всякой задней мысли)). Как вы думаете, справедливо ли это мнение? И, если можно, ваша оценка текстов, предлагаемых столичными изданиями.

Ну, это и в прежние времена, и сейчас был такой мощный поток, в котором разная рыбка водилась и водится. Понимаете, вот такой парадокс: журнальному делу сильно вредит книжный рынок. Скажем, на днях я завершила работу над новым сборником рассказов. И пока писала, двум-трем журналам дала право на публикацию нескольких рассказов. Меня страшно ругал мой издатель: «Зачем? – вопрошала она гневно, – зачем это вам? Книга на днях выходит тиражом в 50 тысяч экземпляров, нам ее продавать нужно. А тот же журнал, который выходит тиражом 5-6 тысячок, потом помещает рассказ в Интернет, читай, кто хошь. Вот мы с книгой и прогорим, если читатели прочитают все в Интернете. И вы первая не получите проценты от проданных экземпляров».

Вы обратите внимание: давно вы читали в журналах Улицкую? Аксенова? Веллера? – то есть реально тиражных, продаваемых писателей. Вот и получается, что в журналах сейчас публикуются литераторы не столь востребованные. Или талантливые, но молодые.

Традиционный вопрос для нашего сайта: Фонд Астафьева занимается поиском и поддержкой молодых литераторов. Ежегодно мы вручаем премии по четырем номинациям: «Поэзия», «Проза», «Иные жанры», «Ранний дебют». Кого из молодых литераторов вы бы лично могли отметить?

Боюсь, что для этого надо серьезно заниматься литературным процессом, следить за новыми именами. Увы, времени у меня не слишком много. Хочется читать только то, что хочется. Иногда просто: перечитывать великих. Думаю, на ваш вопрос как раз и смогли бы ответить в журналах – ведь к ним поступает ежедневно масса рукописей, из которых они вольны выловить и крупную в будущем рыбу.

Всех благ!

Евгений Степанов: «А если завтра у нас кончатся силы?..»

Евгений Степанов – известный московский издатель, литератор, автор многочисленных книг, член Русского ПЕН-центра, главный редактор журнала «Дети Ра», генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг».

Евгений Викторович, скажу откровенно, когда я читал вашу титулатуру, мне постепенно становилось страшно: факультет иностранных языков, экономический факультет, университет христианского образования, аспирантура по журналистике, премии, публикации... Как, когда, какими силами? Помогают ли в жизни все эти звания и дипломы?

Здесь сразу несколько вопросов. Отвечу на них по порядку. Я действительно учился в разных вузах. Вообще, люблю учиться. Аспирантуру МГУ окончил в сорок лет. Моим соученикам было лет по двадцать пять. Помогают ли в жизни звания и дипломы? Помогают не звания, а знания. Если бы я не закончил факультет иностранных языков, не смог бы потом учиться в Женеве, не смог бы сотрудничать с французской прессой, крупными западными компаниями. Очень хорошее образование давали на отделении журналистики ВКШ при ЦК ВЛКСМ. Там учили отнюдь не только коммунистическим теориям (их, кстати, знать тоже полезно, и они во многом перекликаются с христианскими). Учили профессии, английскому языку, умению управлять людьми, вести переговоры и т.д. Каждый из нас мог пройти трехмесячную практику в любом печатном советском СМИ – я, например, стажировался в коротичевском «Огоньке». К каждому из слушателей был прикреплен журналист-наставник, который учил мастерству. Меня обучала Ольга Андреевна Кучкина из «Комсомольской правды», замечательная журналистка, поэтесса, драматург.

Заведующим кафедрой был Геннадий Николаевич Селезнев, в то время главный редактор «Комсомолки».

А после ВКШ не хотели сделать комсомольскую карьеру?

Нет, хотя я был номенклатурой ЦК ВЛКСМ. Мне предлагали очень различные должности. Я от них отбивался, как только мог, хотел работать в журналистике. И чтобы меня распределить в газету, даже было принято решение бюро ЦК. Зав. отделом кадров, если не ошибаюсь, тов. Гришин пошел мне навстречу, не возражал против моего собственного трудоустройства в еженедельник «Семья», куда меня пригласил поэт Михаил Поздняев, редактор отдела литературы и искусства. Потом меня приглашали в журнал «Молодой коммунист» на должность зав. отдела, пресс-секретарем в ЦК. Я отказывался. Может быть, не от большого ума. Сейчас, глядишь, был бы побогаче. Но что произошло, то произошло.

Вашему журналу «Дети Ра» 4 года. Вышло 35 номеров. Насколько журнал открыт для авторов «вне тусовки», для провинциалов-сибиряков, в частности?

Кто тусовочный автор, а кто не тусовочный – я не знаю. Поскольку сам редко выхожу «в свет». По благу я, конечно, никого не печатаю. Что касается сибиряков, то у меня к ним особое отношение. Ведь моя мама из Сибири, родилась в Иркутской области – жила в городе Ужуре Красноярского края, окончила факультет иностранных языков Томского педагогического института. Я, правда, родился уже в Москве, в Сибири был один раз, как раз в Ужуре, у бабушки, Александры Павловны Мальцевой...

Удалось ли журналу втиснуться в русское литературное пространство, есть ли у редакции и у вас «свое видение» литературы, своя «линия», если угодно? И не тесно ли вам рядом с «Новым миром» и «Знаменем» в «Журнальном зале»?

Я думаю, что мы открыли целый пласт неизвестной федеральному читателю поэзии, выведя огромное количество поэтов из глубинки, русского зарубежья и столичного андеграунда (а он есть!) в журнально-зальный мейнстрим. И наша линия очень проста – качественная поэзия в любых жанрах, будь то силлабо-тоника, палиндром или визуальная поэзия... Критерий один – качество. Что касается «Нового мира» и «Знамени», то это все-таки не журналы поэзии. Мы печатаем поэтов гораздо шире. И печатаем не только традиционную поэзию.

Как вы относитесь к тому, что другой поэтический журнал — «Воздух» — не был принят в интернет-портал «Журнальный зал»?

Конечно отрицательно. Мы на страницах «Детей Ра» устами поэта Сергея Бирюкова выступали за то, чтобы этот журнал был включен в «Журнальный зал». Однако должен заметить, что в «Журнальном зале» нет и более, на мой взгляд, интересных и старых журналов – имею в виду такие издания, как «Наш современник», «Москва», «Акт», «Журнал Поэтов», «Орфей», «Меценат и мир», «Литературный европеец», «Встречи», «Побережье», «Футурум АРТ» и т. д. «Журнальный зал» – частная организация. Указывать им никто не имеет права. Ведь Кузьмин на страницах своего журнала тоже не всех печатает, кому-то приходится и ему отказывать. Мне грустно, что весьма пробивной литературный деятель Кузьмин не сумел добиться того, чтобы его журнал приняли в ЖЗ. Увы, большое количество его подопечных не получило престижной интернет-площадки.

Вы знаете, я недавно разговаривал с одной московской поэтессой, она очень резко о вас отзывалась, сказала, что вы непрофессионал...

В какой области?

Как издатель поэтического журнала.

Наверное, она права. Поймите, профессионалов в этой области единицы.

Во-первых, такой человек должен быть абсолютно бескорыстен, влюблен в поэзию, а во-вторых, он должен уметь находить деньги. Это взаимоисключающие качества, оксюморон. Но издатель журнала поэзии ими должен обладать.

Такие люди есть?

Есть, конечно. Например, Ирина Прохорова, Константин Кедров, Елена Кацуба в Москве, Максим Бородин и Саша Мухарев в Днепропетровске, Дима Бураго и Саша Кабанов в Киеве, Валентина Синкевич и Игорь Михалевич-Каплан в Филадельфии, Алексей Александров в Саратове, Валера Мишин и Тамара Буковская в Санкт-Петербурге. Это замечательные подвижники.

Вы упомянули имя Ирины Прохоровой. Но ведь ей легко. У нее брат миллиардер.

Ну и что?! Наверное, она могла бы потратить больше денег на себя, но она их тратит на литературу, на всех нас. Повторяю – таких людей единицы. Они делают добро. За это их и ругают.

В вашей квартире я вижу переплетные станки, вы живете среди рукописей. Не устаете от такой жизни?

Иначе ничего не сделаешь.

Но что-то журнал дает? Вас зато, наверное, везде теперь печатают?

Антон, вы будете смеяться. Я спокойно печатался в «толстых» журналах в восьмидесятые годы прошлого века. С тех пор у меня не было ни одной публикации в традиционных «толстых» журналах. Ни одной! Так что выгоды здесь, конечно, никакой нет. Мне просто нравится это дело.

Как формируется портфель «Детей Ра»?

Очень много почты. Я получаю и читаю десятки рукописей в день, кого-то сам прошу прислать стихи.

Кроме того, всегда находится литератор-подвижник, который представляет поэзию своего города, региона или страны... Так, липецкий номер составил поэт Сергей Зубарев, немецкий Сергей Бирюков, самарский – Юрий Орлицкий и Данила Давыдов, питерский – Арсен Мирзаев... Вот на этих и некоторых других людях все и держится. Один бы я, конечно, ничего бы не смог. Кроме того, мне постоянно помогают заместители редактора Юрий Милорава и Анна Романюк, а также веб-мастер Максим Жуков.

Сколько книг вы издали?

Около ста. Мы издали Айги, Соснору, Бирюкова, Ткаченко, Фатееву, Альчук, Мельникова, Милорава, Харитоновна, Вариуса, Тюмлера, Федулова, Беликова, Татаринovu, Козыреву, Горюнову и многих-многих других поэтов, литературоведов. Это, конечно, небольшие тиражи. До глубинки они не доходят. И это тоже колоссальная проблема. Хотя многие книги издательства попадают в центральные магазины Москвы и Петербурга, их можно заказать через крупнейший интернет-магазин Ozon.ru.

Кто ваши любимые поэты?

Список очень большой. Я сейчас больше люблю традиционную поэзию – многие стихи Пушкина, Есенина, Иванова, Соколова, из авангардистов очень уважаю Александра Кондратова, из современников – Евгения В. Харитоновна, Валерия Прокошина, Марию Ватутину, Андрея Коровина. Всех, конечно, не перечислишь.

В какой из ваших проектов вы более верите: в журнал (у вас их пять), издательство? Может быть, в собственное литературное творчество? И что вы ждете от них в конечном итоге (и ждете ли вообще)?

Все мои проекты (в том числе журналы) – это, конечно, творчество. Журналы – это продолжение меня. Я не печатаю текстов, которые мне не нравятся. Только те, за которые отвечаю. И если ругают моего автора – значит, ругают и меня. Так я воспринимаю...

Что я жду от своих проектов? Очередных убытков. Иметь такое хобби очень расточительно. Что касается собственного сочинительства, то моя карьера сложилась неплохо. Я издал более 20 книг, за некоторые из них я получал очень большие гонорары. О моих книгах написано немало рецензий.

Я работаю в разнообразных жанрах. Пишу рассказы, романы, стихи, статьи, научные книги, заметки, дневник и так далее.

Традиционный для меня вопрос... Фонд имени В. П. Астафьева занимается поиском и поддержкой молодых литераторов. Ежегодно мы вручаем премии по четырем номинациям: «Поэзия», «Проза», «Иные жанры», «Ранний дебют». Кого из известных вам молодых литераторов вы бы отметили? И нужна ли, на ваш взгляд, такая деятельность (деятельность фонда)?

Деятельность эта, безусловно, нужна. И с молодыми нужно заниматься. Знаю это на собственном опыте. Когда мне было семнадцать лет, со мной стал заниматься поэт Сергей Бирюков. Давал читать книги, делился теми премудростями, которые освоил сам. Прошло двадцать шесть лет. Мы до сих пор дружны и учимся друг у друга.

Что касается молодых поэтов, то здесь возникает вопрос, кого считать молодыми? Все мы дети разного возраста, как говорил Светлов. Но из совсем юных могу отметить Елизавету Щипунову, она нацелена на авангард, ей нет двадцати. Талантлива Настя Денисова из Петербурга, есть интересные ребята в Саратове, Тамбове... О всех я, конечно, не знаю.

Каковы планы?

В этом году я защитил кандидатскую диссертацию в МГУ. И теперь поступаю в докторантуру. Работать над докторской диссертацией я уже начал. Она называется «Русская поэзия конца XX – начала XXI века: тенденции и вариации». Собрана огромная эмпирическая база, ее надо осмыслить с научной точки зрения.

А журналы?

Пока силы есть, буду ими заниматься. Но силы, увы, не бесконечны.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Поэт Ракетов

Тогда

что же было тогда воровали
истребляли своих
негодяи учили морали
и марали святых
наилучшие были убиты
и убиты слова
сквозь бетонные серые плиты
пела песни трава
пела песни трава точно пьеха
и хрипела гортанно ха-ха
уходила в декретный эпоха
несвободы свободы греха

31.05.2007

Большой Знаменский переулок

Глаголы

Не спешить. Не ловчить. Не смотреть телевизор.
Не расстрачивать ценное время на баб.
Подлецов посылать. Не печалиться из-за
Бытовых мелочей. Помогать тем, кто слаб.
Не курить и не пить. Не летать в самолете.
Не иметь отпусков. Не иметь выходных.
Понимать: наслаждение только в работе.
Позабить о манке наслаждений иных.
Не бояться. Уметь над собою стебаться.
Не бояться. Пугливость в себе умерять.
Улыбаться. Любить. Раздавать. Не бояться.
Понимать: все равно час придет умирать.

01.04.2007

Есенинский бульвар

* * *

напишу десяток слов
размещу на сайте
леша даен бирюков
юра почитайте

если не прочтете вы
разве прочитают
мой талантишко увы
здесь не почитают

очень хочется забыть
то что помнить надо
очень хочется забить
на таната

напишу десяток слов
малая малява
почитайте бирюков
даен милорава

27.05.2007

Ст. Партизанская

* * *

пасть у него клыкаста
властный такой оскал
стоп я говорю баста
будет как я сказал

пусть и душа робела
пусть оглушал успех
нужно доделать дело
нужно успеть

будет еще доносы
бедный строчить урод
будут еще угрозы
грозные как угро

будет осточертело
виться разборок нить
нужно доделать дело
и отвалить

24.03.2007

*Есенинский бульвар***Поэт Ракетов**

заходил поэт емелькин
говорил как он велик
заходил поэт сарделькин
говорил как он велик

заходили сто поэтов
говорили все одно
но зашел поэт ракетов
и принес с собой вино

пили рислинг амаретто
говоря про женский пол
и ушел поэт ракетов
и обратно не пришел

29.08.2006

Есенинский бульвар

* * *

вверх

вниз

миг

крест

смерть

нет

под

над

смерть

нет

свет

след

19.09.2006

Брест

Ирина Машинская, Олег Вульф: «У «Сторон света» есть своя философия»

Ирина Машинская, поэт, переводчик, прозаик. Родилась в 1958 году в Москве. Окончила факультет географии и аспирантуру МГУ. Автор пяти поэтических сборников и книги переводов. Публикации в журналах: «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература» и других. Главный редактор журнала «Стороны света». Живет в Нью-Джерси (США).

Олег Вульф, поэт, прозаик. Родился в 1954 году в Молдавии. С 1976 года – в Москве. Геофизические экспедиции на Урал, Памир, Кавказ, Алтай. С 1989 года – в Нью-Йорке. Публикации в журналах «Интерпоэзия», «Слово\Word».

Если можно, для начала пару слов о вашем издании: где выходит журнал «Стороны света», кто в нем печатается, на какую публику рассчитан, кто входит в состав редакции, редколлегии (понимаю, что вся информация есть на www.stosvet.net, но хотелось бы напрямую от вас узнать-услышать)?

И. М. «Стороны света» выходят уже быстро пролетевшие полтора года, со скоростью примерно четыре выпуска в год. Только что вышел шестой номер, «сибирско-уральский», который мы посвятили памяти Романа Харисовича Солнцева. Он, кстати сказать, принял в его составлении самое прямое участие. Издается журнал в США, где живут главные редакторы – Олег Вулф и я (Олег в Нью-Йорке, а я в пригороде, в штате Нью-Джерси) и некоторые члены редсовета. Но публикующиеся в нем авторы – не только писатели-поэты, но и фотографы, художники и музыканты – живут повсюду: в России, в Америке, в Австралии, Израиле, Европе... Члены редсовета тоже разбросаны по миру: Кирилл Кобрин, например, в Праге, Игорь Фролов – в Уфе, а художник, замечательный Сергей Самсонов – в Молдавии.

Вы спрашиваете, на кого рассчитан журнал. А на читателя. На любого внимательного читателя. У этого читателя может не быть филологического образования, даже очень большого опыта чтения может не быть, а только внимание и чутье. Ну, и интерес, разумеется. И авторы тоже – могут не быть имениты, могут быть совсем неизвестны и отфутболиваемы другими изданиями. Может, именно последние, как раз, нам наиболее интересны. Среди авторов вышедших шести выпусков – их уже за 100 – есть несколько совершенно удивительных, отвергнутых разными другими изданиями.

«Стороны света» – часть большого проекта под названием «Союз И» www.stosvet.net/union/index.html Это портал, задуманный и построенный Олегом Вулфом. Воспользуюсь отсутствием Олега и скажу, что это блестящий литератор и человек необычайной тонкости и художественной интуиции, к тому же умелый, работоспособный и прекрасно ориентирующийся в компьютерной технологии. Олег и явился автором идеи построения такого пространства, соединяющего, как грамматический союз «и», «странички» поэтов, писателей, музыкантов, художников не просто со всех сторон света – это в наши времена не новость, но людей, разделяющих, при всем естественном их несходстве, какие-то основы в мироощущении, которые каждый чувствует по-своему, а лично я определяю как световые. Или светлые, если угодно.

Но бумажной версии «Сторон света», как я понимаю, пока не существует-ет? Есть ли в планах выходить на бумаге?

Вообще, русскоязычные издания за рубежом (и в Америке, в частности) – отдельная интересная тема. Насколько мне известно, чуть ли не в каждом городе США есть какой-либо русскоязычный журнал или альманах (я слышал о русских изданиях Филадельфии, Атланты, Майами).

О. В. Да, конечно, мы собираемся выбирать и на бумагу тоже. Уже готовим макет сдвоенного 5/6 номера.

Тут есть свои сложности, в основном, финансового порядка. Ибо мы не видим себя изданием, на страницах которого хорошие стихи чередуются с рекламой юристов и врачей, а превосходные рассказы – со значительными количествами сортов колбасы и массажными кабинетами... Все-таки, мухи от котлет отдельно. Если кто-то дает у себя в литературном издании местную рекламу, стихи обязательно должны быть плохими. В интересах единства стиля. А прозе и вообще положено быть «никуда». Такое издание держишь в руках, как половую тряпку, напялив при этом фрак, манжеты и пр.

По крайней мере мне так кажется.

Для нас главное – не просто пользоваться такой роскошью, как «лица необщее выраженье». У «Сторон света» есть своя философия, пусть, может быть, и неоригинальная: каждый номер заявляет некую общую идею и работает на нее силами литературы и искусства. Включая музыку (музыкальные файлы), фотографию, живопись.

Существует ли какая-либо иерархия, так сказать, в литературном мире русской Америки (ну, условно говоря, русский журнал в Нью-Йорке – это круто, а где-нибудь в Финиксе (если есть там журнал вообще) – это ерунда)? И еще: насколько вас, издателей, пишущих людей, поддерживает среда – русскоговорящие граждане, живущие с вами в одном городе, штате? Насколько велик их интерес к тому, что вы делаете (интерес в России, я думаю, значителен, просто мы мало о вас знаем, в провинции особенно)?

О. В. Думаю, да, существуют, как и везде, некие сообщества, клубы, домашние кружки, а также такие вещи, как вкус, собственное достоинство и уважение к собрату по цеху. А вот выраженной действительности иерархий, по-моему, нет. Хорошая литература есть хорошая литература. А плохая – надуманная, «сочиненная»... Ничего, человек работает. В следующий раз получится лучше.

Что до американских журналов, то я слабо осведомлен в ассортименте. О многих слышал, но никогда не держал в руках. В том числе и некоторых нью-йоркских изданий не видел, хотя именно здесь и живу. Скорее всего

потому, что США – это несколько стран, а Нью-Йорк – несколько городов.

Мы, конечно, себя не позиционируем именно русским эмигрантским изданием. Поэтому (и не только поэтому) у нас авторы со всего мира. Скажем так, не хочется во все эти штуки играть. Этот бифштекс съеден по пятому разу. Ясно, жизнь куда сложнее неких старческих или карьерных игр в «эмигрантов из бывшего СССР» или в русскоязычных яппи, поглощающих на спор ведро чистого спирта. Есть какое-то количество легенд, по-видимому, существует определенная идеология русскоязычной эмиграции и созданная на основе этой идеологии иерархия журнально-газетных ценностей.

Думаю, все это от нас довольно далеко.

И. М. Да, иерархии географической и впрямь нет. Ведь вообще совершенно необязательно находиться в одной из культурных столиц, чтобы иметь возможность делать что-то значительное. Само понятие «провинция» и в Америке существует, но оно немного другое. Лучшие оркестры, знаменитые университеты – повсюду. Самый знаменитый писательский семинар – в штате Айова. Известное «русское» издательство «Ардис» Карла Проффера, как вы знаете, существовало в Мичигане и т. д. Но и то правда, что есть более известные – часто, более старые – русские журналы. Вне зависимости от их местонахождения. Самая старая русская газета в Америке «Новое Русское Слово» издается в Нью-Йорке, там же выходит двуязычный журнал СЛОВО/WORD. И самый старый журнал под названием «Новый» (так же как и самый старый мост в Париже) тоже выходит в Нью-Йорке. А вот ежегодники «Встречи» и «Побережье» (www.coastmagazine.org) – в Филадельфии, причем первый, чисто поэтический ежегодный альманах, редактируемый одним человеком – Валентиной Алексеевной Синкевич, выходит уже более 25 лет. Даже пять названных мной изданий очень разные по тональности, кругу авторов, способу финансирования. Где гранты, где реклама (газета), где подписка. Все это, как правило, подвижники. До последнего времени Валентина Алексеевна сама вручную, в одиночку, перепечатывала все стихи на пишущей машинке, компьютер появился совсем недавно.

Осталась и традиция домашних чтений и концертов. Забавно, что это несильно отличается от описанного Набоковым в его берлинских рассказах 1920-х годов и романах «Машенька» или «Дар». Помните чтение Кончеева? То есть мир уже другой, а литературная эмигрантская ситуация в целом та же, и это забавно и, наверное, неслучайно.

Ирина, несколько слов о сибирском номере...

И. М. Сибирь – это особенное место. И для меня – особое. Дело в том, что, как бывший географ, я объездила с экспедициями всю Европейскую часть СССР, перекопала (я палеогеограф, занималась климатами и ландшафтами геологического прошлого) всю Русскую равнину, но так никогда и не побывала в Сибири. Не добралась. А для русского литератора и для русского географа не побывать в Сибири – это все равно, что для человека, занимающегося Возрождением, – не добраться до Италии. Осталась тяга. Оттого я и предложила Олегу посвятить этому региону целый номер, тем более что из Сибири к нам шел поток материалов. Благодаря присутствию в выпуске фоторепортажей трех замечательных художников, учеников московского мастера Александра Лапина (его страничка в «Союзе И»: <http://www.stosvet.net/union/Lapin>), образ Сибири еще более проявился, углубился.

Насколько я знаю, у меня нет сибирских корней, а вот мой муж – коренной сибиряк: его детство и юность – это ст. Тулун, Иркутск, Ангарск. Кстати, он горячий поклонник творчества В. П. Астафьева. Это прекрасно, что ваш фонд существует. А чем он занимается?

Наш фонд занимается поиском и поддержкой молодых талантливых литераторов. Ежегодно мы вручаем премии по четырем номинациям: «Проза», «Поэзия», «Иные жанры», «Ранний дебют». Нет ли у вас желания организовать что-либо подобное для русскоязычных авторов в Америке (понимаю, что недостаток средств, но, тем не менее) и кого в таком случае вы бы наградили?

О. В. Я понимаю этот так, что вы имеете в виду не НАШИХ АВТОРОВ ИЗ США, а авторов нашего журнала вообще, за исключением, по понятным соображениям, его редакторов, которые тоже авторы.

Вообще, это непростое дело – отделить молодых одаренных авторов от одаренных авторов среднего возраста, не получивших соответствующего таланту признания. Поэтому я здесь такого разделения не делаю, и вообще не делю на возрастные категории.

У меня сложилось мнение, что конкурсы молодых авторов еще более усугубляют положение талантливых возрастных ребят (как говорил мой тренер по боксу), но признания не получивших по тем или иным причинам.

И. М. К тому, что сказал Олег, добавлю, что выделять сейчас кого-либо из наших авторов было бы с нашей стороны неэтично. Но конкурсы мы про-

водить и впрямь собираемся, и очень скоро.

Что касается тем выпусков «Сторон света», то это, скорее, темы в музыкальном смысле. Все выпуски размещены на сайте www.stosvet.net. Региональных номеров вышло пока два: № 6 – уральско-сибирский и № 2 – питерский (его составил Вл. Гандельсман); № 4 (составитель Гр. Стариковский) был посвящен искусству перевода; № 1, 3, 5 – номера без заявленной темы, но и там слышны – обычно две – переплетающиеся мелодии. И в выходящем в августе № 7 она будет слышна – настолько, что ее почти можно будет сформулировать. На уровне этого «почти» мы и хотели бы остаться.

Журнал «Стороны света» (Нью-Йорк):
www.stosvet.net

Евгений Попов: «В литературе каждый НАСТОЯЩИЙ занимает свое место».

Материал посвящен памяти Дмитрия Александровича Пригова

Евгений Анатольевич Попов родился в Красноярске в 1946 году. Окончил Московский геологоразведочный институт. Первая значимая публикация – журнал «Новый мир», 1976 год, с предисловием Василия Шукшина. Автор альманаха «Метрополь». Первая книга – «Веселие Руси», 1981 год, издательство «Ардис», США. Член Шведского и Русского ПЕН-клубов. Произведения переведены на многие языки мира. Живет в Москве.

Евгений Анатольевич, к сожалению, повод для разговора грустный: на днях скончался Дмитрий Александрович Пригов (насколько я знаю, не чужой для вас человек), в апреле умер Роман Солнцев – что это: уходит поколение (они – ровесники, хотя и очень разные, понятное дело), смена литературных эпох? И если так, то что нас ждет, появление каких авторов на российском литературном пространстве вы ожидаете (имена, направления /явки, пароли/ (шучу))? И видите ли вы себя в этом новом потоке (если случится таковой)? И... насколько велика потеря (Пригов, Солнцев, Ростропович, а может быть и Ельцин, наконец)? Что они для нас (для вас) значили?

Да, в этом году ушли из жизни один за одним три очень близких мне человека. Роман Горич, над которым я подшучивал во многих моих сочинениях, изображая его то бродячим проповедником, то религиозным неофитом, Роман Солнцев, которого я знаю с 1962 года, и Дмитрий Александрович Пригов. Мало кто знает, что Пригов был моим крестным сыном – в прямом, а не переносном смысле этого слова. Пригов крестился в православную веру в 1984 году при моем непосредственном участии. Не знаю, уходит ли поколение. Слава Богу, еще живы, дай им Бог здоровья, старшие – патриарх, режиссер Ю. П. Любимов, ему вот-вот будет 90, В. П. Аксенов, которому 20 августа будет 75, критик И. Н. Соловьева – один из первых авторов рецензий на мои сочинения, ей в ноябре будет 80, Солженицын жив. А вот мои сверстники – кто чуть старше, кто моложе – что-то очень быстро и дружно направились ТУДА.

Я не думаю, что появление новых авторов на российском литературном пространстве напрямую связано с именами ушедших. В литературе каждый НАСТОЯЩИЙ занимает свое место, и нумерация этих мест бессмысленна, равно как и попытка заполнить образовавшуюся пустоту. Ибо пустоты нет. Пригов остался на своем месте, Солнцев – тоже. О Ростроповиче и Ельцине могу сказать только общие слова, потому что не был знаком с ними. Так, видел один-два раза. Считайте, что уже сказал эти слова: и тот, и другой – эпоха.

Мои друзья в первую очередь ценны для меня тем, что они – мои друзья. Роман Горич всегда читал мои рукописи и делал мне замечания, с большей частью которых я не соглашался, но которые, тем не менее, мне были необходимы. Сам он печатался крайне скудно, только тогда, когда ХОТЕЛ. И меня совершенно не смущало, что он печатался в основном у В. Бондаренки в «Дне литературы». Он подлого и глупого никогда ничего не писал, и его печатные трактówki моих текстов по-своему любопытны и интересны, равно как и статьи о писательнице Светлане Васильевой, моей жене. Мы не виделись годами, соотносясь только по телефону, но я знал, что он рядом.

А сейчас его нет. Он, кстати, и с «Днем литературы» общался только по почте.

Редко виделся я последнее время и с Дмитрием Александровичем. У него была своя жизнь, у меня – своя. Я очень ценю его как поэта и человека. Теоретические его штудии зачастую оставляли меня равнодушным. У него осталось множество учеников и последователей. Церковь Николы в Толмачах, где его отпевали, была полна людьми. Роман Солнцев для меня еще ближе. Считайте, что вся жизнь вместе прошла. Не буду повторять, сколько он успел сделать в литературе и жизни, это все знают, не случайно на его смерть откликнулись такие разные, зачастую стоящие на полярных жизненных позициях личности. Нас было трое – он, Эдуард Русаков, я. Теперь его нет, и это непреходящая боль для меня.

А никаких «новых авторов» я не жду, потому что они появляются сами по себе. Как трава, которая растет всегда. В России сейчас работает много превосходных литераторов разных возрастов, живущих и в «столицах», и в так называемой провинции, и даже «за бугром». Приводить имена, выстраивать «обойму» – бессмысленно и неэтично. Повторяю, что каждый занимает свое место. Главное – чтобы это место наличествовало. Известность, признание – все это переменные величины.

Все-таки для нас, красноярцев, уход из жизни Романа Харисовича Солнцева – это, безусловно, почти трагедия (не хочу нагнетать страсти, но вряд ли кто поспорит – Р. Х. С. для литературного Красноярска – это почти как Дали для Фигераса)... Как в связи с этим вам видится будущее журнала, лица, прочих литературных проектов? Как вы думаете – не оставит ли власть (или фонд Прохорова) все это на произвол судьбы? Все-таки с Р. Х. они работали, потому что его знали, у него было имя... Кто может занять его место и может ли кто-нибудь?

Да, это трагедия, и я не хочу золотить пилюлю. Роман Солнцев из редкой ныне породы ДЕЛАТЕЛЕЙ. Он каким-то чудом исхитрился сотрудничать со всеми и держать на плаву и журнал «День и ночь», и лицей, и другие, как вы выражаетесь, «проекты». И это не бесхребетность была и тем более не конформизм, а твердое, не всегда осознанное ощущение своей миссии. Которая заключалась для него не только в создании собственных текстов, но и в УТВЕРЖДЕНИИ русской современной литературы как единственной ценности в расхристанном «бравом новом мире». И дело даже не в том, что у него несомненно было имя, что он – превосходный литератор. А в какой-то простоватой, иногда наигранной доверительности.

Я ведь видел, как, иногда посмеиваясь, общались с «Ромашей» сильные

мира сего, от которых он (думаю, что и к их удивлению) почти всегда добивался всего, чего хотел – не мытьем, так катаньем. Может, понимали, что седеющий уже сибирский ПАРЕНЬ хлопочет не для себя, а для ДЕЛА.

И возможностей для так называемого КАРЬЕРНОГО РОСТА у него было предостаточно, но он ими не сумел или не захотел воспользоваться, что в принципе одно и то же. Я не думаю, что кто-то сможет заменить его, ибо этот гипотетический «кто-то» не обладает всей совокупностью его качеств, которые привели к тому, что о Красноярске последние годы все чаще и чаще говорили как о литературной столице Сибири. Разумеется, и за Виктором Петровичем Астафьевым Роман долгое время был как за каменной стеной. Но вот ушел Виктор Петрович, а дело продолжалось. Должно, непременно должно продолжиться и сейчас.

И это не благое мое пожелание, а насущная необходимость для выживания литературы в Красноярске, нескатывания ее в «провинциальность», которую она преодолела, в чем, конечно же, огромная заслуга «собирателя талантов» Романа Солнцева.

Мне кажется, не сочтите за бред, что вам нужно выработать «коллективного Солнцева», поделить между собой его функции, для этого в Красноярске достаточно много ярких личностей, и если они будут действовать сообща, будущее – будет. А если нет – сомкнутся воды, и станет на месте намытой тверди болото. Опять же не стану называть фамилий, но кто-то худо ли, бедно, но способен все же контактировать с «начальством», от которого сильно зависит финансовое положение журнала. Кто-то должен работать с авторами, благо, что авторитет журнала пока что очень высок. Заботиться о так называемых молодых писателях – здесь огромное значение имеет Фонд Астафьева, взаимоотношения с «филатовским» Форумом. Внушить местной власти, что литература вообще, а журнал, фонд и лицей в частности – важные красноярские ЦЕННОСТИ, потерять которые можно в два счета, но хороший хозяин этого не должен допустить, если он, конечно, не полный идиот, до которого не доходит, что между духовным и денежным процветанием и в стране, и в городе существует хоть и замысловатая, но прямая связь. Имена Солнцева и Астафьева – это подспорье, важные аргументы вашей деятельности БЕЗ НИХ.

Евгений Анатольевич, тяжелый вопрос (и может, напрасный), но когда уходят друзья, что остается... Возможно ли привыкнуть к таким утратам? В Красноярске у вас, конечно, сохраняются привязанности, но, тем не менее, не стал ли для вас этот город более далеким? В конце концов – приедете ли еще?

Красноярск – это моя родина. Здесь живут мои родственники, друзья, знакомые, коллеги. На Троицком кладбище лежат мои родители и родители родителей. Красноярск занимает огромное место в моей жизни, город К., стоящий на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан, – в моих сочинениях: рассказах, романах, эссе. Я рад, что благодаря (в том числе) и моим скромным текстам, переведенным на разные языки, Красноярск с его неповторимой аурой перестает быть абстракцией для мировой культуры. Жизнь – не рассказ, ее невозможно переписать, и так получилось, что большую часть жизни я прожил в Москве. Но в Красноярск меня все время тянет, я жалею, что не могу здесь бывать чаще, чем получается.

Ну а к утратам привыкнуть невозможно, единственное спасение – помнить об ушедших ВСЕГДА.

Вы много печатаетесь и в России, и за рубежом... С каким литературным журналом вам приятнее всего сотрудничать (московским, провинциальным)? И почему? Политика, работа какого журнала вам кажется на сегодняшний день наиболее интересной?

«Толстые» литературные журналы «Знамя», «Октябрь», «День и ночь», где я – член редколлегии. Издающийся в Самаре – Москве 6 раз в год иллюстрированный «антигламурный» журнал культуры, искусства, науки «Взор», где я принял на себя функции заместителя главного редактора. Интернет-издание «Грани.ру», где я время от времени пишу эссе, какие хочу. Газета «Гудок», от которой я с удовольствием езжу в командировки, а потом печатаю на ее страницах очерки. Вот недавно в Красноярске был, написал о профтехучилище, где учились в свое время Виктор Астафьев и Андрей Поздеев, об Абаканском отделении железной дороги и начальнике этого отделения – толковом сибирском мужике Александре Евгеньевиче Субботине, с которым я был на трассе Абакан – Тайшет, о фирменном поезде «Енисей». Писатель должен ездить по своей стране, знать, как она устроена, о чем говорят, что думают ее граждане. Иначе он становится бледной немочью, несмотря на все его таланты. Указанные издания я и считаю самыми интересными на сегодняшний день. Политика в широком смысле этого слова меня не интересует, а интересуют частности жизненного уклада, которые – выше политики. А журнальная политика, на мой взгляд, состоит в умении лавировать, утишать страсти и выдавать качественный продукт, но я здесь не большой специалист, а скорее наблюдатель. На Западе я сотрудничаю с издательствами, переводчиками и славистами разных стран, среди которых у меня много друзей. Но интерес к русской литературе там сейчас схлынул, вернее, стал избирательным.

Как вы оцениваете перспективу Фонда Астафьева: вложения, необходимость и прочее. И если можно (а насколько я знаю – вы следите за молодой российской словесностью), кто из известных вам молодых авторов мог бы претендовать на премию нашего фонда?

Фонд Астафьева жизненно необходим стране и Красноярску, об этом я уже говорил выше. Некоторые из известных мне молодых литераторов уже являются лауреатами премии этого фонда. Тех, кто МОГ БЫ, знаю, но называть не стану. Некорректно.